

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

50 2021
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 50 (392) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD) (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Платон* — древнегреческий философ. Точная дата рождения Платона неизвестна. Следуя античным источникам, большинство исследователей полагают, что Платон родился в 427 году до н. э. в Афинах или Эгине в разгар Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой. По античной традиции днем его рождения считается 7 таргелиона (21 мая), праздничный день, в который, по мифологическому преданию, на острове Делос родился бог Аполлон.

Согласно Диогену Лаэртскому, настоящее имя Платона — Аристокл (др.-греч. Ἀριστοκλῆς; буквально, «наилучшая слава»). Прозвище Платон (от греческого слова «πλάτος» — широта), означающее «широкий, широкоплечий», ему дал борец Аристон из Аргоса, его учитель гимнастики, за крепкое сложение Платона. Это прозвище тем более органично, что по утверждению Олимпиодора Платон был олимпийским чемпионом по панкратиону.

Платон родился в семье, имевшей аристократическое происхождение: род его отца Аристана восходил, согласно легендам, к последнему царю Аттики Кодру, а предком матери Периктионы был афинский реформатор Солон. Также, согласно Диогену Лаэртскому, Платон был зачат непорочно.

Первым учителем Платона был Кратил. А около 408 года до н. э. Платон познакомился с «мудрейшим из эллинов» Сократом. Платон стал одним из тех, кого Сократ учил философии (до этого он изучал стихотворчество). Сократ является неизменным участником практически всех сочинений Платона, написанных в форме диалога между историческими и иногда вымышленными персонажами. Во время суда над Сократом Платон был в числе учеников, предложивших денежный залог за своего учителя. После приговора Платон заболел и не присутствовал при последней беседе в темнице.

После смерти Сократа в 399 г. до н. э. Платон с некоторыми другими учениками переселился в Мегару, к предыдущему ученику Сократа Евклиду. Там Платон задавался диалектическими вопросами об основах бытия и познания. Из Мегары, по всей ве-

роятности, он совершил свои первые путешествия, среди которых более достоверны поездки в Кирену к математику Феодору и в Египет. Есть указания на возвращение его в Афины в 394 году. В 389 году Платон отправился в Южную Италию и Сицилию, где общался с пифагорейцами. «Платон отправлялся впоследствии в Сицилию, чтобы с помощью Дионисия Сиракузского основать там идеальное государство, в котором философы вместо чаши с ядом получали бы бразды правления». Сначала Платон был принят радушно, но вскоре отношение к нему изменилось, и его с позором изгнали, а по некоторым сведениям, даже продали в рабство, из которого он освободился. В 387 или 386 году Платон возвратился в Афины, где начал собирать вокруг себя кружок учеников, с которыми беседовал о философии в пригородном публичном саду (примерно в километре от Афин), и установил Академию.

В 367 или 366 г. до н. э., после смерти Дионисия Старшего, его сын и преемник Дионисий Младший под влиянием своего дяди Диона (с которым Платон подружился еще в первое свое посещение Сиракуз в Сицилии) пригласил философа, обещая стать его верным учеником. Сначала мечта Платона о юном тиране, управляющем обществом под руководством истинного философа, как будто сбывалась. Но скоро Дионисию надоело философское наблюдение; после своего разрыва с Дионом он начал негативно относиться к Платону и выгнал его. В 361 году через пифагорейца Архита Дионисий Младший снова призвал Платона, обещая ему помириться с Дионом, и снова его обманул, так что 70-летний Платон был принужден бежать из Сиракуз. Предполагается, что Аристотель вошел в Академию до возвращения Платона.

По древним преданиям, Платон умер в день своего рождения в возрасте 81 года в 347 году до н. э. (13-й год правления македонского царя Филиппа). Его похоронили в Академии. Считается, что он был погребен под именем Аристокл.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдурахманова Н. М.

Проблемы правового регулирования имущественных отношений между детьми и родителями в семье: сравнительно-правовой анализ 149

Агаурова А. Э.

Проблемы нотариального обеспечения права наследования недвижимого имущества по российскому законодательству 152

Агаурова А. Э.

Проблемы наследственных правоотношений и роль нотариуса в них 154

Александрова Е. О.

Правовые основания уменьшения размера субсидиарной ответственности и освобождения от нее номинального директора юридического лица 155

Афанасьева Н. К.

Срок действия договора поставки: актуальные вопросы, судебная практика, рекомендации, подборка условий договора поставки 159

Ахматзанов Т. А., Папышева Е. С.

Актуальные вопросы судебной деятельности в Российской Федерации..... 161

Багина А. А.

Порядок подачи и рассмотрения претензий и исков при железнодорожных международных перевозках груза 162

Басманова И. А.

Характеристика договора возмездного оказания медицинских услуг 163

Батталова А. А., Папышева Е. С.

О совершенствовании законодательного обеспечения правоохранительной деятельности 165

Беззубёнков Д. А.

Транспортное средство как источник повышенной опасности..... 167

Белянин Д. В.

История становления правового регулирования договора поставки в отечественном праве 169

Берсенева Д. А.

Понятие, признаки и формы имущественного обеспечения предпринимательской деятельности 171

Бозаров Ш. Т.

Правовые основы функционирования финансового рынка в Республике Узбекистан 174

Брусницына В. М.

Бесконтактный способ совершения наркопреступлений: актуальные проблемы установления и квалификации 178

Буданцев И. И.

Адвокатура в современной России 179

Вахрушева К. В.

Понятие процесса доказывания 181

Голобородько А. В.

К вопросу о назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы по делам о ятрогенных преступлениях 183

Гурская А. А.

Проблемы правового статуса нетипичных субъектов трудового права..... 185

Гюльметова А. Р., Джумагишиева З. А.

Развитие института медиации в мире..... 187

Гюльметова А. Р., Джумагишиева З. А.

Особенности проведения экспертизы денежных знаков и ценных бумаг..... 188

Гюльметова А. Р., Джумагишиева З. А.

Проблемы криминалистической одорологии.. 191

Дзиконская А. М.

Ответственность международных организаций в современном международном публичном праве 193

Дубровина Н. С. Гражданско-правовые отношения образовательных организаций.....	195	Зверева А. В. Некоторые особенности конструкции состава грабежа	202
Дюжев Я. Ю. Переговоры как форма судебной защиты	196	Зинченко Е. В. Принципы гражданского права	203
Евтеев Д. А. Проблемы правового регулирования объектов незавершенного строительства	198	Иваненко А. В. Реабилитация в российском уголовном процессе: актуальные вопросы теории и практики	206
Загидуллин Р. Р., Стрелец А. Р. Особенности правового статуса оценщика.....	199	Илюшкова В. С. К вопросу об ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии	208

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы правового регулирования имущественных отношений между детьми и родителями в семье: сравнительно-правовой анализ

Абдурахманова Насиба Мадияровна, самостоятельный соискатель
Высшая школа судей при Высшем судейском совете Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье изучаются проблемы правового регулирования имущественных отношений по частной и общей собственности родителей и детей, проводится сравнительно-правовое исследование данного института с позиции общего, континентального и обычного (по примеру стран Африки) права. В заключении автор сравнивает полученные результаты с законодательством Республики Узбекистан и приходит к выводу о том, что позиция Узбекистана схожа с позицией континентальной системы права.

Ключевые слова: *собственность, имущественные отношения, дети, родители, частная собственность, общая собственность, континентальное право*

Права собственности детей — это малоизученная область, которая преодолевает разрыв в области развития и гуманитарной помощи. Доступ к активам важен для выбора средств к существованию и экономического благополучия взрослых. Обычно мы не думаем о детях как о субъектах экономики из-за их возраста; их права собственности — это будущие права, которые еще не реализованы.

Исторически сложилось так, что дети были как обязанностью, так и собственностью своих родителей. Этот фундаментальный принцип сохраняется, хотя наши чувства и использование языка для описания родительских отношений изменились. Несмотря на то, что по практике наследования существует обширная литература, источников, непосредственно касающихся имущественных прав детей, мало. Дети и собственность представлены в литературе по социальным наукам в трех основных категориях: дети как собственность [1]; медицинские дискуссии о правах детей на собственное тело и части тела [2]; и общие обсуждения детей и гражданства, которые косвенно затрагивают права собственности [3]. Отсутствие материалов о правах собственности детей является результатом того факта, что дети не являются полноценными экономическими субъектами, контролирующими свои интересы.

Права детей — растущая область международного права [4]. Тем не менее, существует несколько международных стандартов, касающихся имущественных прав детей. Международное право, касающееся прав детей, появилось в 1924 году с Женевской декларации прав ребенка, принятой Лигой Наций. В Женевской декларации 1924 года делается упор на то, чтобы ребенок стал взрослым или будущим гражданином, а также на роль международного сообщества в содействии этому процессу. Позже Декларация о правах ребенка 1959 года и Конвенция ООН 1989 года о правах ребенка (КПР) более подробно рассказали о правах, ко-

торыми обладают дети, и включили важные детали, такие как право на образование, необходимость в особых условиях, правовая защита детей. КПР ООН, которая является «... наиболее широко признанным законодательным актом в области прав человека в истории», гарантирует детям право на имя, образование, культуру, свободу вероисповедания и даже поощряет издание детских книг; но в нем конкретно не упоминаются имущественные права детей. Действительно, в нем упоминается собственность только постольку, поскольку дети не должны подвергаться дискриминации из-за того, что они владеют или не владеют собственностью. Ратификация КПР стала поворотным моментом в признании прав детей в законе и в установлении важного критерия в статье 3, согласно которому «наилучшие интересы ребенка должны рассматриваться в первую очередь». Этот принцип «наилучших интересов ребенка» руководил Агентством ООН по делам беженцев в его работе по защите детей по всему миру [5]. Первой крупной международной конвенцией, признающей права собственности детей, как настоящих, так и будущих, является Гагская конвенция о родительской ответственности и защите детей (1996 г.), которая, в частности, в статье 1, призывает государства «защищать личность или имущество ребенка». Частое использование фразы «личность и имущество ребенка» указывает на признание нынешних и будущих прав собственности ребенка, хотя язык также восходит к более старому пониманию детей как собственности.

Дети не были юридически автономными до XX века, когда вопросы благополучия детей вышли на первый план, и идея о том, что дети имеют собственные права, отдельно от родителей или опекунов, стала законом. Ниже мы рассматриваем категорию имущественных прав детей с позиции общего, континентального и обычного права, переходя к более конкретному анализу имущественных прав детей.

В системах общего права на детей распространяется принцип равного уважения со стороны закона, сдерживаемый признанием того, что дети не обладают такой же способностью принимать решения, как взрослые [6]. Таким образом, в то время как дети имеют такие же права, как и взрослые в теории, они не являются юридически в состоянии реализовать многие из этих прав — право на участие в юридических договорах — пока они не достигнут совершеннолетия. Точно так же, как женщины раньше не могли заключать договоры самостоятельно в соответствии с законами о прикрытии в системах общего права из-за того, что их интересы были отнесены к интересам их мужей [7].

Континентальное право, преобладающее в континентальной Европе, имеет модель собственности, основанную на родительской власти, которая аналогична таковой в общем праве. Дети находятся под контролем своих родителей, и все имущество ребенка, даже если оно хранится отдельно, находится в ведении родителей. В системах континентального права отец или глава семьи имеет право пользования имуществом ребенка, пока ребенок находится дома у родителей [8]. Принципиальная разница между системами общего и гражданского (континентального) права, когда речь идет о наследовании детей, заключается в том, что в странах континентального права, таких как Франция и Германия, независимо от того, есть ли завещание или нет, дети получают «обязательные доли» в наследстве каждого родителя. В системах общего права дети не наследуют автоматически от своих родителей, если родитель не умирает без завещания. Взгляды на детей в рамках современных систем континентального и общего права в чем-то схожи; их личные права на договор и собственность ограничены во время их несовершеннолетия. Когда они становятся взрослыми, то получают право управлять своим имуществом.

Третья рассматриваемая здесь система права — это обычное право. Обычное право — это свод правил и практик, регулирующих личный статус, общинные ресурсы и местную организацию во многих частях Африки, Азии и Австралии. Обращаясь к обычному праву в странах Африки к югу от Сахары, G. R. Woodman [9] отмечает, что «обычное право можно определить, как нормативный порядок, соблюдаемый населением, сформированный регулярным социальным поведением и развитием сопутствующего чувства собственного достоинства». В отличие от общего и континентального права, обычное право в большинстве случаев не кодифицировано. Оно «... воплощено, существует в конкретном и активном исполнении отдельными людьми, а не в записанной, письменной форме, которая стремится к универсальному применению» [10]. Тем не менее, в странах Африки к югу от Сахары в целом оно предназначено для содействия благополучию общества, включая детей, и для регулирования доступа к ресурсам. Акцент делается на групповых правах, и, как члены группы или рода, дети имеют право на защиту и на ресурсы, находящиеся в распоряжении группы, обычно на доступ к земле или другим природным ресурсам, таким как деревья и вода. «Согласно традиционному обычному праву, всем детям, принадлежащим к семейной группе, гарантируется поддержка внутри группы и со стороны всех ее членов, действующих совместно [11].

Обычные права на собственность существенно отличаются от прав в современных системах континентального и общего права, поскольку они не предоставляются автоматически, когда ребенок достигает совершеннолетия или после смерти одного из родителей, но могут зависеть от брака, пола, наличия и положения в обществе. Молодые люди обычно наследуют традиционные земли, когда их старшие родственники-мужчины и / или лидеры общин решают, что они должны это сделать, — обычно после вступления в брак. Молодые женщины часто вообще не наследуют землю по обычаям или родословной, даже в штатах, где по закону требуется наследование на основе гендерного равенства. Обычное право, хотя и отличается в странах Африки к югу от Сахары, редко предоставляет женщинам автономные права на недвижимое имущество. Выдержка из решения суда Уганды излагает исторический взгляд на обычное право в отношении возраста и пола [10].

Неспособность детей или сыновей владеть землей была четко указана в *Bundanga V. Kagumeho* (Civil Appeal No. 117/67). Судья заявил, что согласно соответствующему обычному праву сын не может предъявить иск своему отцу за землю, принадлежащую отцу. Он не мог даже подать в суд на отца в отношении участка земли, который купил сын. Согласно обычному праву, все, что делает молодой человек (несовершеннолетние), является собственностью родителей до тех пор, пока родители не решат передать это сыну после брака. Пока это не будет сделано, деревья и земля принадлежат родителям. Слово «родитель» имеет ярко выраженный социальный оттенок. В социальном смысле можно свободно сказать, что земля принадлежит родителям. Но в строгом юридическом смысле право собственности принадлежит только мужчине. Поэтому, как правило, не состоящие в браке несовершеннолетние лица мужского пола и женщины не могут владеть землей. Они просто имеют право пользоваться землей. [12]

Существуют некоторые явные различия между имущественными правами детей в соответствии с обычным правом и в соответствии с современным континентальным и общим правом. Во-первых, согласно многим формам обычного права в Африке, ребенок имеет право на семейную собственность до смерти своего родителя. Хотя достижение совершеннолетия не означает доступа к собственности, в большинстве случаев нет необходимости ждать смерти одного из родителей, чтобы получить часть семейной земли для ведения сельского хозяйства или наследственной собственности, на которой можно построить дом. Некоторые специалисты [13] говорят об этой проблеме как о «перекрытии» прав на землю, передаваемых из поколения в поколение. В наиболее типичном случае земля для дома и обработки появлялась в то время, когда необходимо было создать независимое домашнее хозяйство — после брака. Во-вторых, даже брак не может привести к наследованию земли в ситуациях, когда земли не хватает. В-третьих, обычное право благоприятствует наследованию земли мужчинами. Согласно многим формам обычного права, женщины имеют право пользоваться только землей, поскольку они не считаются членами той линии, с которой они вступают в брак [14]. Однако дети претендуют на принадлежность к родословной, особенно если они мальчики.

Во всех трех правовых системах права собственности детей возлагаются на родителя или опекуна, который будет заботиться о ребенке, пока ребенок не достигнет совершеннолетия, независимо от того, как это определено. Затем родители и опекуны решают, когда взрослые дети получают оставшуюся часть семейного имущества — в случае смерти одного из родителей или раньше. Таким образом, мы можем представить себе детей, обладающих двумя видами имущественных прав: теми, которые являются конкретными и специфическими для того времени, когда они находятся в меньшинстве,— например, доверительный фонд, управляемый от их имени, до тех пор, пока они не достигнут определенного возраста; и те будущие права на собственность, которые станут их собственностью в случае смерти или решения их родителей. Семейная собственность относится ко второй категории. Это ожидаемое будущее право, менее конкретное по форме и стоимости, различающееся в зависимости от управления и количества наследников.

Что касается Республики Узбекистан, то у нас действует такая же система, как и в континентальном праве. По семейному законодательству Республики Узбекистан дети и роди-

тели не могут быть собственниками имущества друг друга, то есть предполагается, что каждый из них обладает отдельной собственностью. При этом гражданское и семейное законодательство страны допускает возможность возникновения между детьми и родителями права общей собственности.

Однако, возникает вопрос дееспособности несовершеннолетних детей в семье, при распоряжении ими принадлежащей им частной собственностью. По правилам гражданского и семейного законодательства Республики Узбекистан управляют и распоряжаются частной собственностью детей в семье законные представители (родители, опекуны, попечители). А право владения и пользования остается за детьми.

Таким образом, в современном мире имеются три различных подхода урегулирования имущественных отношений между родителями и детьми, исходя из существующих систем общего, континентального и обычного права. При этом Республика Узбекистан придерживается правил континентального права и описывает данные отношения между родителями и детьми в своем семейном и гражданском законодательстве.

Литература:

1. Myers, J. A. (2007). Are children community property in California?(Rights of Parents). *The Journal of Contemporary Legal Issues*, 16(1), 65–70.
2. Lyons, B. (2011). The good that is interred in their bones: Are there property rights in the child? *Medical Law Review*, 19(3), 372–400.
3. Watson, A. M. S. (2009). Children’s human rights and the politics of childhood. In P. Hayden (Ed.), *The Ashgate research companion to ethics and international relations* (pp. 247–260). Burlington, VT: Ashgate.
4. Pobjoy, J. M. (2015). The best interests of the child principle as an independent source of international protection. *International and Comparative Law Quarterly*, 64(2), 327–363.10.1017/S0020589315000044
5. UNHCR. (2011). *Field handbook for the implementation of UNHCR BID guidelines*. Geneva.
6. Teitelbaum, L. E. (1999). Children’s rights and the problem of equal respect. [law review]. *Hofstra Law Review*, 27, 799.
7. Deere, C. D., & Doss, C. R. (2006). The gender asset gap: What do we know and why does it matter? *Feminist Economics*, 12(1–2), 1–50.
8. Beltramo, M., Longo, G. E., & Merryman, J. H. (1969). *The Italian Civil Code*. Dobbs Ferry, NY: Oceana Publications.
9. Woodman, G. R. (2011). A survey of customary laws in Africa in search of lessons for the future. In J. Fenrich, P. Galizzi, & T. E. Higgins (Eds.), *The future of African customary law* (pp. 9–30). New York, NY: Cambridge University Press.10.1017/CBO9780511844294
10. Joireman, S. F. (2018). Intergenerational land conflict in Northern Uganda: Children, customary law and return migration. *Africa*, 88(1).
11. South African Law Commission (1998). *The Review of the Child Care Act* (Issue Paper No. 103). Pretoria: S. A. I. Commission.
12. Obol-Ochola, J. (1973). The pilot scheme for the registration of titles in Kigezi. *The Uganda Law Focus*, 1(3), 133–145.
13. Chauveau, J.-P., Colin, J.-P., Jacob, J.-P., Delville, P. L., & Le Meur, P.-Y. (2006). *Changes in land access and governance in West Africa: Markets, social mediations and public policies*. London: IIED.
14. Hakansson, N. T. (1994). The detachability of women: Gender and kinship in processes of socioeconomic change among the Gusii of Kenya. *American Ethnologist*, 21(3), 516–538.10.1525/ae.1994.21.3.02a00040

Проблемы нотариального обеспечения права наследования недвижимого имущества по российскому законодательству

Агаурова Анастасия Эдуардовна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье анализируется недвижимое имущество, которое передается по наследству, оформляясь через нотариальное удостоверение. Нотариальное обеспечение права наследования имущества является достаточно актуальной темой, так как проблемы в переходе имущества имеют свои трудности и особенности. Нотариус как уполномоченное в данном случае лицо занимается обеспечением законности при передаче и получении отдельных видов имущества, тем самым сопровождая сделку.

Ключевые слова: право наследования, нотариальное обеспечение, виды имущества, наследство, недвижимое имущество.

Наследование — неотъемлемая часть социальной и гражданской жизни современного общества как в России, так и в зарубежных странах. Процедура наследования знакома истории достаточно давно, но по-настоящему действенное и рациональное правовое регулирование получило в последние десятилетия. Все чаще в наследстве преобладает передача недвижимости.

Законодатели также стали активнее рассматривать вопросы нотариальной деятельности в правовом обеспечении наследования и наследственных прав. Именно потому стоит отметить, что усиление роли наследственных процессов привело не только к преобразованию законодательства, но и расширила полномочия и деятельность нотариусов. Основные процедуры наследования теперь оформляются и регистрируются нотариусом, которого закон сделал единственным полномочным лицом, способным обеспечить права наследодателя и наследников.

Конституция РФ гарантировала гражданам право наследования, тем самым данной нормой обеспечив переход имущества по воле лица-наследодателя (ч. 4 ст. 35) [1].

В соответствии же с Гражданским процессуальным кодексом РФ дела о наследстве рассматриваются судами общей юрисдикции (п. 1 ч. 1 и ч. 3 ст. 22, п. 5 ч. 1 ст. 23) [2].

В настоящее время, не смотря на главенствующую роль нотариуса в процессе наследования, все еще много проблемных вопросов остается при нотариальном обеспечении права наследования отдельных видов имущества.

Значимым фактором является вид наследственного имущества. Наследственная вещь может быть как движимой, так и недвижимой, потребляемой или непотребляемой, делимой или неделимой. Также сюда относятся имущественные права и обязанности [3, с. 137].

Принято классифицировать такие виды имущества в процедуре наследования, как:

- недвижимое имущество;
- имущество наследодателя в потребительских кооперативах;
- имущество в производственных кооперативах;
- имущество лица в хозяйственных товариществах и обществах;
- имущество крестьянского и фермерского хозяйства и вещи;
- имущество наследодателя с особым правовым статусом.

Каждый вид представленного имущества обладает определенными особенностями, в том числе их нотариального обеспе-

чения. Но в данном случае все же отдельного внимания заслуживает вопрос нотариального обеспечения прав на недвижимое имущество наследодателя, которое наиболее часто наследуется и имеет много споров в современной судебной практике.

К недвижимому имуществу наиболее часто передаваемому по наследству относится жилое помещения, предназначенное для непосредственного проживания лица.

Российское гражданское и жилищное законодательство определяет жилые помещения в качестве объектов гражданских и жилищных правоотношений. К их числу относятся следующая недвижимость:

- квартиры;
- жилые дома;
- изолированные комнаты в квартирах или жилых домах.

Каждый из видов жилых помещений признаются таковыми по российскому законодательству, если представляют собой место, которое отвечает санитарным, противопожарным, градостроительным и техническим требованиям, при этом в совокупности предназначен и может служить объектом для проживания граждан.

Передача недвижимого имущества по наследству имеет определенный порядок, который должен отвечать ряду факторов, среди которых можно определить такие наиболее значимые, как форма вещного права на имущество умершего. В данном случае речь идет о нахождении имущества в частной собственности, в аренде, безвозмездном пользовании, в залоге или в зависимости от других условий пользования и владения данным наследством.

В права наследодателя входит распоряжение собственной недвижимостью, которая была им приобретена на основании гражданско-правовых отношений и зарегистрирована в соответствии с законом. Наличие таких оснований дает возможность ее владельцу распоряжаться ей в дальнейшем в рамках наследования, как по закону, так и по завещанию [4, с. 43]. Лишь законно приобретенное и зарегистрированное имущество может быть передано наследнику. Важно, чтобы такие требования соблюдались, так как восстановить или доказать соответствующие права и основания на наследство в противном случае может быть достаточно затруднительно.

Владение недвижимым имуществом — жильем предполагает проверку такого права у лица. Проверкой наличия такого права занимается нотариус в рамках установленных законом РФ полномочий. Наследники по требованию нотариуса должны предоставить правоустанавливающие документы на

жилье. Но личная проверка в дальнейшем подтверждается запросами в государственные инстанции.

При передаче жилья в наследство есть некоторые ограничения, в число которых входит невозможность передачи наследодателем арендованного жилья, а также жилья, полученного по договору социального найма или во временное служебное пользование. Соответствующее муниципальное и ведомственное жилье не передается наследникам [4, с. 914].

При рассмотрении данных положений стоит отметить, что законодателем установлен определенный специальный режим наследственного правопреемства, в соответствии с которым разные виды имущества и имущественных прав переходят в определенном порядке с указанием оснований, долей и иных особенностей, каждая из которых обладает спецификой, регламентированной законом.

В каждом случае право наследодателя и наследников проверяется и подтверждается нотариусом, исполняющим соответствующие обязательства по наследственному делу. Нотариальная деятельность включает в себя ряд обстоятельств, которые обязывают нотариуса действовать в интересах, как наследодателя, так и законных наследников. Одним из важных обязанностей является проверка на соответствие передаваемого имущества. Помимо проверки самого завещания или правоустанавливающих документов, требуется подтверждение из соответствующих инстанций, что в свою очередь может затягивать процедуру вступления в наследство.

Все чаще практика наследования недвижимого имущества пополняется примерами беззакония и мошенничества. Особо хотелось бы отметить, оформление квартир умерших лиц по поддельным документам и их последующая перепродажа. Но проблема заключается в том что, когда государству становится известно о незаконной сделке, требования предъявляются к ничего не подозревавшему новому владельцу квартиры, который добросовестно ее приобрел, не зная об обмане. Столкнувшись с неединичными случаями подобного мошенничества и защиты прав граждан, Конституционный суд РФ в 2017 году запретил таким образом отбирать у законных правопробретателей их недвижимое имущество. Но при этом пострадавшие все еще борются за восстановление и защиту собственных прав на приобретенное ими недвижимое имущество, не наследованное законным путем. [6]

В качестве примера разберем дело Дубцова. Судом было запрещено изымать жилье, которое Александр Дубовец приобрел

в 2008 году у лица, который Выпиской из ЕГРН подтвердил свои права. Ранее же квартира принадлежала человеку, умершему в 1994 без наличия наследников. Государство не реализовывало никаких прав на данное имущество, после чего с помощью мошенников недвижимость попала на рынок и была продана. К истребованию данного «наследства» власти приступили лишь в 2015 году, но благодаря решению Конституционного суда Александр Дубовец смог вернуть себе собственность, приобретенную законным путем.

В сложившейся ситуации заметим, что изменения в закон, которые должны были последовать за постановлением Конституционного суда 2017 года, вступили в силу только в 2020 году. Так по мнению Григория Вайпана: «теперь в законе написано, что государство может в течение первых трех лет отнять квартиру у добросовестного приобретателя. Это противоречит тому, что КС сказал в 2017 году и что ЕСПЧ говорит с 2011 года» [6].

Анализируя подобную ситуацию, представляется, что нотариус требуется не только при переходе недвижимого имущества в рамках наследства, но и при отсутствии наследников у владельца. Такая регистрация перехода прав при отсутствии наследников и передаче имущества государству, помогла избежать мошенничества и нарушения прав лиц, законно приобретенных незаконное имущество.

Существующие проблемы обеспечения права наследования заключаются в ограничении полномочий нотариуса, на ряд действий, которые необходимы для более быстрой процедуры наследования. В настоящее время требуются поправки к основному закону о нотариальной деятельности, который позволит нотариусу быстро реализовывать необходимые действия для получения соответствующих сведений и их приобщения к наследственному делу.

Таким образом, передача отдельных видов имущества по наследству должно сопровождаться соответствующими правовыми действиями со стороны нотариуса, в чьи полномочия входит осуществление законной передачи наследства от наследодателя наследникам. Нотариус как уполномоченное лицо обеспечивает осуществление всех наследственных прав, проверяя основания перехода и получения имущества, законность и возможность такого перехода, равноценное исполнение завещания и иные необходимые мероприятия, сопровождающие процедуру наследования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Бирюков Б. М. Наследование. Дарение. Пожизненная рента. Вопросы правового регулирования. 2-е изд. — М., 2012. — С. 137.
4. Блинков О. Е. Наследование по завещанию денежных средств и иного имущества в банках. — М.: Юрист, 2016. — С. 914.
5. Дзыба З. А. Наследование отдельных видов имущественных прав // Евразийский Союз Ученых. — 2017. — № 1. — С. 43.
6. Квартира без наследников. Как мошенники крадут имущество у государства и почему ответственность за это несут последние владельцы? [Электронный ресурс] // Такие дела. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/02/06/vymorochnoe-imushchestvo/> (дата обращения 20.11.2021).

Проблемы наследственных правоотношений и роль нотариуса в них

Агаурова Анастасия Эдуардовна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

Все больше проблем возникает в процедурах наследования, передачи и получении наследственных прав. В данном случае важную роль выполняет нотариус, осуществляющий полномочия по регистрации и сопровождению наследственных правоотношений. Судебная практика по данным вопросам достаточно обширна, споры порождают все больше трудностей в определении истинных правонаследников, поэтому требуется проведение комплексного исследования наиболее актуальных проблем в данном вопросе.

Ключевые слова: наследование, наследственные права, нотариальная деятельность, нотариус, наследственные правоотношения.

Нотариат является важным институтом в гражданском обществе. Он осуществляет функции по регистрации и сопровождению ряда сделок, необходимых в гражданско-правовых отношениях. Особо актуальна роль нотариата в наследственных правоотношениях.

Нотариус как основной элемент нотариата и нотариальной деятельности обеспечивает правомерный переход и получение наследниками имущества, в том числе недвижимого. Важной задачей нотариата является именно соблюдение законности, прав и обязанностей всех участвующих в данном процессе лиц. В настоящее время все еще существуют многие вопросы, касающиеся обеспечения нотариатом всех элементов процедуры наследования прав на недвижимое имущество, требующие иного современного подхода к законодательному регулированию.

Нотариус в наследственных спорах выступает как незаинтересованное лицо, обеспечивающее законное урегулирование разногласий и перехода наследуемого имущества. Оформление данной сделки делает возможным официальное и истинно-верное обременение прав на имущество у лица. Нотариус является одним из механизмов защиты наследственных прав.

Рассмотрим некоторые спорные ситуации, в которых требуется охрана наследственных прав.

Все еще интересующей многих проблемой остается полный отказ от наследства или полное вступление в наследуемые права, что означает, что наследник не может в части отказаться или принять имущество. Законодательство для исключения неравноправия и ущемления прав наследников и иных лиц позволяет действовать лишь в данных рамках, что предполагает, что отказ, например, от долгов наследодателя при приеме иного недвижимого имущества, не может быть осуществлен. Если лицо хочет стать наследником состояния, то соответственно должно исполнить обязанности по уплате долгов умершего гражданина.

Такие меры оправдывают себя, так как способствуют охране других лиц, как наследников другой очереди, так и кредиторов наследодателя.

Особая охрана наследства и наследственных права требуется при наличии большого количества наследников. В данном случае заметную роль может сыграть доверительный управляющий, назначаемый нотариусом и исполняющий обязанности умершего до вступления в наследство его приемников.

Интересные события вокруг наследственного права разворачиваются в настоящее время вокруг известной фирмы по продаже косметики Natura Siberica от ООО «Натура Сиберики».

Спор вокруг настоящей фирмы начался после смерти директора и основателя фирмы Андрея Трубникова, в связи с чем возник корпоративный конфликт. Наследники бизнесмена настаивали, что первый доверительный управляющий, назначенный Айгуль Карнауховой, действует против их интересов с целью «захвата» контроля над бизнесом. В связи с этим они подали в суд на юриста Natura Siberica [3].

В начале августа сотрудники Natura Siberica заявили, что отказываются работать под руководством нового генерального директора Сергея Буйлова.

Первая жена умершего директора Ирина Трубникова обладает долей во всех юридических лицах компании с 40%, а ее сыну принадлежит 15%. В настоящее время по определению Бабушкинского районного суда Москвы и предписания следственных органов Ирине Трубниковой все же передано под контроль имущество компании. На заводе была произведена опись оборудования, и на него наложен арест, а Трубникова признана ответственным хранителем.

В данном конфликте из-за отсутствия договоренности среди наследников нотариусом во исполнение закона был назначен доверительный управляющий, который исполнял обязанности покойного директора и руководителя фирмы. Данными обстоятельствами были недовольны сами наследники считающие, что они должны были взять на себя данные обязанности.

В данном споре все еще окончательно не установлена истина и существует много вопросов, которые сможет решить лишь завещание и нормы, регулирующие наследственные права.

Опись наследственного имущества является наиболее распространенной мерой по охране наследства, от того, насколько точно будет определен при этом состав наследственного имущества, во многом зависит то в каком состоянии и количестве оно будет передано наследникам и отказополучателям. Кроме того, опись является необходимой предпосылкой для осуществления таких мер, как передача наследственного имущества на хранение и в доверительное управление.

Если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления, закон предусматривает применение иных правовых средств — передачу наследственного имущества в доверительное управление специальному лицу, принимающему на себя выполнение комплекса действий управленческого характера. Такой подход позволяет использовать имущество наиболее эффективно, извлекая материальную и иную выгоду.

Договор доверительного управления, прежде всего, необходим наследникам, заинтересованным в обеспечении сохранности наследственного имущества, а при умелом управлении — его приумножении.

Законодательством не предусмотрена обязанность нотариусов согласовывать кандидатуру управляющего с наследниками, исполнителем завещания, органами местного самоуправления и иными лицами, обратившимися за совершением нотариального действия. В связи с этим в литературе встречаются предложения законодательно закрепить необходимость рассмотрения нотариусом кандидатуры доверительного управляющего, предлагаемой лицом, обращающимся за совершением нотариального действия.

Как видно, в наследственных правах достаточно много разнообразных проблем и острых вопросов, которые возникают на практике и их решение требует достаточно широкого рассмотрения и обсуждения, как законодателями, так и практиками.

При этом, несмотря на отсутствие нового законодательного урегулирования данной проблемы, совершенствуются иные механизмы проверки и реализации наследственных прав с помощью новых современных технологий.

Одно из новшеств — единая биометрическая система Центробанка, по которой теперь могут проверить личность претендентов.

Процедура оформления вступления в наследство в 2021 году заметно упростилась. Информацию об открытии дела теперь можно проверить на едином сайте Федеральной нотариальной палаты. А запросы в банки и госучреждения о сведениях, например, по банковским счетам или неполученной пенсии наследодателя теперь делает нотариус, рассказал председатель коллегии адвокатов А1 Александр Заблоцкис [3].

Наличие совместно нажитого имущества наследодателя и его супруга можно также выяснить посредством нотариуса. Росреестр теперь обязан эти сведения направлять в нотариат, объяснил Заблоцкис в беседе с агентством «Прайм». Ещё одно новшество — единая биометрическая система Центробанка, по которой могут проверить личность претендентов.

Так, чтобы обезопасить претендентов на наследство от мошенников, Центробанк планирует вносить всех кандидатов в единую базу. В ней будут проверять личность наследника. А чтобы избежать поддельных документов на наследство, на них будут ставить цифровую метку.

Председатель коллегии адвокатов А1 Александр Заблоцкис отметил, что на завещание теперь обязательно будут наноситься QR-коды. По его словам, подделка документов в таком случае достаточно сложна [2].

Такие меры, по мнению адвокатов, обоснованы ещё и тем, что процедура получения наследства стала гораздо проще. Всю информацию о наследователе может запросить его нотариус: выписки банковских счетов, наличие имущества, пенсии и так далее.

Таким образом, в настоящее время важной составляющей наследственных прав является нотариус, его права и обязанности, с помощью которых он осуществляет охрану оснований наследования. Проблемы, возникающие в судебной практике и повседневной жизни, говорят о необходимости урегулирования вопросов, касающихся роли нотариуса в наследственных правах, а также совершенствовании механизма охраны наследственных прав с помощью не только законодательства, но и новейших современных технологий, которые позволят упростить и обезопасить передачу и получение наследства.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. «Сверим пальчики»: наследников в России будут проверять по биометрии // Правда.ру. URL: <https://www.pravda.ru/news/society/1633921-novosti/> (дата обращения: 26.11.2021).
3. Первая жена основателя Natura Siberica взяла контроль над производством [Электронный ресурс]. URL: <https://ngs.ru/text/business/2021/08/31/70108022/> (дата обращения: 26.11.2021).
4. Россиянам рассказали, что изменилось в правилах наследования [Электронный ресурс] // Mail.ru. URL: https://news.mail.ru/society/47664847/?frommail=1&exp_id=938 (дата обращения: 26.11.2021).

Правовые основания уменьшения размера субсидиарной ответственности и освобождения от нее номинального директора юридического лица

Александрова Елизавета Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Есенова Валентина Петровна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуется проблема правовой неопределенности в вопросе наличия оснований уменьшения размера субсидиарной ответственности «номинального» руководителя юридического лица, а также полного освобождения от нее на основании статей 61.11–61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Целью настоящей статьи является анализ научной литературы, а также судебной правоприменительной практики последних лет для формирования представления о сложившихся подходах арбитражных судов к определению пределов субсидиарной ответственности «номинальных» руководителей корпораций.

Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время возникла законодательная потребность внесения изменений в нормы ст. 61.11–61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в части урегулирования вопроса о наличии/отсутствии правовых оснований для освобождения от субсидиарной ответственности «номинальных» руководителей.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, арбитражный суд, единоличный исполнительный орган, номинальный руководитель, стандарт повышенного доказывания, прокалывание корпоративной вуали.

Legal grounds for reduction of the amount of subsidiary responsibility and exemption from it of the nominal director of a legal entity

The article explores the problem of legal uncertainty in the question of the existence of grounds for reducing the amount of subsidiary responsibility of the «nominal» head of a legal entity, as well as the complete exemption from it on the basis of Articles 61.11–61.12 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)».

The purpose of this article is to analyze scientific literature, as well as judicial law enforcement practice in recent years to form an idea about the prevailing approaches of arbitration courts to determine the limits of subsidiary responsibility of «nominal» heads of corporations.

The author comes to the conclusion that now there is a legislative need for amendments to the norms of articles 61.11–61.12 of the Federal law «On insolvency (bankruptcy)» in part to regulate the issue of the presence/absence of legal grounds for release from subsidiary responsibility of «nominal» executives.

Keywords: subsidiary liability, arbitration court, sole executive body, nominee manager, heightened standard of proof, piercing the corporate veil.

Концепция «прокалывания корпоративной вуали» зародилась и получила широкое распространение в странах англосаксонской правовой семьи. Несмотря на то, что отечественное гражданское законодательство основывается на общем принципе недопустимости ответственности учредителя (участника) юридического лица по обязательствам последнего [5], она оказала большое влияние на российскую правовую систему.

Её юридическое действие нашло свое выражение, прежде всего, в институте субсидиарной ответственности [1] контролирующих должника лиц в рамках дел о банкротстве, рассматриваемых арбитражными судами.

Согласно статистическим данным, количество удовлетворенных арбитражными судами исковых заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц за период с 2017 по 2020 годы возросла с 39,42% до 58,65% [16].

Учитывая то обстоятельство, что в настоящее время реальные бенефициары бизнеса стараются любыми способами избежать ответственности за совершенные действия вопреки интересам управляемой ими корпорации, актуальной становится проблема вовлечения в процесс управления юридическим лицом «номинальных» директоров [3].

Легальное определение понятия «номинальный директор» действующее российское законодательство не содержит. Однако Верховный Суд Российской Федерации в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (Далее — «Постановление № 53») разъяснил, что «номинальным» руководителем является руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление [7].

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации о номинальности статуса руководителя может свидетельствовать полное передоверие управления другому лицу на основании доверенности либо принятие ключевых решений по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имевшего соответствующих формальных полномочий.

Правовые основания привлечения к субсидиарной ответственности как реальных, так и «теневых» владельцев бизнеса являются одинаковыми и исчерпывающими, при этом среди них можно выделить две основные группы:

1. Субсидиарная ответственность, наступающая вследствие того, что действия /бездействие единоличного исполнительного органа должника привели к невозможности полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6];

2. Субсидиарная ответственность, наступающая вследствие неисполнения единоличным исполнительным органом обязанности по подаче в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом (ст. 61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Следовательно, справедливым является утверждение Е. М. Смирновой о том, что по общему правилу статусы номинального и фактического руководителя уравниваются в целях привлечения к субсидиарной ответственности [4].

Отметим, что субсидиарная ответственность директора юридического лица по своей правовой природе является разновидностью гражданско-правовой ответственности [9].

Поэтому для ее применения необходимо наличие совокупности следующих обстоятельств: противоправность действия/бездействия единоличного исполнительного органа; наличие у должника убытков; наличие причинно-следственной связи

между противоправным поведением и наступившими убытками; вина единоличного исполнительного органа.

Следует также учитывать, что по делам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц действует повышенный стандарт доказывания [2]. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации его сущность состоит в том, что в делах о привлечении к субсидиарной ответственности нелюбое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение в отсутствии контроля должно толковаться против ответчика, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно с помощью согласующихся между собой косвенных доказательств подтверждать факт возможности давать прямо либо опосредованно обязательные для исполнения должником указания [8].

Для исследования вопроса о правовых основаниях уменьшения размера субсидиарной ответственности «номинального» директора, необходимо обратиться к содержанию нормы пункта 9 ст. 61.11 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которой размер ответственности единоличного исполнительного органа может быть уменьшен либо он может быть освобожден от ответственности, если:

во-первых, он докажет, что при исполнении функций единоличного исполнительного органа корпорации фактически не оказывал определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществлял функции органа управления номинально);

во-вторых, благодаря предоставленным им сведениям, будет установлено фактически контролировавшее должника лицо, и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица.

Распространенной процессуальной ошибкой ответчиков по делам о привлечении к субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа является то, что они представляют в материалы судебного дела только доказательства «номинальности» своего статуса [10].

Однако по смыслу вышеуказанной нормы ответчик должен также совершить дополнительные действия, а именно представить суду сведения о фактически контролирующем должника лице и (или) имуществе должника или такого лица, за счет которого могут быть погашены требования кредиторов. Если указанные действия не будут совершены единоличным исполнительным органом, оснований для уменьшения размера его субсидиарной ответственности у суда не будет [11].

Кроме того, предоставленная «номинальным» директором информация должна обладать свойством недоступности своего содержания другим участникам гражданского оборота. Только в том случае, когда благодаря сведениям, имеющемуся исключительно у «номинального» директора и добровольно раскрытым им, можно установить фактически контролирующее должника лицо, либо его имущество, или такое лицо, за счет которого могут быть погашены требования кредиторов, размер субсидиарной ответственности может быть уменьшен арбитражным судом.

Так, Восьмой арбитражный апелляционный суд в рамках разбирательства арбитражного дела А81-7525/2017 указал: «Предоставленная номинальному руководителю Законом о банкротстве возможность заключить «сделку с судом» (ос-

вободиться от ответственности или снизить ее размер путем предоставления информации о фактическом руководителе должника и/или его имуществе) зависит от того, обладает ли номинальный руководитель информацией, недоступной независимым участникам оборота» [13].

Между тем неразрешенным в юридической науке остается вопрос о возможности полного освобождения от субсидиарной ответственности «номинального» директора.

Если еще раз обратиться к буквальному толкованию текста нормы пункта 9 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», то можно сделать вывод, что она предоставляет право арбитражному суду не только уменьшить размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, но и полностью освободить последнего от нее.

Однако согласно толкованию вышеуказанной нормы, содержащемуся в абзаце 3 пункта 6 Постановления № 53, размер субсидиарной ответственности номинального руководителя как на основании ст. 61.11 Закона о банкротстве, так и в случае привлечения к субсидиарной ответственности на основании ст. 61.12 Закона о банкротстве может быть уменьшен. Каких-либо дополнительных разъяснений Верховный Суд Российской Федерации по вопросу полного освобождения номинального директора от субсидиарной ответственности до настоящего времени не дал.

Именно поэтому проведенное исследование арбитражной правоприменительной практики показало, что вопрос о возможности полного освобождения от субсидиарной ответственности «номинального» директора разрешается арбитражными судами неоднозначно.

С одной стороны, в большинстве случаев арбитражные суды ссылаются на смысл вышеуказанного абзаца 3 пункта 6 Постановления № 53 и указывают на то, что он не предусматривает возможность полного освобождения «номинального» директора от субсидиарной ответственности [12].

Полагаем, что данный подход российских арбитражных судов к недопустимости полного освобождения от субсидиарной ответственности лица, исполняющего обязанности единоличного исполнительного органа, лишь на том основании, что он осуществлял функции управления номинально, является обоснованным.

Прежде всего, он направлен на то, чтобы не допустить распространение случаев, когда фактически принимавшие решения владельцы бизнеса смогут избежать ответственности за счет того, что в суде они будут стараться доказать «номинальность» своего статуса.

Данная точка зрения основывается на действии нормы п. 4 ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в соответствии с которым лицо является контролирующим должника лицом, если это лицо являлось руководителем должника, то есть действует презумпция контроля над деятельностью юридического лица.

С другой стороны, среди судебных постановлений нередко можно найти противоположную судебную практику, когда в иске о привлечении к субсидиарной ответственности «номинального» руководителя арбитражные суды отказывают.

Так, при разбирательстве арбитражного дела № А51-655/2015 Арбитражный суд Дальневосточного округа в По-

становлении от 11.10.2019 № Ф03–3799/2019 признал несостоятельной ссылку конкурсного управляющего на то, что действующим банкротным законодательством не предусмотрена возможность полного освобождения от субсидиарной ответственности «номинального» директора [14]. Оставляя судебные постановления судов первой и апелляционной инстанции об отказе в привлечении к субсидиарной ответственности без изменения, суд кассационной инстанции мотивировал это тем, что по делу не установлено причинение действиями ответчика имущественного вреда кредиторам, кроме того, указанные кредитором и конкурсным управляющим сделки совершены в пределах обычной хозяйственной деятельности должника.

Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 17.02.2021 № Ф07–16773/2020 по делу № А56–79849/2017 также посчитал законными и обоснованными выводы судов предыдущих инстанций о невозможности при-

влечения к субсидиарной ответственности бывшего директора в связи с тем, что он не располагал ни документацией должника, ни возможностью контролировать его деятельность, поскольку внесенные в ЕГРЮЛ сведения о директоре как о руководителе и единственном участнике должника недостоверны [15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в судебной практике сложился неоднозначный подход к проблеме оснований уменьшения размера субсидиарной ответственности «номинального» директора, а также возможности полного освобождения от нее.

Полагаем, что для устранения правовой неопределенности в вопросе наличия у арбитражных судов оснований для освобождения от субсидиарной ответственности «номинальных» руководителей следует внести соответствующие изменения в ст. 61.11 и ст. 61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Литература:

1. Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Касаткина А. Ю. Субсидиарная ответственность по гражданскому и семейному законодательству РФ: монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. Москва: Проспект, 2021–128 с.
2. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу.— 2019.— № 5. Специальный выпуск.— С. 3–96.
3. Рыков И. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М., 2017.— 192 с.
4. Смирнова Е. М. Правовая неопределенность при привлечении к субсидиарной ответственности номинального руководителя // Вестник арбитражной практики.— 2019.— № 6 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» — 01.12.2021.
5. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 11. Ст. 1698.
6. Федеральный закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2021. № 17. Ст. 2878.
7. «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. № 53. СПС «КонсультантПлюс» — 01.12.2021.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17–6757(2,3) по делу № А22–941/2006 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19–10079 по делу № А41–87043/2015 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.10.2019 № Ф09–4886/19 по делу № А07–23847/2015 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
11. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.06.2019 № 11АП–5666/2019 по делу № А65–24220/2017 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.04.2019 № Ф09–1935/17 по делу № А50–12566/2015 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
13. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2019 № 08АП–11375/2019, 08АП–11381/2019 по делу № А81–7525/2017 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».— 01.12.2021.
14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.10.2019 № Ф03–3799/2019 по делу № А51–655/2015 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.02.2021 № Ф07–16773/2020 по делу № А56–79849/2017 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» — 01.12.2021.
16. Данные судебной статистики // [Электронный ресурс] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.12.2021).

Срок действия договора поставки: актуальные вопросы, судебная практика, рекомендации, подборка условий договора поставки

Афанасьева Наталья Константиновна, студент магистратуры

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина, Ленинградская обл.)

В статье анализируются актуальные вопросы, связанные с определением существенных условий договора поставки. Осуществляется анализ срока договора поставки с учетом сложившейся юридической практики. В качестве примеров используются арбитражные дела, проводятся расследования.

Ключевые слова: договор поставки, существенные условия, судебная практика, срок поставки.

Срок действия договора поставки — это согласованный сторонами срок, до которого обязательства сторон выполняются и условия договора вступают в силу.

После истечения срока действия договора поставки важно согласовать как срок договора, так и условия надлежащего выполнения обязательств после истечения срока действия договора [5, с. 109].

Пример:

Настоящее соглашение действует до тех пор, пока стороны не выполнят взятые на себя обязательства должным образом.

Срок договора поставки определяется с учетом ст. 190, 191 ГК РФ, и может быть направлена:

— на конкретную календарную дату.

Соглашение действительно до 31 декабря 2021 года.

— на момент истечения срока.

Настоящее Соглашение заключено сроком на один год.

Действует в течение не согласованного с договором поставки срока до момента исполнения обязательств (ст. 325 ГК РФ).

Поэтому, как уже было сказано выше, срок договора поставки лучше определять либо в конкретную дату, либо в конце срока.

Чтобы правильно согласовать эти условия, необходимо обратить внимание на следующие моменты.

— способы определения срока действия договора поставки;

— порядок исполнения обязательств сверх срока договора поставки.

Если срок договора поставки не согласован. В этом случае контракт остается в силе до окончания исполнения обязательств сторонами, определенных в нем условий.

Если договор поставки был заключен на условиях поставки партии, но ни срок действия договора поставки, ни сроки поставки не были согласованы, доставка товара должна быть осуществлена в разумные сроки.

Обратная сила гражданско-правового договора поставки (обратная сила договора) — это применение условий заключенного гражданско-правового договора к отношениям, возникшим до его заключения (п. 2 ст. 425 ГК РФ).

Чтобы применить обратную силу договора поставки, стороны договора поставки должны в договоре поставки или другом соглашении договориться о распространении условий договора поставки на отношения, возникшие между сторонами до заключения договора поставки. Это состояние часто называют ретроактивным резервированием [4, с. 39].

В случае несогласия с датой поставки договор будет признан разовой сделкой по поставке со всеми последствиями.

Срок поставки товара — обязательное условие договора поставки. Это так важно, потому что позволяет точно установить, когда продавец должен предоставить товар(ы) покупателю, и тем самым исключить случаи недоразумений.

При разрешении споров, связанных с этим моментом, суды имеют различные позиции, но практика подсказывает, что лучше назначать точные даты, особенно если вы собираетесь заключать стандартный разовый договор, а не рамочный. Особенность последнего в том, что помимо него составляется еще конкретизирующий договор, и в нем уже указывается график приема продукции. Это не очень удобно, так как выполнение взятых на себя обязательств в этом случае может несколько затянуться.

При неустановлении сроков в соответствии с п. 2 п. 314 статьи ГК РФ [1] поставщик обязан по первому требованию заказчика предоставить согласованный объект в течение 7 календарных дней с момента подачи заявки потребителя (если действующими таможенными не предусмотрено иное).

Если другая сторона молчит, продавец имеет право проявить инициативу. А это четко указывает на то, является ли срок обязательным условием договора поставки. Конечно, он играет ключевую роль, потому что, если он не определен, исполнитель становится очень зависимым от клиента, который может задерживать платеж или вообще потеряет интерес. Признание важности данного пункта снимает неуверенность, но часто превращается в проблему еще на стадии согласования — когда одна из сторон не желает брать на себя «дополнительные» обязательства. Участники сделки ставят свои подписи, не подтверждая этот момент, и тогда один из них начинает нарушать договор поставки. Например, потребитель не принимает уже привезенную партию, потому что спрос на эти вещи резко упал, но он называет причиной незавершение сделки, а продавец терпит убытки, вынужден идти в арбитраж и защищать его дело [7, с. 67].

Чтобы таких неприятностей не было, нужно быть четче в формулировках — согласовать конкретные даты и четкие временные рамки.

Таким образом, срок является существенным условием, исходя из определения доставки, данного Гражданским кодексом Российской Федерации (статья 506). Несмотря на общие нормы статьи 314 ГК РФ, предусматривающие исполнение обязательств в разумные сроки при отсутствии крайнего срока в договоре, законодатель при регулировании отношений поставки

вероятно, исходит из того, что на практике компенсировать такое отсутствие в договоре поставки достаточно сложно.

Многие цивилисты указывают на то, что перед заключением договора поставки сторонам рекомендуется обратиться к своему контрагенту с просьбой предъявить свидетельство о регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя. На наш взгляд, данный факт оправдан, так как в судебной практике немало случаев признания договора поставки недействительным из-за того, что одна из сторон не была зарегистрирована в установленном законодательством порядке. Также известны случаи, когда договор поставки был заключен от имени несуществующего юридического лица. В таких случаях, даже если поставка товаров по договору осуществляется, это не подтверждает правовой статус юридического лица, и договор считается недействительным [2, с. 45].

Действительно, почти всегда в долгосрочном контракте на поставку трудно ограничиться только существенными условиями при его заключении и дать законодателю право регулировать положения, не установленные договором. Поэтому на практике разрабатываются типовые образцы договоров поставки, причем их разрабатывают не только сами правоохранители договора поставки, но и государственные органы. Например, рекомендации по составлению контрактов, подготовленные еще в 1995 году Комитетом по торговле РФ, остаются в силе.

Существенным условием договора поставки следует считать срок поставки (срок действия договора). Этот вывод подтверждается самим определением договора, который обязывает поставщика передать товар «в оговоренные сроки или в установленные сроки». Кроме того, утверждение этого условия необходимо для адекватного применения положений пункта 1 статьи 508, пункта 1 статьи 511, статьи 521 Гражданского кодекса. В то же время судебная и арбитражная практика в этом вопросе неоднозначна. По большей части суды не рассматривают срок как существенное условие договора поставки (например: Постановление ФАС Волго-Вятского округа

от 14 марта 2017 г. № А29–1934 / 00е; Постановление ФАС РФ Западно-Сибирский округ от 25 мая 2016 г. № F04–3040 / 2016 (22831-А45–12); Постановление ФАС Приволжского округа от 8 сентября 2019 г. № А55–13550 / 2019–18; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17 мая 2018 г. № F08–1814 / 2018). Однако есть примеры обратного (например: Постановление Федеральной антимонопольной службы по Волго-Вятскому округу от 13 декабря 2020 г. № А79–3412 / 01-СК2–2991) [6, с. 43].

Основным принципом исполнения договора поставки (ст. 309 ГК РФ) является принцип надлежащего исполнения обязательств в соответствии с условиями договора и требованиями закона [3, с. 32].

Например, администрация подписала договор поставки строительных материалов на строительство многоквартирного дома. В ходе строительства девелопер выявил невозможность завершения строительства в сроки, установленные договором. В связи с этим стороны подписали дополнительное соглашение, по которому ввод объекта в эксплуатацию отложен, а также прекращена поставка строительных материалов.

Прокурор обратился в суд, который посчитал, что это дополнительное соглашение не соответствует требованиям Закона, и попросил признать соглашение недействительным. Суд первой инстанции в иске отказал. Эту позицию поддержал апелляционный суд.

Необходимо точно определить срок нарушения срока поставки товара, длительность неисполнения договорного обязательства, при выявлении существенного нарушения срока неисполнения абстрактные убытки подлежат компенсации, например, если вместо нарушенного договора поставки заключена другая сделка и цена товара соответствует текущей.

Итак, срок договора (ст. 425 ГК РФ) не следует отождествлять со сроком исполнения обязательств по договору (ст. 314 ГК РФ). Эти понятия не равнозначны, имеют разные юридические последствия и могут не совпадать. Срок исполнения обязательств — это период, в течение которого должно быть выполнено то или иное обязательство, предусмотренное договором.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; СЗ РФ. — 2019. — № 51 (часть I). — Ст. 7482.
2. Андрищенко, И. В. Гражданско-правовая ответственность за неисполнение договора поставки в контексте общетеоретического исследования // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. — 2016. — № 11.
3. Белов, В. А. Об отдельных проблемных вопросах взыскания убытков по договору поставки железнодорожным транспортом // Вестник арбитражной практики. — 2016. — № 2. — С. 54–64.
4. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. — М., 1988. — 543 с.
5. Витрянский, В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 1. — С. 34–54.
6. Денисова, М. О. Неустойку по договору поставки снизить может только суд // Пищевая промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2012. — № 2. — С. 56–66.
7. Дружинина, Л. Поставка: трудности квалификации // ЭЖ-Юрист. — 2016. — № 14. — С. 48–58.

Актуальные вопросы судебной деятельности в Российской Федерации

Ахматзанов Тимур Айратович, студент;
Папышева Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В данной статье рассматриваются основные актуальные вопросы судебной деятельности в Российской Федерации. Изучаются главные вопросы сопоставления судебной власти, судебной деятельности, правосудия. Выделяется потребность взаимодействия судов и СМИ для создания положительного мнения и отношения к деятельности судей.

Ключевые слова: судебная деятельность, суд, власть, судьи, актуальные вопросы, правосудие, СМИ.

Current issues judicial activities in Russian Federation

Ahmatzanow Timur Airatovich, student;
Papysheva Elena Sergeevna, candidate of legal sciences, senior lecturer
Bashkir State University (Ufa)

This article discusses the main topical issues of judicial activity in the Russian Federation. The main issues of comparing the judiciary, judicial activity, justice are studied. The need for interaction between courts and the media is highlighted to create a positive opinion and attitude towards the activities of judges.

Keywords: judicial activity, court, power, judges, topical issues, justice, media.

Судебная власть — это государственной власти, который характеризуется распределением власти. Данный вид государственной власти связан с реализацией уполномоченными органами правосудия с помощью гражданского, административного и уголовного производства [1, с. 15].

Развитию Российской Федерации на данном этапе характерно заметное внимание общества к судебной структуре. Важнейшим приоритетом государственной политики палец страны является поддержание перспективной реализации своей работы органами судебной власти, а также формирование качественного состава судебных органов.

Рассматривая термин «судебная власть», можно заметить, что он многогранен. Многие авторы трактуют судебную власть как вид государственной власти, другие изучают не как определённо созданную структуру государственных органов и судов, но есть и другая точка зрения, которая трактует судебную власть как способ влиять и воздействовать на поведение.

Спустя годы развития и усовершенствования, сложилась структура функций судебной власти, воспринимающаяся как разносторонний государственный правовой институт.

Правосудие — это справедливая и законная деятельности судебных органов. Обращаясь к истории, можно заметить, как правосудие выделяло свои особенности и как менялись его признаки, но суть правосудия всегда определялась однозначно: деятельности суда, направленная на законное разрешение споров, касаемых права [2, с. 333].

Правосудие изучается с институционального и функционального подходов.

О.Е. Кутафин и В.И. Радченко, являясь сторонниками институционального подхода, изучают правосудие как выделяемый вид государственной деятельности, который рассматривает и разрешает социальные правовые конфликты [3, с. 87].

И.Г. Морщакова, рассматривая правосудие с функционального подхода, определяет правосудие как независимый вид государственной деятельности, который реализуется с помощью суда, отправляя правосудие по разрешению юридических дел через осуществление правового применения деятельности и с помощью вынесения решений.

В Российской Федерации вопрос о правосудии остаётся открытым и весьма актуальным, так как справедливое восстановление нарушенных прав и свобод является иногда проблематичным.

Основным приоритетом государственной политики нашей страны как раз и является повышение качества работы органов судебной власти, а также создание прочного и эффективного состава судебных органов. Главенствующее место в судопроизводстве занимает правовое положение представителей судебной власти, а именно правовые методы государственной защиты судейского статуса [4, с. 55].

Основополагающим признаком судебной власти, в отличии от суда, определяется объём юрисдикции. Он должен быть множественным для реализации возложенных задач. Но также само понятие «судебная власть» является более точным, так как определяет сущность этой ветви государственной власти.

Рассматривая понятия «судебная власть» и «судебная деятельность», авторы разделяются во мнении.

Так, например, К.Ф. Гуценко считает их совершенно различными [5, с. 17]. А С.Л. Дегтярёв высказывается о том, что судебная деятельность воспроизводится как конечный результат деятельности судебной власти и является видом деятельности органов судебной власти [6, с. 20].

Таким образом, изучая труды авторов-учёных и юридическую литературу, можно утвердить, что данные понятия раскрываются не в полной мере.

Говоря о совместимости судебных органов и СМИ, возникает также множество дискуссионных вопросов.

Неурегулированным остаётся вопрос о взаимодействии судьи со СМИ. Судья должен быть сдержанным и очень аккуратным в словах, ведь одно неверное слово будет трактоваться СМИ в своём понимании, что может повлечь огромное количество проблем и вопросов, влияющих на репутацию.

Суд и СМИ имеют одну социальную сферу, единое правовое пространство, но выполняют совсем разные функции. Но и есть ещё одна схожая черта — это посвящение себя интересам общества, что вытесняет обоюдное отчуждение и порождает их правового взаимного содействия друг другу.

Конечно, чаще всего, судья старается остерегаться СМИ и хранить молчание. Но умелое сотрудничество может оказаться верным и эффективным направлением в судебной деятельности, которое будет способствовать более уважительному

отношению общества к судебной системе и судебным органам в целом.

Для достижения прогресса в данном вопросе необходимо распространение в большом количестве правдивой и злободневной правовой информации о судебной деятельности. Правовая культура судебной деятельности является показателем качества проделанной работы, а прогресс правосудия является результатом правосознания судей.

Таким образом, усовершенствование правового контроля судебной деятельности и правильное использование всех частей защиты возможно лишь с помощью полного переосмысления судебной системы и деятельности. Важно принимать во внимание даже такие аспекты, которые кажутся на первый взгляд малозначимыми (понятие, сопоставление, меры реализации судебной власти). Ведь решая данные вопросы, предотвращается появление новых, более объёмных.

Литература:

1. Ханнанов Р. А., Шапошникова, Р. Р. Проблемы повышения эффективности деятельности судебной власти // Ханнанов Р. А., Шапошникова Р. Р. Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2020. — № 4 (04). — 88 с.
2. Бозров В. М. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / коллектив авторов; под ред. В. М. Бозрова. — Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. — 568 с.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М., 2004. С. 233; Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации деятельности. М., 2019. 118 с.
4. Арутюнова Г. З. Правовые основы построения судебной системы Российской Федерации на современном этапе / Г. З. Арутюнова // Постулат. — 2020. — 101 с.
5. Гуценко К. Ф. Ковалев М. А. Правоохранительные органы: учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. К. Ф. Гуценко. Изд. 9-е, перераб. и доп. М., 2019. 70 с.
6. Дегтярев С. Л. Судебная деятельность как источник гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права // Рос. юрид. журнал. 2012. № 3 188 с.

Порядок подачи и рассмотрения претензий и исков при железнодорожных международных перевозках груза

Багина Алевтина Андреевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Данная тема раскрывает вопрос о предъявлении иска к перевозчику по договору международной железнодорожной перевозки. Характеризует, как действует обязательный претензионный порядок досудебного разрешения споров, кто имеет право на предъявление иска, так же указывается, как разрешаются вопросы международного сотрудничества в области железнодорожных перевозок.

Ключевые слова: международная железнодорожная перевозка, претензия, перевозчик, претензионный порядок, иск, грузоотправитель, грузополучатель, груз, коммерческий акт.

Порядок предъявления и рассмотрения претензий, которые возникают при перевозках грузов в международном железнодорожном сообщении регулируется Соглашением о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС). Так же следует отметить, что аналогично национальному законодательству до предъявления иска к перевозчику в рассматриваемом случае необходимо предъявление ему соответствующей претензии, так же действует обязательный претензионный по-

рядок досудебного разрешения споров. Согласно ст. 46 СМГС правом предъявления претензии к перевозчику обладают отправитель и получатель.

Коммерческим актом является документ, который удостоверяет обстоятельства, которые служат основанием для имущественной ответственности перевозчика, грузоотправителей, грузополучателей. В обязанность перевозчика входит составить, по своей инициативе или по требованию получателя,

коммерческий акт при перевозке груза в международном сообщении, он возникает в соответствии со ст. 29 СМГС в случаях, когда при проверке груза или во время его перевозки, либо выдачи перевозчик устанавливает несоответствия наименования, массы или количества мест груза сведениям, которые указаны в накладной, несоответствие маркировки на местах груза сведениям, которые указаны в накладной о знаках (марках) мест груза, станции и железной дороге назначения, получателя, количестве мест груза; повреждение (порчу) груза; отсутствие накладной или отдельных ее листов по данному грузу или груза по данной накладной (утрата).

При приеме-сдаче груза между перевозчиками, если в результате совместной проверки груза необходимо оформление коммерческого акта, то он составляется принимающим перевозчиком и подписывается им совместно со сдающим перевозчиком.

К коммерческому акту должен прилагаться экземпляр акта о техническом состоянии вагона или контейнера. Так же бланк коммерческого акта печатается и заполняется на одном из рабочих языков (китайский, русский).

Претензия может представляться по каждой отправке в отдельности, кроме случаев, когда претензия о возврате перебора провозных платежей может предъявляться по нескольким отправлениям вместе и если при составлении по нескольким отправлениям одного коммерческого акта претензия предъявляется на все отправки, которые указаны в этом акте.

«Перевозчик, к которому предъявлена претензия в соответствии со ст. 46 СМГС, является регулирующим перевозчиком. При этом определено, что в случае, когда претензия предъяв-

лена не к регулирующему перевозчику, получивший ее перевозчик возвращает претензию заявителю без рассмотрения в срок не позднее 15 дней со дня ее поступления с указанием причин возврата и перевозчика, которому следует предъявить претензию» [2, с. 59]. Регулирующий перевозчик, который получил претензию, должен в 15-дневный срок проверить правильность оформления и соответствие приложенных к претензии документов указанным выше требованиям.

Срок при рассмотрении претензии должен исчисляться со дня направления регулирующим перевозчиком с сопроводительным письмом подлинного претензионного заявления со всеми приложенными к нему документами.

«Соответствующий порядок регулирования взаимоотношений перевозчиков при рассмотрении претензии о несохранности груза, превышении срока его доставки или возврате переборов провозных платежей в зависимости от количества участвующих перевозчиков и их статуса (регулирующий или ответственный перевозчик) подробно определяется Служебной инструкцией к Соглашению о международном железнодорожном грузовом сообщении. Во всех случаях, когда ответственный перевозчик сообщает регулирующему перевозчику о признании претензии, последний сообщает об удовлетворении претензии заявителю и выплачивает ему сумму возмещения» [1, с. 31].

Таким образом, при установлении вины ответственного перевозчика по претензии он не должен нести перед заявителем (претендателем) непосредственной ответственности, а обязан возместить регулирующему перевозчику убытки, понесенные им в порядке регресса (обратного требования).

Литература:

1. Штыков, В.П. Некоторые вопросы ответственности перевозчика по договору перевозки груза // Сб. материалов науч. конф. памяти Н.И. Овчинникова (Овчинниковские чтения). Владивосток: изд-во ДВФУ, 2015. С. 31.
2. Самигулина, А.В. Особенности ответственности грузоотправителя и грузополучателя в договоре перевозки груза железнодорожным транспортом // Право и экономика. 2016 № 3. С. 59.
3. Штыков, В.П. Некоторые вопросы ответственности перевозчика по договору перевозки груза // Сб. материалов науч. конф. памяти Н.И. Овчинникова (Овчинниковские чтения). Владивосток: изд-во ДВФУ, 2015. С. 31.
4. Вайпан, В.А. Правовое регулирование транспортной деятельности / В.А. Вайпан // Право и экономика. — 2012. — № 6. — С. 18–42.
5. http://elib.bsut.by/bitstream/handle/123456789/601/elovoy_transp_pravo.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Характеристика договора возмездного оказания медицинских услуг

Басманова Ирина Александровна, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье автор пытается определить характерные особенности договора возмездного оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: здоровье, медицина, договор возмездного оказания медицинских услуг.

Сфера услуг в Российской Федерации в последние три десятилетия активно развивается. В связи с этим потребность в оказании услуг растет.

Сегодня частное здравоохранение является неотъемлемой частью всей системы охраны здоровья граждан, значимым эко-

номическим сектором и социальным институтом. Эта деятельность весьма востребована.

По мере развития рыночных экономических отношений и расширения сферы платных услуг в России возникла острая необходимость гражданско-правового регулирования обяза-

тельств по оказанию различного вида услуг. В России частная система здравоохранения начала активно развиваться с конца 80-х годов XX века. В тот период практически отсутствовала законодательная нормативно-правовая база для негосударственного здравоохранения.

В современном гражданском праве договор служит основой регулирования большинства гражданско-правовых отношений. Однако для такой сферы правоотношений как медицинская деятельность отдельного вида договора законодатель не предусмотрел. Правоотношения, которые возникают при возмездном оказании медицинских услуг, регулируются нормами главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Нормы данной главы ГК РФ закрепили только общие подходы к регулированию отношений в сфере оказания медицинских услуг на возмездной основе.

Согласно статье 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. [1].

Поскольку, как было указано ранее, понятия «договор возмездного оказания медицинских услуг» в законодательстве не предусмотрено, то имеет смысл обратиться к мнениям ученых.

Например, О.Е. Жамкова формулирует его как договор, по которому исполнитель обязуется оказать медицинские услуги, имеющие целью выздоровление и (или) поддержание здоровья, а пациент обязуется содействовать оказанию услуги и оплатить ее в определенных соглашениях случаях [2]. В.В. Меркулов указывает, что первое необходимое условие для возникновения договора — это существование субъектов, которые выразили намерение (волю) к установлению правовой связи, а также достижению определенного результата [3, с. 23].

Сторонами договора возмездного оказания медицинских услуг выступают «услугодатель, именуемый Исполнителем, и услугополучатель, именуемый Заказчиком. [4, с. 377].

Стоит отметить, что применимо к медицинской деятельности и оказанию непосредственно медицинских услуг применяются специализированные «Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» (утверждены Постановлением Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006, далее — Правила). Указанные правила вводят такой субъект правоотношений, как потребитель. Потребителем является физическое лицо, имеющее намерение получить либо получающее платные медицинские услуги лично в соответствии с договором. Потребитель, получающий платные медицинские услуги, является пациентом. [5].

Заказчиком является физическое (юридическое) лицо, которое имеет намерение заказать (приобрести) либо заказывающее (приобретающее) платные медицинские услуги в соответствии с договором в пользу потребителя.

При оказании платных медицинских услуг заказчик и потребитель (пациент) и могут быть как разными лицами, так и одним лицом. Самая распространенная ситуация, когда исполнитель и заказчик — одно и то же физическое лицо. Однако возможны и ситуации, когда понятия «заказчик» услуги и её «потребитель» не совпадают (например, договор на оказание

платных медицинских услуг для несовершеннолетнего заключает его законный представитель).

Согласно Правилам, исполнитель — медицинская организация, предоставляющая потребителям платные медицинские услуги. Необходимо отметить, что медицинская организация может быть любой организационно-правовой формы: индивидуальные предприниматели, производственные кооперативы, хозяйственные общества и товарищества, государственные и унитарные предприятия. [5].

Медицинский работник не является непосредственно исполнителем, соответственно и не является субъектом данных правоотношений. Однако частный врач, зарегистрированный как индивидуальный предприниматель и имеющий медицинскую лицензию на определенный вид деятельности, субъектом правоотношений являться будет.

Основанием заключения договора возмездного оказания медицинских услуг считается направление оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной.

Договор считается заключенным, если между медицинской организацией — исполнителем услуги и пациентом — заказчиком или потребителем услуги достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

К существенным условиям относятся все условия договора, требующие согласования, так как при отсутствии соглашения сторон хотя бы по одному из них договор признается незаключенным. Данную позицию поддержал Президиум ВАС РФ, отметивший, что если между сторонами не достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора, то он не считается заключенным [6].

Следует обратить внимание на тот факт, что исполнение договора становится невозможным, если потребитель как субъект правоотношений не даст информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. [7, с. 97].

Необходимо отметить, что сейчас право на информированное добровольное согласие по поводу медицинского вмешательства пациента (потребителя) является общепризнанной нормой права. Это закрепляется статьей 21 Конституции Российской Федерации и Законом «Об основах охраны здоровья граждан».

В связи с этим многие медицинские организации непосредственно включают в текст договора об оказании платных медицинских услуг добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство. Однако данное действие является спорными. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство является частью медицинской документации и должно храниться с другой медицинской документацией пациента (потребителя): результатами обследований, медицинской картой и т.д. Указанные сведения о согласии также составляют врачебную тайну. Сам договор на оказание платных медицинских услуг в то же время к медицинской документации не относится.

Под изменением и расторжением договора подразумевается «изменение или прекращение гражданских правоотношений, возникших из изменяемого или расторгаемого договора». [8, с. 243]. В главе 39 ГК РФ не регламентированы условия изме-

нения и расторжения договора возмездного оказания услуг. Так как данный договор является гражданско-правовым договором, то, следовательно, к нему применяются общие правила изменения и расторжения гражданско-правовых договоров. Так, основанием изменения и расторжения договора согласно главе 29 ГК РФ являются: соглашение сторон, требование одной из сторон по решению суда, существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, односторонний отказ от договора.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что договор возмездного оказания медицинских услуг является одной из наиболее важных правовых гарантий при осуществлении конституционного права на получение медицинской помощи. Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит легального определения договора возмездного оказания услуг, а лишь дает общие

правила, регулирующие отношения по возмездному оказанию услуг.

Тем не менее, проанализировав нормативно-правовую базу, регулиющую возмездное оказание медицинских услуг, прослеживается активная деятельность государства по укреплению правового статуса субъектов этого вида договорных отношений: пациента (потребителя) как заказчика и медицинской организации как исполнителя.

Таким образом, договор возмездного оказания медицинских услуг представляет собой средство регулирования гражданско-правовых отношений между лицом, которому услуга предоставляется, именуемым заказчиком или потребителем, и лицом, предоставляющим услуги, именуемым исполнителем. В настоящее время данный договор получает все большее распространение на практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
2. Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2007.
3. Меркулов В. В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений. Монография. Рязань, РВШ МВД РФ. 2007. С. 23.
4. Гражданское право. В 4-х томах. Под ред. Суханова Е. А. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: 2008. 377 с.
5. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
6. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.
7. Минкина, Л. Ш. Условия гражданско-правовой ответственности: общие положения / Л. Ш. Минкина // Правосудие в Поволжье. — 2008. — № 6. — С. 97.
8. Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М., 2016. С. 243.

О совершенствовании законодательного обеспечения правоохранительной деятельности

Батталова Арина Артуровна, студент;
Папышева Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В данной статье изучены основные вопросы, которые связаны с недочётами законодательного уровня правоохранительной деятельности. Также предложено внести разработку определенного закона, который содержал бы в себе термины «правоохранительная деятельность», «правоохранительные органы» и где были бы указаны основные цели и задачи данной деятельности. Также выражено мнение о месте судов в структуре правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, законодательное обеспечение, усовершенствование законодательной системы, закон, суд

On improvement of legislative support of law enforcement

Battalova Arina Arturovna, student;
Papysheva Yelena Sergeevna, candidate of legal sciences, senior lecturer
Bashkir State University (Ufa)

This article examines the main issues that are associated with the shortcomings of the legislative level of law enforcement. It was also proposed to make the development of a certain law, which would contain the terms «law enforcement activity», law enforcement agencies «and which

would indicate the main goals and objectives of this activity. An opinion was also expressed about the place of courts in the structure of law enforcement.

Keywords: law enforcement, law enforcement, legislative support, improvement of the legislative system, law, court

Правоохранительная деятельность изучена как социальная государственная функция, которая имеет большое значение в структуре правоохранительных органов. Но в законодательстве отсутствует понятие данной деятельности, не выделены цели и задачи, а также общее содержание. Данное явление объясняется тем, что в принципе, термин правоохранительной деятельности является весьма распространённым и понятным каждому.

Но, несмотря на это, понятие данной деятельности содержится во многих учебниках и трудах не малоизвестных авторов.

Так, например, К.Ф. Гуценко объясняет правоохранительную деятельность, как государственную деятельность, реализуемую с целью охраны права уполномоченными на то органами с помощью юридических мер влияния в соответствии с законом [1, с. 48].

Автор и учёный В.Н. Кучин определяет правоохранительную деятельность, как вид государственной, реализуемой уполномоченными на то органами при существовании определённых оснований, в соответствии с законом и при сопровождении мер юридического воздействия [2, с. 25].

С.Л. Лонь же считает, что правоохранительная деятельность — это разрешённая государством деятельность, которая охраняет и защищает права граждан, юридических лиц и гарантирует реализацию ими своих обязанностей.

Также отсутствует законодательное закрепление понятия «правоохранительные органы», но оно содержится в других нормативных актах, например в Федеральном законе «О прокуратуре РФ». Почему же нет отдельного законодательно закреплённого понятия для данного термина?

В юридической энциклопедии правоохранительные органы изучаются как общность органов, деятельностью которых является защита и поддержание правового порядка, прав граждан и, конечно же, борьба с преступностью.

Несмотря на то, что в принципе существуют закреплённые понятия терминам «правоохранительные органы» и «правоохранительная деятельность», необходимо принять Федеральный закон «О правоохранительной деятельности» и закрепить в нем единые понятия рассматриваемым терминам.

Это играет очень важную роль, так как определяет, в первую очередь, цели и задачи направленности правоохранительной деятельности, а также утверждает организационные вопросы правоохранительной структуры.

В отраслях федеральных законов и положений, которые утверждены указами Президента РФ, содержатся нормы, которые регулируют вопросы многих правоохранительных структур. Именно поэтому нерационально вносить в Федеральный закон «О правоохранительной деятельности» те нормы, которые и так указывают на частные задачи других, уже названных правоохранительных органов [4, с. 88].

В данный закон должны включаться:

1. Единые понятия правоохранительной деятельности и правоохранительных органов.
2. Цели и задачи, определяющие правоохранительную инициативность.
3. Законодательные основы, на которых базируется данная деятельность.
4. Принципы, которые исходят из положений Конституции Российской Федерации и международных правовых актов.
5. Основные направления правоохранительной структуры. Данные пункты могут обеспечить явное установление роли правоохранительной деятельности и его места в структуре Российской Федерации.

Но вопросы о том, на каких принципах базируется правоохранительная деятельность, какие направления имеет и какими органами реализуется — далеко не последние [5, с. 60]. Множество дискуссий вызвал вопрос о принадлежности судебной деятельности к правоохранительной. Так, например, учёный и автор множества юридических книг А.Ю. Гулягин, определяя понятие правоохранительной деятельности, утверждает, что под данной деятельностью необходимо понимать базирующуюся на законных основаниях деятельность государства, которая реализуется через специализированные им не судебные органы, которые уполномочены использовать меры воздействия на субъекты права, не состоящие в подчиненном отношении. Но также признаком изолирования правоохранительной деятельности является подчиненное юридическое воздействие, которое означает ограниченность человека в самостоятельном восстановлении своих прав. Это, в свою очередь, означает обязательное привлечение уполномоченного государственного органа [6, с. 255].

Я считаю, что это мнение определяется структурными противоречиями, из-за которых создать окончательную точку зрения автора об элиминации суда из структуры правоохранительных органов, является не совсем убедительным и обоснованным.

Правоохранительная деятельность многогранна и каждый структурный элемент определяется относящимся к нему содержанием. Для того, чтобы достичь поставленных целей правоохранительной деятельности, необходимо применение мер воздействия к субъекту правового нарушения. Действительная защита прав и свобод граждан не может реализовываться теми органами, которые выявляют или пресекают преступления. Конечно решение остаётся за судом.

К тому же действия, которые происходят в досудебном производстве по уголовным делам, осуществляются лишь на основании решения суда.

В связи со всем вышеизложенным, необходимо отметить, что исключение суда из органов, которые реализуют правоохранительную власть — очень спорное решение. Суд играет важную роль в структуре правоохранительной деятельности и исключать или выделять в другую систему его не стоит.

Литература:

1. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы: учебник. 4-е изд. М.: КноРус, 2019. 368 с.
2. Кучин В. В., Усачев А. А. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность: учеб. пособие. М.: РПА Минюста России, 2011. 49 с.
3. Авдонкин В. С., Бобреньев В. А., Диордиева О. Н. Правоохранительные и судебные органы России: учебник / под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. М.: Российский государственный университет правосудия, 2021. 434 с.
4. Орлов Ю. К. Судостроительство и правоохранительные органы. Учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2020. 336 с.
5. Романовский Г. Б., Романовская О. В. Правоохранительные органы. Учебное пособие. — М.: РИОР, Инфра-М, 2019. 300 с.
6. Головка Л. В., Брусницын Л. В., Ветрова Г. Н. Судостроительство и правоохранительные органы. Учебник. — М.: Городец, 2020. 768 с.

Транспортное средство как источник повышенной опасности

Беззубёнков Дмитрий Анатольевич, студент

Научный руководитель: Алферова Ольга Сергеевна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассмотрено одно из деликатных обязательств, а именно источник повышенной опасности в виде транспортных средств. Были рассмотрены особенности ответственности за вред, причинённый транспортным средством как источник повышенной опасности.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, транспортное средство, субъект ответственности, вред.

На этапе современного развития и становления общества в любом государстве наличие практически у каждого гражданина транспортного средства уже стало обыденностью и не вызывает какого-либо удивления. Управляя транспортным средством, человек может преодолевать огромные расстояния, потратив на это малое количество времени и сил, будь это поездка на море или в магазин за продуктами. Несмотря на позитивные моменты, как показывает практика, транспортное средство является источником повышенной опасности, в связи с воздействием на человека, в результате которого возможны телесные повреждения различной степени тяжести, включая жертвы, а также имущественный вред [1].

В российском законодательстве под источником повышенной опасности понимается любая деятельность, которая создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами [2].

В статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации приводится примерный перечень источников повышенной опасности. Это связано с тем, что при постоянном неостанавливаемом развитии техники невозможно обозначить исчерпывающий перечень видов деятельности, создающий повышенную опасность. Чаще всего правила статьи 1079 Гражданского Кодекса применяются тогда, когда вред причинён при использовании транспортных средств. Под транспортным средством (далее ТС) в российском законодательстве принято понимать как устройство, предназначенное для перевозки людей, грузов или оборудования, установленного на нём [3].

Сложившееся судебная практика относит к ТС автомобили, мотоциклы, мопеды, троллейбусы, трамваи и иные дорожные транспортные средства (включая прицепы и полуприцепы), электровозы, тепловозы и тому подобное.

Рассматривая транспортное средство как источник повышенной опасности, необходимо более подробно исследовать состав деяния, а именно его элементы: субъект ответственности, его вина, а также процедуру возмещения такого вреда

Анализируя статью 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно сказать, что субъектом ответственности является владелец источника повышенной опасности, а именно организация или гражданин, эксплуатирующий источник повышенной опасности в силу права собственности, права хозяйственного владения, оперативного управления либо по другим основаниям, предусмотренным законодательством.

С учётом гражданского законодательства и сложившееся судебной практики можно выделить следующие особенности касательно субъектов ответственности, являющихся владельцами ТС как источника повышенной опасности:

— Из анализа ст. 1068 и ст. 1079 ГК РФ следует что не несёт ответственности за вред перед потерпевшим лицо, которое управляло источником повышенной опасности в силу трудовых отношений с владельцем данного источника (например, шофёр, машинист). Если ТС передано организацией работнику по договору аренды, но с учётом того, что договор аренды является формой организации трудовых отношений, то ответственность за причинённый вред должна нести организация как владелец данного источника. В соответствии с изложенным приведу пример из судебной практики. Так согласно решению Пинежского районного суда № 2-135/2017 от 22 мая 2017 г. в удовлетворении исковых требований Абдуллаева Э. С. к Богданову М. А.

о возмещении материального ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, компенсации морального вреда, а также убытков на составление экспертного заключения и судебных расходов, отказать, вследствие того, что гражданин Богданов М. А. является ненадлежащим ответчиком, так как дорожно-транспортное происшествие допущено Богдановым М. А. при исполнении трудовых обязанностей на автомобиле, владельцем которого являлся работодатель — ООО «АНГМ» [4].

— Если лицо управляло ТС по своему усмотрению и с ведома собственника (в том числе на основании доверенности), тогда именно данное лицо, а не собственник будет отвечать за причинённый вред. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 26 января 2010 г. № 1 в п. 20 указал что в случае, если лицо управляло ТС на основании доверенности, то он признаётся законным владельцем данного ТС, но с некой оговоркой на то, что если доверенность на право управление ТС передано по заданию, или в интересах другого лица, за выполнение которого он получает вознаграждение, то такая доверенность является доказательством наличия трудовых или гражданско-правовых отношений, что говорит о том, что данное лицо является лишь участником дорожного движения, но не владельцем источника повышенной опасности [5].

— Из анализа договора аренды ТС, которое регулируется главой 34 ГК РФ, можно сказать, что если ТС передается в во временное владение и пользование без экипажа, то ответственность в данном случае будет нести арендатор, но если арендодатель передает ТС во временное владение и пользование и оказывает своими силами услуги по управлению им и по технической эксплуатации, т.е. аренда ТС с экипажем, то в данном случае ответственность за вред будет нести не арендатор, а арендодатель. В дальнейшем арендодатель вправе предъявить регрессивное требование о возмещение вреда, если докажет, что вред возник по вине арендатора.

— Лицо, которое управляло ТС без доверенности, но при наличии водительского удостоверения и в присутствии его собственника или иного законного владельца, используется ТС на законных основаниях и будет нести ответственность за причинённый вред. Это объясняется тем, что правила дорожного движения допускают возможность передачи управления ТС без доверенности, но в присутствии собственника или иного законного владельца. В случае если лицо, управляющее ТС в силу трудовых отношений с его владельцем, передает в своём присутствии управление им другому лицу, то ответственность будет нести собственник автомобиля.

Касательно вины субъекта ответственности можно выделить его особенность, поскольку в составе данного правонарушения отсутствует один из обязательных элементов, а именно вина. Красавчиков О. А. рассматривает это как то, что вина существует априори, формируясь фактическим или юридическим обладанием вещью и, следовательно, вина владельца источника повышенной опасности возникает с момента воз-

никновения права собственности или иного вещного права на данный источник [6, с. 116–151].

В случаях причинения вреда несколькими источниками повышенной опасности в результате их взаимодействия, следует различать два случая:

— Если вред причинён третьим лицам, то в данном случае здесь имеет место совместное причинение вреда т.е. действие двух или нескольких лиц, находящихся в причинной связи с наступившими вредными последствиями и, следовательно, причинители вреда будут нести солидарную ответственность, что и указано в ст. 1080 ГК РФ. При этом суд при рассмотрении дела может применить к лицам, причинившим вред, долевую ответственность при наличии двух условий: есть заявление потерпевшего о возложении ответственности в долях и, если это соответствует интересам потерпевшего.

— Если же вред возник в результате взаимодействия источников повышенной опасности и вред был причинён владельцами друг другу, то необходимо в данном случае исходить из общих оснований ответственности, которые установлены ст. 1064 ГК РФ. В этом случае будет учитываться вина владельцев, и суд при учёте вины должен дать оценку действий данных участников происшествия с точки зрения соблюдения Правил дорожного движения, наличие или отсутствия причинно-следственной связи между нарушением данных правил и последствием.

Так как мы рассматриваем ТС как источник повышенной опасности, необходимо выделить особенность, связанную с обязательным страхованием. В соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» каждый владелец ТС должен застраховать свой риск гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортного средства. С учётом разъяснении Верховного суда, суд при рассмотрении дела, связанного с причинением вреда источником повышенной опасности, вправе привлечь к участию в деле страховую организацию, и если сумма возмещения вреда не превышает размер страховой выплаты, то данная сумма может быть взыскана со страховщика. Если же размер страховой выплаты полностью не возмещает вред, то недостающую часть возмещает сам владелец ТС.

Таким образом, с учётом вышеизложенного можно сказать, что природа источника повышенной опасности имеет множество особенностей, которые необходимо учитывать при обращении в суд с целью возмещения вреда, это может касаться любых источников, в том числе и рассмотренными нами транспортных средств. Развитие технологий и доступности ТС любому гражданину вызывает необходимость в выработке правовых норм, регулирующих тонкие моменты, связанные с транспортным средовом, при необходимости учитывать особенности, разбираться в тонкости, их правовой проблематике.

Литература:

1. Головизнин А. В. Некоторые аспекты ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 2013. № 11–2

2. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья»
3. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 N196-ФЗ
4. Решение № 2–135/2017 от 22 мая 2017 г. по делу № 2–135/2017// <https://sudact.ru/regular/doc/xmWofynHJ6HR/> (дата обращения: 16.11.2021)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. N1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина
6. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. Москва: Юрид. лит., 1966. 289 с.).

История становления правового регулирования договора поставки в отечественном праве

Белянин Даниил Вячеславович, студент

Научный руководитель: Донец Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Автором рассматривается вопрос становления договора поставки в историческом аспекте. Проводится анализ норм источников российского права, регулировавших на разных этапах развитие исследуемого института, на основании чего делается вывод о самостоятельности договора поставки, его практической необходимости и уникальности закрепленных в отечественном законодательстве положений. Исходя из изложенного, делается вывод о более детальном регулировании договора поставки современным законодательством, что, однако, не исключает наличия спорных проблем и моментов на практике.

Ключевые слова: договор поставки, договор купли-продажи, обязательственное право, Гражданский кодекс Российской Федерации, правовое регулирование.

History of the formation of the legal regulation of the supply contract in the domestic law

Belyanin Danil Vyacheslavovich, student

Scientific adviser: Donetsk Natalia Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor
Siberian Law University (Omsk)

The author discusses the question of the formation of the supply contract in the historical aspect. An analysis is made of the norms of Russian law sources that regulated the development of the institute under study at different stages, on the basis of which a conclusion is made about the independence of the supply contract, its practical necessity and the uniqueness of the provisions enshrined in domestic legislation. Based on the above, a conclusion is made about a more detailed regulation of the supply contract with modern legislation, which, however, does not exclude the presence of disputable problems and moments in practice.

Keywords: supply contract, contract of sale, law of obligation, Civil Code of the Russian Federation, legal regulation.

Договор поставки известен российскому правопорядку более двух веков. Примечательно, что нормы о договоре поставки, закрепленные в российском законодательстве с середины восемнадцатого века, не имели аналогов в зарубежном законодательстве. Безусловно, поскольку Российская Федерация относится к романо-германской правовой семье, основные положения о данном договоре рецепированы из римского права. Однако с развитием товарно-денежных отношений договор поставки приобрел самостоятельное, уникальное значение. В настоящее время представляется актуальным проследить за процессом становления рассматриваемого института, поскольку договор поставки — один из наиболее распространенных видов обязательств, используемых в предпринимательстве. Это позволит выявить достоинства и недостатки современного законодательства о поставке при применении их на практике.

Условно, можно выделить дореволюционный, советский и современный этапы развития договора поставки в отечественном законодательстве. Интересно, что в дореволюционный период договор поставки рассматривался в качестве самостоятельного договора наряду с договором купли-продажи, в то время как в настоящее время в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации договор поставки является разновидностью договора купли-продажи со всеми вытекающими правовыми последствиями [1]. При этом к основным различиям указанных договоров относились: предмет договора, а также тот факт, что поставка предполагала некоторый промежуток времени между заключением и исполнением договора, тогда как купля-продажа не предполагала (хотя и не исключала) такого промежутка времени. Кроме этого, многие цивилисты считали нецелесообразным выделять договор поставки в качестве самостоятельного вида договора. Так, Г. Ф. Шершеневич

писал: «Совокупность юридических отношений, охватываемых на Западе одним понятием купли-продажи, у нас разлагается на три вида по едва уловимым признакам, а именно: на куплю-продажу в тесном значении этого слова, запродажу и поставку. С этой системой трех договоров, служащих одним и тем же юридическим средством достижения экономической цели, русское законодательство стоит совершенно одиноко среди других правильных законодательств» [2]. В проекте книги V Гражданского уложения, который был внесен на рассмотрение Государственной Думы в 1913 году, договор поставки уже рассматривался как один из видов договора купли-продажи, то есть как договор, в силу которого продавец обязуется за денежное вознаграждение доставить покупателю известное количество заменимых вещей к назначенному в договоре сроку [3]. При этом подчеркивалось, что порядок исполнения договора поставки вполне применим и к договору купли-продажи, в особенности, если он заключен с условием о доставке товара к известному сроку. Одинаковыми признавались и последствия неисполнения указанных договоров. Таким образом, к началу двадцатого столетия прослеживается изменение существовавшей до этого времени позиции, согласно которой договор поставки является самостоятельным видом гражданско-правовых договоров.

В связи с изменением основ государственной власти не могло остаться неизменным и право, регулирующее общественные отношения. С переходом к социалистическому государству обязательственные отношения основывались на плановом обороте. Специфическую разновидность купли-продажи составлял договор поставки, в котором в данном периоде покупателем являлся государственный орган, поставщиком — частное лицо. Поставки частных лиц государству предусматривались Декретом СНК от 4.10.1921 года «О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами». Порядок сдачи поставки и возникавшие из договора права и обязанности сторон определялись Положением о государственных подрядах и поставках. В течение рассматриваемого периода это положение подвергалось неоднократным изменениям. Примечательно, что в гражданском кодексе РСФСР 1922 года правовое регулирование договора поставки отсутствует [4]. Однако с дальнейшим развитием социалистического государства и, как следствие, всеобъемлющего планирования экономических отношений, договор поставки стал рассматриваться в качестве оптимального средства доведения плановых заданий до конкретных участников имущественного оборота. В советский период развития гражданского права договор поставки снова признается самостоятельным договором, являющимся основной правовой формой отношения организаций по снабжению и сбыту продукции в народном хозяйстве [5]. Так в соответствии со статьей 258 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года по договору поставки организация-поставщик обязуется передать в определенные сроки или срок организации-покупателю (заказчику) в собственность (в оперативное управление) определенную продукцию согласно обязательному для обеих организаций плановому акту распределения продукции; организация-покупатель обязуется принять продукцию и оплатить ее по

установленным ценам [6]. Из этого определения можно выделить основные признаки договора поставки: 1) сторонами по договору могут выступать юридические лица; 2) существенным условием договора является срок; 3) продукция может быть передана в собственность или в оперативное управление; 4) передача продукции осуществляется на основе обязательного планового акта распределения продукции или на основе заключаемого между организациями по их усмотрению договора, по которому поставщик обязуется передать покупателю продукцию, не распределяемую в плановом порядке, в срок, не совпадающий с моментом заключения договора (абзац второй статьи 258 ГК РСФСР 1964 года). В ГК РСФСР 1964 года договору поставки посвящено 9 статей, которые закрепили принципиально новые положения, ранее не существовавшие в отечественном законодательстве. В первую очередь, это положения об ассортименте, качестве, комплектности поставляемой продукции, определяется ответственность за нарушение обязанностей по договору поставки. Кроме этого, установлены специальные сроки давности по искам о недостатках поставленной продукции (шесть месяцев), а также сроки предъявления претензий в связи с недостатками поставленной продукции. Закрепленные в ГК РСФСР 1964 года положения нашли свое отражение в ГК РФ.

В настоящее время правовое регулирование договора поставки осуществляется на основе 30 главы ГК РФ. Как отмечалось ранее, в соответствии с действующим законодательством договор поставки является разновидностью договора купли-продажи. Однако данное положение не умаляет самостоятельного значения договора поставки; напротив, исходя из этого можно говорить о более детальном регулировании исследуемого института, поскольку можно выделить три вида норм, включенных в параграф 3 главы 30 ГК РФ:

- 1) нормы, регулирующие отношения по договору поставки иначе, чем нормы «Общих положений о купле-продаже» параграфа 1 главы 30 ГК РФ;
- 2) нормы, дополняющие или частично изменяющие правила, установленные «Общими положениями о купле-продаже» параграфа 1 главы 30 ГК РФ;
- 3) нормы о договоре поставки, отсутствующие не только в общих положениях о купле-продаже, но и в параграфах о других видах купли-продажи.

К первому из упомянутых видов норм относятся нормы, которые в соответствии с доктриной именуются специальными, то есть именно эти нормы имеют приоритет перед общими нормами. Таких норм немного — это статья 511 ГК РФ «Восполнение недопоставки товаров», статья 512 ГК РФ «Ассортимент товаров при восполнении недопоставки», статья 517 ГК РФ «Тара и упаковка», статья 518 ГК РФ «Последствия поставки товаров ненадлежащего качества», статья 519 ГК РФ «Последствия поставки некомплектных товаров», статья 521 ГК РФ «Неустойка за недопоставку или просрочку поставки товаров». Перечисленные нормы применимы только к договору поставки. Иначе используются нормы, дополняющие общие правила о купле-продаже. В таких нормах иногда употребляются другие термины, что не препятствует их применению наряду с общими нормами. Так, статья 510 ГК РФ называется «До-

ставка товаров» и определяет порядок исполнения договора поставки. Согласно этой норме, товар может доставляться поставщиком путем передачи для доставки органам транспорта, либо покупатель может по условиям договора получить товар в месте нахождения поставщика. К последнему способу исполнения применен в параграфе 3 главы 30 ГК РФ термин «выборка». В «Общих положениях» параграфа 1 главы 30 ГК РФ включена статья с названием «Момент исполнения обязанности продавца передать товар» (статья 458 ГК РФ), в которой предусмотрены три, а не два способа передачи, а также определен момент исполнения. Вряд ли можно говорить о соотношении упомянутых норм, как общих и специальных. Правила, включенные как в статью 458 ГК РФ, так и в статью 510 ГК РФ применяются к договору поставки в совокупности, несмотря на определенные различия в терминологии и содержании норм. В качестве новых для договора поставки можно назвать правила установленные статьями 520, 522, 524 ГК РФ. Эти нормы, сформулированные применительно к договору поставки, имеют значение и для собственно договора купли-продажи. Поэтому, вполне возможно при отсутствии общих норм в параграфе 1 главы 30 ГК РФ возможно применить указанные нормы к сходным отношениям по другим видам договора купли-продажи по аналогии закона. Следует отметить, что по срав-

нению с ГК РСФСР 1964 года правовое регулирование договора поставки в ГК РФ осуществляется более детально, а также большинство норм носят диспозитивный характер. Тем не менее, как ни странно, в рамках отношений между поставщиками и покупателями, которые в правовом смысле связаны договорами поставки, возникает наибольшее количество проблем и спорных моментов. В первую очередь, конечно же, на практике довольно часто встает вопрос по поводу определения существенных условий договора поставки.

Переход экономики Российской Федерации к рыночным отношениям стал мощнейшим толчком для преобразования науки и отрасли гражданского права, что нашло отражение и в правовом регулировании договора поставки. Договорный способ регулирования отношений поставки сменил существовавшее на тот момент государственное планирование, а плановый акт перестал являться основанием для возникновения соответствующих отношений между поставщиками и покупателями. Кроме того, результатом указанных преобразований стало появление нового определения договора поставки в соответствии с частью второй Гражданского кодекса Российской Федерации как разновидности договора купли-продажи, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение в регулировании соответствующих отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29.01.1996 г. № 5 ст. 410.
2. Анохин В. О соотношении договоров купли-продажи и поставки // Хозяйство и право. 1993. № 1. С. 96–101.
3. Гражданское Уложение: Проект Том второй. С. 307.
4. Гражданский кодекс РСФСР от 31 декабря 1922 г. // Свод указов. 1922. № 71 (утратил силу).
5. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР под ред. С. Н. Братуся, О. Н. Садикова, Москва, 1982.
6. Гражданский кодекс РСФСР от 11 ноября 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).

Понятие, признаки и формы имущественного обеспечения предпринимательской деятельности

Берсенева Дарья Александровна, магистр юридических наук
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В данной статье выявлены признаки имущественного обеспечения предпринимательской деятельности, которые позволяют отделить его от смежных понятий и на основании выявленных признаков, разработано авторское определение имущественного обеспечения предпринимательской деятельности. Также выделены и охарактеризованы формы имущественного обеспечения предпринимательской деятельности и предложена их классификация по волевому признаку.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, субъекты предпринимательства, имущественное обеспечение, предприятие.

Развитие рыночной экономики неразрывно связано с предпринимательской деятельностью, которая занимает незаменимое место в экономической жизни не только отдельной страны, но и мира.

Предпринимательская деятельность, в большинстве случаев, невозможна без организации предприятия. Понятие «предпри-

ятие» в российском праве многозначно. Легально дефиниция предприятия и его составляющие закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) среди объектов гражданских прав. Предприятие, как объект права, это имущественный комплекс, который используется для осуществления предпринимательской деятельности. Предприятие в целом как

имущество признается недвижимостью. В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, в том числе земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права. [4, ст. 132]

В свою очередь, деятельность абсолютно любого предприятия при рыночной экономике невозможна без экономических ресурсов, которые необходимы для производства товаров и оказания услуг. Несмотря на различные точки зрения, традиционно выделяются такие факторы производства как: земля, труд, капитал, предпринимательские способности, в настоящее время добавляются также и информация. Из всех факторов более подробно остановимся на капитале. Большой экономический словарь определяет, капитал как сумму средств, принадлежащих лицу или группе лиц, которая выражена в стоимости зданий, оборудования, земли, сырья, топлива, зарплаты работников. [2, с. 489]

Бухалков М.И. отмечает, что капитал занимает важное место среди других факторов производства из-за того, что он объединяет все факторы в единый производственный комплекс. Также капитал характеризует доходные ресурсы предприятия. «В этом своем качестве капитал может выступать изолированно от производственного фактора — в форме ссудного капитала, обеспечивающего формирование доходов предприятия не в производственной (операционной), а в финансовой (инвестиционной) сфере его деятельности». [3, с. 48] Та к и м образом, имущество предприятия, то есть недвижимое имущество, здания, сооружения и другие материальные ценности являются важной частью его капитала. Результаты деятельности предприятия, по большей части, зависят от грамотного подбора имущества и эффективности его использования.

Для осуществления предпринимательства, каждое предприятие обеспечивается имуществом, которое необходимо для выполнения определенного вида деятельности. Данное имущество, чаще всего, находится либо в частной собственности субъекта предпринимательской деятельности, либо арендуется у государства или муниципалитетов с возможностью дальнейшего выкупа. Режим имущества в правовом поле регламентирован ГК РФ, в частности, приобретение и лишение прав на имущество, способы его передачи, закрепление права собственности и его составляющих.

В связи с тем, что понятие «имущественное обеспечение» не закреплено легально, в юридической доктрине разрабатываются смежные определения. Для начала необходимо определить толкование слова «обеспечение», в соответствии с Толковым словарем русского языка «ОБЕСПЕЧИТЬ, -чу, -чишь; -ченный; сов. 1. кого-что чем. Снабдить чем-н.в нужном количестве. О сырьем. О фермы техникой. 2. кого-что. Предоставить достаточные материальные средства к жизни. О. свою семью. Обеспеченная старость. 3. что. Сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым. О. успех». [5, с. 378] Исходя из данного толкования можно указать схожие дефиниции имущественного обеспечения, например, «имущественные потребности — это активно существующая необходимость (нужда) в потреблении

материальных благ с целью создания условий для нормальной жизнедеятельности человека. Потребность: а) это всегда нужда в чём-то; б) она всегда проявляется как объективная необходимость; в) она всегда выступает как общественное отношение (например, как имущественное отношение)». [1, с. 31]

Отсюда вытекает ряд выводов. Во-первых, наличие у субъекта предпринимательской деятельности определенной имущественной базы, зачастую, является необходимым условием становления и развития бизнеса, соответственно это потребность. Можно провести аналогию потребности бизнеса в имуществе с потребностью человека. Так, в пирамиде потребностей по Маслоу потребность в безопасности находится сразу после физиологических потребностей, то есть также является первичной. Чаще всего чувство безопасности возникает в хорошо знакомом человеку месте, в котором можно укрыться, спрятаться. Для большинства таким местом является квартира, дом или место, где человек проживает, то есть определенное недвижимое имущество. Появление, становление и развитие потребностей происходит при воздействии определенных факторов, среди которых условия материальной жизни, производство, выпускающее отдельные материальные блага или потребительские стоимости, например, товары, услуги, вещи, имущество, объекты собственности, формирующие побуждение человека к осуществлению деятельности [1, с. 31]. Кроме этого, человек, за время всей жизни, приобретает определенные права, в том числе и имущественные, которые тесно связаны с материальными условиями его жизни, с экономической жизнью общества, вещами и собственностью. В связи с наличием указанных прав появляются имущественные отношения.

Во-вторых, имущество закрепляется на определенном праве в целях урегулирования его правового режима.

Для любого имущества устанавливается правовой режим, который устанавливает правила по владению, пользованию и распоряжению им.

Выделяются три правовых режима: право собственности, право хозяйственного ведения и право оперативного управления. Наиболее часто используемый предпринимателями режим — право собственности. На основании данного режима сам собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Вышеприведенные правовые режимы имущества относятся к общим режимам, но кроме них могут быть установлены и иные — специальные, которые могут быть установлены для отдельных видов имущества, например, фондов, капиталов и прочее.

В-третьих, данное имущество может приобрести не только сам субъект, но его может предоставить государство на определенных условиях. Например, предоставление государством недвижимого имущества субъектам малого и среднего предпринимательства посредством оказания имущественной поддержки и реализации права преимущественного выкупа арендуемого государственного имущества.

Исходя из вышеизложенного, предлагается следующее определение имущественного обеспечения — приобретение имущества, находящегося в собственности или переданного в пользование по договору, которое необходимо для ведения предпринимательской деятельности.

Имущественные отношения, возникающие при приобретении прав на переданное имущество, как и любые правоотношения, возникают вследствие каких-либо юридических фактов. В соответствии с одной из классификаций юридических актов по волевому признаку они подразделяются на действия, которые являются волеизъявлением определенного субъекта, и события, в свою очередь, происходящие вне зависимости от воли людей. Для выделения форм имущественного обеспечения предпринимательской деятельности предлагается также опираться на данную классификацию.

Для начала разберем возможность получения имущества, переданного по наследованию, так как это яркий пример события. При наследовании права на имущество переходят от наследодателя к одному или нескольким наследникам. Учитывая, что процент вероятности нахождения в наследственной массе имущества, подходящего для осуществления предпринимательской деятельности, невелик, данная форма не будет рассмотрена в настоящем исследовании. Тем не менее, она является предметом доктринального интереса [6, с. 460], поскольку первое поколение современных российских предпринимателей постепенно вступает в возраст передачи своего дела наследникам.

Формы имущественного обеспечения, которые обусловлены такими юридическими фактами как действия включают: заключение правоустанавливающих договоров; создание имущества; внесение имущества учредителями в качестве вклада в уставный (складочный) капитал; передачу имущества на основании распорядительного акта органа власти; правопреемственность имущественного комплекса и прочее.

Особое место занимает в данном ряду приватизация государственного и муниципального имущества, поскольку в зависимости от способа её осуществления она может предполагать отчуждение имущества из публичной собственности в частную на основании возмездного договора, внесение имущества в качестве вклада в уставный капитал или его переход правопреемнику реорганизованного унитарного предприятия.

Наиболее распространенной формой имущественного обеспечения, а равно формой приобретения права собственности является заключение различных договоров. Наиболее часто встречаемым договором является договор купли-продажи имущества. По данному договору субъект приобретает определенное имущество в собственность и пользуется в полной мере правами пользования, владения и распоряжения.

Далее рассмотрим договор аренды, который также пользуется популярностью в предпринимательской деятельности.

Благодаря данной форме имущественного обеспечения является возможность найти подходящее имущество для ведения бизнеса даже на начальном этапе, так как диапазон цен на аренду обширен. Также, стоит отметить существование в российском законодательстве «льготной аренды» для субъектов малого и среднего предпринимательства и, кроме того, в дальнейшем возникает право выкупить арендуемое имущество также на льготных условиях после истечения указанного законом срока аренды.

Кроме вышеуказанных договоров получить имущество можно путем заключения договоров: мены, дарения, финансовой аренды (лизинга), безвозмездного пользования и другие.

Следующей формой имущественного обеспечения является создание имущества. Среди вновь созданных объектов имущества выделяются здания, строения и иные сооружения, возводимые собственником за свой счет.

Далее рассмотрим такую форму имущественного обеспечения предпринимательской деятельности как внесение имущества учредителями в качестве вклада в уставной (складочный) капитал. В соответствии с ГК РФ в уставной (складочный) капитал хозяйственного общества кроме денежных средств может быть внесен и неденежный вклад. При этом должна быть проведена денежная оценка неденежного вклада.

Следующими формами имущественного обеспечения являются передача имущества на основании распорядительного акта органа власти и правопреемство имущественного комплекса. Следует отметить, что первый способ приемлем лишь для имущества, которое передается на праве оперативного управления и хозяйственного ведения. Именно момент передачи имущества по акту приема-передачи является фактом возникновения прав на данное имущество. Правопреемством имущественного комплекса является переход прав и обязанностей от одного субъекта к другому, то есть правоотношение изменяется, но не прекращается.

Таким образом, в данной статье автором были выделены признаки имущественного обеспечения предпринимательской деятельности и на их основании предложено толкование термина «имущественное обеспечение», также предложена классификация форм имущественного обеспечения. Подводя итоги, стоит отметить, что рассмотренные в статье вопросы установления дефиниции имущественного обеспечения предпринимательской деятельности необходимы для дальнейшего исследования имущественной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Литература:

1. Баринов Н. А. Категория «Имущественные потребности» инновация в гражданском праве // Вестник ННГУ. 2014. № 3–2. С. 30–33.
2. Большой экономический словарь под ред. Азрилиян А. Н. / Институт новой экономики. М. 2007. 1472 с.
3. Бухалков М. И. Планирование на предприятии: Учебник. 3е изд. испр. и доп. М. Инфра-М. 2010. 410 с.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва. Издательство АСТ. Мир и Образование. 2016. 1376 с.
6. Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. Ершова И. В., Левушкин А. Н. М.: Проспект, 2019. 478 с.

Правовые основы функционирования финансового рынка в Республике Узбекистан

Бозаров Шавкат Таджибаевич, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, юрист
Лизинговая ассоциация Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

В данной статье на основе положений гражданского законодательства Республики Узбекистан анализируются особенности правового регулирования финансового рынка, основные положения нормативно-правовых актов, регулирующие деятельность участников финансового рынка в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: финансовый рынок, финансовая организация, участник финансового рынка, банк, кредитная организация, закон, правовое регулирование.

На современном этапе своего развития Республика Узбекистан твердо придерживается курса на создание современной рыночной экономики, основанной на международно признанных принципах и моделях государственного регулирования, составной частью которого является правовое регулирование экономических отношений. Для обеспечения устойчивого экономического развития и справедливого распределения результатов экономической деятельности наиболее важным является обеспечение финансовой стабильности и создание условий для эффективной инвестиционной деятельности. В этом контексте правовое обеспечение функционирования финансового рынка приобретает особое значение.

Действительно, в условиях рыночной экономики финансовые отношения приобретают чрезвычайно важное значение для обеспечения стабильности и устойчивого экономического роста как в экономически развитых, так и в развивающихся странах. Из сектора экономики, обслуживающего промышленность, сельское хозяйство, строительство и т.п., финансовый рынок превратился в ведущую отрасль, во многом предопределяющую состояние и перспективы развития других отраслей экономики. Автор данной научной статьи поддерживает мнения ученых, которые считают, что «финансовый рынок начала XXI в. является могущественной силой, которая определяет развитие целых государств» [1].

Анализ правовых аспектов регулирования финансового рынка невозможно без рассмотрения и внесения определенной ясности в сам термин «финансовый рынок». Вопросу о том, что регулировать, должен предшествовать вопрос о том, что регулировать.

Термин «финансовый рынок» вошел в научный обиход во второй половине XX столетия. Тогда многие ученые и эксперты данное понятие употребляли в качестве рынка капиталов [2]. В настоящее время термин «финансовый рынок» воспринимается специалистами как понятие, означающее совокупный денежный рынок и рынок капитала. Например, в Руководстве «Индикаторы финансовой структуры, развития и здоровья» Международного валютного фонда финансовый рынок рассматривается как совокупность денежного рынка, валютного рынка и рынка капитала [3]. По Мнению российских ученых П. Пробина и Н. Продановой, финансовый рынок является рынком для обмена капиталами и кредитами, включая денежные и валютные рынки [4]. Европейская Директива от 21 апреля 2004 года № 2004/39/ЕС «О рынке финансовых инструментов» содержит понятие «the integrated financial market»,

что переводится как интегрированный финансовый рынок, где обращаются финансовые инструменты, перечисленные в Приложении С к данной Директиве [5].

По мнению автора, под финансовым рынком следует понимать ту часть экономики страны, где происходит обмен денежными средствами, финансовыми инструментами и услугами между различными экономическими субъектами. Как юридико-экономическая категория финансовый рынок является совокупностью урегулированных нормами права общественных отношений по распределению и использованию финансовых ресурсов.

Для более полной картины финансовый рынок рассматривается как с функциональной, так и с институциональной позиций.

С функциональной точки зрения выделяются следующие функции финансового рынка:

— перераспределительная, заключающаяся в мобилизации временно свободных денежных средств у одних субъектов и передачи их другим субъектам, которые нуждаются в них для удовлетворения тех или иных своих потребностей (экономический рост, поддержание ликвидности и т.д.). С помощью финансового рынка происходит перераспределение финансовых ресурсов от тех, кто тратит меньше, чем зарабатывает, тем, кто тратит больше, чем зарабатывает.

По мнению российского специалиста С.Е. Бажанова, «с функциональной точки зрения финансовый рынок — это система рыночных отношений, посредством финансово-кредитного механизма способствующая аккумуляции и перераспределению ссудного капитала в интересах участников рынка» [6].

Кроме перераспределения финансовых ресурсов финансовый рынок также перераспределяет и риски. Риск ориентированный подход в настоящее время стало одним из важнейших требований в деятельности финансовых учреждений, предоставляющих свободные финансовые ресурсы нуждающимся в них субъектам на условиях возвратности и платности. Как справедливо отмечает российский правовед А. Гузнов «Необходимость снижения рисков породило не только такой специфический продукт как производные финансовые инструменты, но и такой самостоятельный сектор финансового рынка как страхование» [7].

Также важнейшей является информационная функция финансового рынка, так как в нем создается и предоставляется информация, необходимая при принятии решений субъектами финансового рынка. Рейтинговая и аудиторская деятель-

ность являются наиболее ярким выражением информационной функции финансового рынка. Всеобъемлющая информационная обеспеченность является важнейшим условием деятельности кредитных организаций и обращения ценных бумаг, так как полнота и достоверность информации является основой для принятия эффективного решения и часто определяет конечные результаты инвестиционной деятельности.

С точки зрения институционального подхода финансовый рынок является совокупностью финансовых институтов, которые действуют на финансовом рынке. Основными финансовыми институтами являются финансовые учреждения, которые занимаются мобилизацией финансовых ресурсов и их дальнейшим перераспределением. Это — главным образом банки и многочисленные финансово-кредитные учреждения, активно привлекающие свободные финансовые ресурсы физических и юридических лиц и инвестирующие их в те отрасли экономики и общественной жизни, которые нуждаются в них.

В обеспечении эффективного функционирования финансового сектора экономики участвуют не только финансовые учреждения, которые занимаются мобилизацией и перераспределением свободных денежных ресурсов, но и те финансовые институты, которые оказывают содействие функционированию финансового рынка. В частности, важное значение для стабильного функционирования финансового рынка имеет деятельность фондовых бирж, платежных систем, депозитариев и т.д. Эти финансовые учреждения оказывают услуги не гражданам, предприятиям реального сектора, государству как конечным потребителям финансовых услуг, а тем субъектам финансового рынка, которые активно занимаются мобилизацией свободных финансовых ресурсов и их перераспределением. Эти финансовые учреждения составляют инфраструктурные учреждения финансового рынка, тогда как активные участники финансового рынка всегда является финансовым посредником между владельцами свободных денежных ресурсов и их потребителями.

В зависимости от субъектов, действующих на финансовом рынке, можно выделить отдельные сегменты финансового рынка, которые, в научных и практических целях, могут рассматриваться как относительно самостоятельные финансовые рынки в рамках отдельных экономик. В частности, выделяются кредитный, страховой, валютный рынки и рынок ценных бумаг и т.д. В зависимости от территории, охваченной теми или иными финансовыми операциями, различают местный, региональный, национальный и международный рынки.

Все вышеизложенное в одинаковой мере относится к финансовым рынкам любого современного государства, в том числе и Республики Узбекистан. После внесения определенной ясности в понятие финансового рынка, можно переходить к рассмотрению вопроса правового регулирования финансового рынка в нашей стране.

Основу для правового регулирования финансового рынка составляют нормы, содержащиеся в Конституции Республики Узбекистан [8]. Само название Главы XXV «Финансы и кредит», указывает на то, что именно здесь сосредоточены нормы права, создающие основу для всего законодательства республики, регулирующего финансовые отношения в стране. В част-

ности, статья 122 указывает, что Республика Узбекистан имеет собственную финансовую и денежно-кредитную систему, а статья 124 устанавливает, что банковскую систему Республики Узбекистан возглавляет Центральный банк республики.

Кроме того, многочисленные нормы Конституции Республики Узбекистан создают правовую базу для деятельности государственных органов, в том числе в сфере регулирования финансового рынка. В частности, нормы Главы XVIII, посвященные правовым основам деятельности Парламента республики как органа законодательной власти, определяют его полномочия по законодательному регулированию валютного и кредитного дела (пункт 7 части первой статьи 78), назначение и освобождение от должности Председателя Правления Центрального банка Республики Узбекистан и заслушивание его отчетов (пункты 9 и 12 части первой статьи 80) и др.

На сегодняшний день на основе Конституции Республики Узбекистан приняты многочисленные законы, регулирующие те или иные стороны функционирования финансового рынка и обеспечивающие его устойчивость и развитие.

Гражданский кодекс Республики Узбекистан, являющийся экономической конституцией страны, содержит многочисленные нормы, регулирующие всю хозяйственную, в том числе финансовую, деятельность на территории Республики Узбекистан [9]. Деятельность всех субъектов финансового рынка, основанные на таких принципах гражданско-правового регулирования, как равенство и имущественная обособленность сторон, добровольность и имущественная ответственность за свои действия и др., подпадают под воздействие норм Гражданского кодекса Республики Узбекистан. Кроме общих норм, касающихся всех субъектов хозяйственной деятельности (нормы об обязательствах, о лицах и т.д.) Гражданский кодекс Республики Узбекистан содержит многочисленные нормы, непосредственно регулирующие отдельные виды финансовой деятельности. В частности, Главы 41–45 посвящены к правовому регулированию таких финансовых операций, как представление займов и кредитование, финансирование под уступку денежного требования, принятие банковских вкладов и ведение банковских счетов и др. Еще одной финансовой операцией — страхованию посвящена Глава 52. В главе 34, посвященной аренде, содержатся нормы, сгруппированные в параграфе 6 и регулирующие отношения по финансовой аренде — лизинге.

Важнейшим из законов, оказывающих фундаментально правовое воздействие на финансовый рынок и обеспечивающее его стабильное функционирование и устойчивый рост, является Закон Республики Узбекистан «О Центральном банке Республики Узбекистан» [10]. Ознакомление с нормами, содержащимися в данном Законе, показывает, что именно Центральный банк Республики Узбекистан является ключевым игроком, политика которого решающим образом влияет на состояние и перспективы развития финансового рынка в Республике Узбекистан.

В частности, статья 5 данного Закона определяет, что основными целями деятельности Центрального банка являются обеспечение стабильности цен, банковской системы и функционирования платежных систем. С учетом того, что на финансовом рынке Узбекистана основными игроками являются коммер-

ческие банки и что стабильность цен главным образом определяет стабильность всей экономики, можно утверждать, что вышеуказанная норма фактически означает ответственность Центральный банк Республики Узбекистан за стабильность всей финансовой системы страны.

Но наиболее важным для функционирования финансового рынка Узбекистана являются нормы, содержащиеся в Главе 5 данного Закона, нормы которой посвящены денежно-кредитной политике в Республике Узбекистан. Центральный банк ежегодно разрабатывает основные направления денежно-кредитной политики на предстоящий год, который предоставляется Президенту и Сенату Олий Мажлиса Республики Узбекистан. В этом документе устанавливаются основные параметры денежно-кредитной политики (в том числе показатели инфляции, платежного баланса и денежно-кредитные показатели), решающим образом влияющие на состояние и развитие финансового рынка Республики Узбекистан.

Не менее важными для правового регулирования функционирования финансового рынка являются нормы Главы 10, посвященной регулированию и надзору за деятельностью кредитных организаций и иных субъектов финансового рынка (платежных систем, валютных бирж и т.д.). В частности, статья 60 данного Закона, посвященная регулятивной функции Центрального банка, определяет, что для осуществления регулирующих функций он устанавливает порядок и условия государственной регистрации банков и кредитных бюро, а также ведения реестра организаций по рефинансированию ипотеки, порядок лицензирования видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии, выдаваемые Центральным банком, порядок прохождения разрешительных процедур в сфере банковской деятельности, порядок прохождения уведомительных процедур для финансовых учреждений, минимальный размер уставного фонда (уставного капитала) микрокредитных организаций, ломбардов, организаций по рефинансированию ипотеки, платежных организаций и операторов платежных систем, минимальные требования к информационной безопасности кредитных организаций, платежных организаций, операторов платежных систем, валютных бирж и кредитных бюро, порядок прекращения деятельности и ликвидации банков, в том числе в добровольной форме и другие.

Статья 61 данного Закона определяет, что Центральный банк для осуществления надзорных функций устанавливает обязательные для кредитных организаций правила проведения финансовых операций, ведения бухгалтерского учета, составления и представления финансовой и надзорной отчетности, в том числе годовой отчетности, представления информации, необходимой для оценки рисков и надзора за их деятельностью, обязательные для платежных организаций, операторов платежных систем, валютных бирж и кредитных бюро правила осуществления деятельности и операций, требования к внутреннему контролю и системе управления рисками банков и банковских групп, а также корпоративному управлению в банках, в том числе по независимости членов наблюдательных советов банков и другие.

И последним вопросом, касающимся правового регулирования функционирования финансового рынка в части де-

ятельности Центрального банка Республики Узбекистан как главного игрока, решающим образом влияющего на состояние всего финансового рынка, является вопрос издания последним нормативно-правовых актов в финансовой сфере. Статья 9 данного Закона устанавливает, что Центральный банк правомочен принимать нормативно-правовые акты по всем вопросам, относящимся к его компетенции, и эти нормативно-правовые акты обязательны для исполнения всеми субъектами на территории Республики Узбекистан. На основании данной нормы, Центральный банк Республики Узбекистан уже сформировал огромный массив подзаконных нормативно-правовых актов, которые имеют важное значение для правового регулирования тех или иных аспектов функционирования финансового рынка в Узбекистане.

В связи с тем, что коммерческие банки являются основными участниками финансового рынка Республики Узбекистан, одним из наиболее важных законов, регулирующих финансовый рынок, является Закон Республики Узбекистан «О банках банковской деятельности» № ЗРУ 580 от 5 ноября 2019 года [11]. Данный Закон содержит в себе легальное определение банковской деятельности, что является очень важным как с научно-теоретической, так и с практической точки зрения. В частности, статья 1, посвященная терминам, определяет, что банк — это юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией и осуществляющее совокупность следующих видов деятельности, определяемых как банковская деятельность: принятие вкладов от юридических и физических лиц и использование принятых средств для кредитования или инвестирования на собственный страх и риск, а также осуществление платежей. Данное определение позволяет идентифицировать финансовое учреждение как банк со всеми вытекающими правовыми и регуляторно-надзорными последствиями.

Для рассмотрения вопроса правового регулирования функционирования финансового рынка важной является статья 5 данного Закона, посвященная финансовым операциям, которые могут осуществлять коммерческие банки. Дополнительно стандартно признанным банковским операциям, данная статья содержит виды операций, которые могут осуществляться как банками, так и другими финансовыми учреждениями, такие как операции с иностранной валютой в наличной и безналичной формах, доверительное управление имуществом по договору с физическим или юридическим лицом, инкассация и кассовое обслуживание, выдача гарантий и принятие иных обязательств за третьих лиц, предусматривающих исполнение их обязательств, приобретение права требования от третьих лиц исполнения обязательств в денежной форме (факторинг), выпуск, покупка, продажа, учет и хранение ценных бумаг, управление ценными бумагами по договору с клиентом, совершение других операций с ними, осуществление операций с производными финансовыми инструментами (деривативами), предоставление в аренду специальных помещений или находящихся в них сейфов для хранения документов или ценностей, предоставление лизинга, выдача займов в формах, предусмотренных законодательством, управление портфелем активов, выпуск, использование и погашение электронных денег, выдача банковских карт и обработка платежей, обслуживание банковских

карт совместно с другими организациями, включая другие финансовые институты и др.

В Республике Узбекистан также действуют другие законы, регулирующие те или иные стороны функционирования финансового рынка. Из-за ограниченности объема данной научной статьи автор ограничивается лишь перечислением наиболее важных из них с краткими комментариями к каждому из них с учетом их значения для правового регулирования финансового рынка.

— Закон Республики Узбекистан «О страховой деятельности» № ЗРУ-358-II от 5 апреля 2002 года [12]. Содержит правовые нормы, посвященные таким основным вопросам осуществления страховой деятельности в сфере страхования, как сущность страховой деятельности, виды страховых операций, правовой статус профессиональных участников страхового рынка, лицензирование страховой деятельности и др.

— Закон Республики Узбекистан «О рынке ценных бумаг» № ЗРУ-387 от 3 июня 2015 года [13]. Является основным законом, регулирующим режим выпуска и обращения ценных бумаг, профессиональную деятельность и раскрытие информации на рынке ценных бумаг, регулирование рынка ценных бумаг и др.

— Закон Республики Узбекистан «О микрокредитных организациях» № ЗРУ-53 от 20 сентября 2006 года [14]. Данный

закон регулирует порядок осуществления деятельности по предоставлению микрофинансовых услуг (микрокредитование, микрозайм, микролизинг и др.), включая вопросы создания и лицензирования микрокредитных организаций, его права и обязанности, предоставляемые микрокредитные услуги и т.д.

— Закон Республики Узбекистан «О платежах и платежных системах» № ЗРУ-578 от 1 ноября 2019 года [15]. Данный закон содержит нормы, всесторонне регулирующие порядок организации и функционирования платежной системы Республики Узбекистан.

Обобщая все вышеизложенное, автор данной научной статьи делает вывод о том, что в Республике Узбекистан на настоящий момент сформирован стабильно функционирующий, и, несмотря на имеющиеся недостатки, отвечающий требованиям современных международных стандартов и удовлетворяющий потребности отраслей национальной экономики в финансовых ресурсах финансовый рынок. В республике создана достаточная правовая база для функционирования финансового рынка, основанная на Конституции Республики Узбекистан. Важнейшими правовыми актами, регулирующими финансовый рынок Республики Узбекистан, являются Гражданский кодекс Республики Узбекистан и Закон Республики Узбекистан «О Центральном банке Республики Узбекистан».

Литература:

1. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение // коллектив авторов. — М.: Научный эксперт, 2012. — С. 220.
2. Иванов В. В. / Современные финансовые рынки: монография для магистрантов. / [В. В. Иванов и др.] под ред. Иванова В. В. — М.: Проспект, 2014 — С. 14
3. IMF Indicators of Financial Structure, Development, and Soundness. A Handbook. 2005. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fsa/eng/pdf/ch02.pdf>
4. Пробин П. С., Проданова Н. А. Финансовые рынки: учеб. пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — С. 4
5. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32004L0039>.
6. Бажанов С. Е. Интеграция российского и международного финансового рынка. Дисс. ... докт. экон. наук. — Спб.: 2006. С. 41.
7. Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка Российской Федерации. Дисс. ... докт. юр. наук. — Спб.: 2016. С. 37.
8. Конституция РУз. / (Газета «Народное слово» от 15.12.1992 г., № 247 (438); Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2019 г., № 2, ст. 47)
9. Гражданский кодекс Республики Узбекистан / Издательство «Адолат». 2010 г.
10. Закон «О Центральном банке Республики Узбекистан» / Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2004 г., № 51, ст. 514; 2006 г., № 37–38, ст. 373; 2007 г., № 52, ст. 533; 2009 г., № 15, ст. 176, № 37, ст. 403, № 39, ст. 423, № 52, ст. 553; 2012 г., № 15, ст. 163; 2013 г., № 1, ст. 1; 2014 г., № 20, ст. 222, № 50, ст. 588; 2015 г., № 52, ст. 645;
11. Закон «О банках и банковской деятельности» / Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2006 г., № 37–38, ст. 368, № 41, ст. 405; 2008 г., № 52, ст. 513; 2009 г., № 15, ст. 176, № 39, ст. 423; 2012 г., № 15, ст. 163; 2013 г., № 18, ст. 233; 2017 г., № 37, ст. 978;
12. Закон «О страховой деятельности» / Национальная база данных законодательства, 24.11.2021 г., № 03/21/730/1089
13. Закон «О рынке ценных бумаг» / Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2015 г., № 22, ст. 287;
14. Закон «О микрокредитных организациях» / Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2006 г., № 37–38, ст. 372; 2013 г., № 1, ст. 1, № 18, ст. 233; 2015 г., № 33, ст. 439; 2017 г., № 16, ст. 265;
15. Закон «О платежах и платежных системах» / Национальная база данных законодательства, 02.11.2019 г., № 03/19/578/3986; 12.10.2021 г., № 03/21/721/0952

Бесконтактный способ совершения наркопреступлений: актуальные проблемы установления и квалификации

Брусницына Виктория Михайловна, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются особенности современной наркоситуации в России и предлагаются способы оптимизации правоприменительной деятельности в сфере установления дистанционных методик совершения незаконных приобретения и сбыта наркотических средств.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, наркотические средства, сбыт, приобретение, бесконтактный способ.

Современная наркоситуация в России является достаточно тревожной. По информации ФСКН России, среди россиян около 2,5 млн наркоманов, страдающих тяжелой формой зависимости, при этом большинство из них (от 1,5 до 2 млн человек) являются потребителями героина. Примерно 3 млн россиян используют другие наркотики: 2,5 млн потребляют марихуану, гашиш, полмиллиона — синтетические средства, поставляемые из Европы и стран Балтии. В стране растет смертность от передозировки наркотиков. Если, по экспертным данным, в 2010 г. от наркотиков в России умерло 70 тысяч человек, то в 2011 г. — 100 тысяч, и в последующие годы это количество оставалось стабильным. Следует также отметить, что на учете в российских органах здравоохранения состоят всего около 500 тысяч наркозависимых, притом, что реальное число наркоманов в нашей стране — 5–6 миллионов, а может и больше.

По данным МВД РФ, в структуре зарегистрированной преступности деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, занимают до 10% (2016 г. — 201165 преступлений при общем количестве 2 млн 160 тыс., в 2017–2018 г. — 208861 при общем массиве 2 млн 58,5 тыс., 2018–2020 г. — 190197 при общем массиве 1 млн 992 тыс., 2019–2020 г. — 189905 при общем массиве 2 млн 24,3 тыс., 2020–2021 г. — 189905 при общем массиве 2 млн 44,2 тыс. [1]). Как правило, криминальная активность охватывает сбыт наркотических средств или психотропных веществ, либо приобретение (хранение, изготовление, переработку, перевозку) в целях последующего употребления.

При столь значительном количестве зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, статистические данные, характеризующие динамику принятия итогового процессуального решения, не дают оснований для выводов о высокой интенсивности деятельности судов. Так, в 2016 г. по ст. ст. 228, 228.1 УК РФ было осуждено 101220 человек, в 2017–99758, в 2018–88410, в 2019–76062, в 2020–67036 [2]. Как видно, за пять лет количество осужденных по приговору суда сократилось почти на треть, тогда как число зарегистрированных преступлений — чуть более чем на 5%. При этом доля лиц, осужденных по ст. 228.1 УК РФ, составляет около 20% от общего числа субъектов, в отношении которых вынесены приговоры по делам о наиболее распространенных действиях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Это означает, что в суды в четыре раза чаще направляются уголовные дела, расследованные по ст. 228 УК РФ, по которым к ответственности привлекаются лица, действо-

вавшие без цели сбыта. Обусловлено это тем, что количество потребителей наркотиков является объективно превышающим число их сбытчиков. Кроме того, вероятность изобличения в сбыте зависит от того, в какой момент состоялось пресечение преступных действий.

В правовой доктрине действия лиц, вовлеченных в незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, справедливо признаются обладающими крайне высокой общественной опасностью [3, с. 71–74], но темпы их изобличения остаются недостаточно высоким. Одной из проблем в этой сфере выступает появление новых способов доставки незаконно приобретенного «товара» конечному потребителю. Наиболее популярные из них представляют собой аналог курьерской доставки, при которой курьер и конечный потребитель не знакомы друг с другом, а кроме того, в этой схеме имеет место дистанционное получение наркотических средств, исключающее личную встречу между ними. Такой способ совершения преступления служит определенной гарантией безопасности и для приобретателя, и для курьера. При этом лицо, передавшее наркотическое средство в распоряжение курьера, вообще не участвует в финальной стадии незаконной сделки. Данное обстоятельство во многом затрудняет выявление всех ее участников, но является объективным препятствием, преодолимым только в тех случаях, когда задерживается не приобретатель, а курьер, и если курьер имеет личный контакт со следующим звеном в преступной цепочке.

В связи с развитием научно-технического прогресса в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ оказались востребованными различные дистанционные способы их реализации, подразумевающие бесконтактные формы оплаты. Это создает определенные трудности для выявления факта сбыта наркотиков, однако позволяет — в большинстве случаев — осуществлять эффективное обнаружение мест их временного размещения и цепи доставки к ним (типы тайников-«закладок» и механизм незаконной купли-продажи хорошо изучены в научной литературе [4, с. 83–86]).

Достаточно актуальной проблемой является использование в целях сбыта наркотических средств современных коммуникационных ресурсов, в частности, мессенджеров, посредством которых может осуществляться оперативный информационный обмен между сбытчиком и потребителем относительно количества, стоимости и места сокрытия предмета криминальной сделки. Поток обрабатываемой мессенджерами информации достаточно объемный, поэтому своевременное выявление та-

кого контента может быть затруднительно. Кроме того, это подразумевает конструктивное взаимодействие операторов связи с правоохранительными органами. Обычные элементы стандартной полицейской операции — оперативного эксперимента, проверочной закупки — могут быть в этом случае недостаточно эффективными. В то же время, изъятие у лиц, задержанных в связи с причастностью к незаконному обороту наркотиков, смартфонов и других гаджетов с последующим доступом к информации может стать условием для выявления и пресечения новых преступлений. Даже эпизодические потребители наркотических средств используют, как правило, один и тот же канал для их добычи, поскольку опасаются в равной степени мошеннических действий или задержания. Из этого следует, что актуальные контакты с лицами, участвующими в незаконном сбыте наркотических средств, могут содержаться в открытом доступе в мобильном устройстве задержанного.

Квалификация бесконтактного приобретения и сбыта наркотических средств осуществляется на общих основаниях: по соответствующей части ст. 228 УК РФ (в отношении приобретателя) и по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (в отношении сбытчика). Действия курьера должны квалифицироваться как соисполнительские, даже если непосредственно не установлен факт получения им платы за сбытое вещество. В современный период в правоприменительной практике сформировалось устойчивое представление о том, что если о месте нахождения предмета преступления потребитель поставлен в известность, сбыт наркотического средства считается оконченным. При этом логичным выглядит закрепление в ст. 228 УК РФ квалифицирующего признака — с применением бесконтактного способа приобретения наркотического средства, поскольку этот способ обладает устойчивой распространенностью и требует самостоятельного уголовно-правового реагирования.

Литература:

1. Состояние преступности в Российской Федерации за 2016–2020 годы [электронный ресурс] // МВД России: сайт. — Москва, 2021. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/> (дата обращения: 07.09.2021)
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016–2020 годы [электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт — Москва, 2021. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 07.09.2021)
3. Бушков, Д.В., Эфрикян, Р.А. Квалификация посреднических действий и сбыта при незаконном обороте наркотических средств // ЮристЪ-ПравоведЪ. — 2014. — № 6. — С. 71–74.
4. Поляков, В.В., Кондратьев, М.В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений / В.В. Поляков, М.В. Кондратьев // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — № 1. — С. 83–86.

Адвокатура в современной России

Буданцев Иркин Идрисович, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье автор проводит обзорный анализ действующего законодательства по вопросу адвокатуры в современной России, а также имеющих проблем функционирования адвокатуры в России.

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, адвокатская деятельность, адвокатские образования, проблемы адвокатуры.

Адвокатура является важнейшим институтом гражданского общества, осуществляющим защиту общества от всевозможных проявлений нарушения прав и законных интересов. Вместе с тем, современные реалии общественных отношений, характеризующиеся распространением коронавирусной инфекции, а также мировым экономическим кризисом, позволяют выявить ряд проблем деятельности адвокатуры, влияющих на эффективность адвокатской деятельности.

Так, А.Б. Шаповал в своём исследовании касается проблемы допуска адвоката-защитника к подзащитному на стадии предварительного расследования, а именно от утверждает, что «одной из актуальных проблем уголовного судопроизводства, в частности на стадии предварительного расследования, выступает процесс приглашения и допуска защитника, в ходе которого, особенно с учетом длящейся по сей день пандемии

COVID-19, зачастую ущемляются права подзащитного. Об этой проблеме говорят многие адвокаты» [1].

Действительно, коронавирусная инфекция накладывает свой отпечаток на все сферы общественной жизни. Адвокатура не является исключением из этих реалий. Проблема еще состоит в том, что в обществе и доктрине по-разному оценивают эффективность адвокатуры в России как института гражданского общества. Коронавирусные ограничения в адвокатуре значительным образом понижает качество адвокатской деятельности, что требует научного осмысления и решения, так как квалифицированная юридическая помощь является конституционной гарантией, предусмотренной 48 статьей Конституции Российской Федерации.

Так, П.Е. Короткова, говоря о важности скорейшей разработки и ввода в эксплуатацию комплексной информационной

системы адвокатуры России, указывает, что «события, происходящие в настоящее время, доказали необходимость продолжения активного развития инновационных технологий во всех сферах нашей жизни. И подтверждение этому — вспышка коронавирусной инфекции Covid-19, которая привела к тому, что многие граждане, в том числе и нашей страны, вынуждены находиться дома. Несмотря на то, что последствием вынужденной домашней изоляции граждан стало блокирование большей части экономики, на работу некоторых отраслей данная ситуация оказала не столь пагубное влияние. Часть граждан, в том числе и нашей страны, находясь дома, быстро освоила современные облачные платформы, такие как Zoom, Skype и др., и продолжила осуществлять свои профессиональные обязанности уже в новых условиях. Включились в работу, используя эти сервисы, в том числе юристы и адвокаты, которые в настоящее время предлагают онлайн-консультации своим клиентам. К сожалению, юристам и адвокатам приходится ограничиваться онлайн-консультациями, так как перейти на полностью электронное судопроизводство в настоящее время не представляется возможным» [2].

При этом, в контексте адвокатуры, не во всех сферах дистанционные системы адвокатской деятельности были бы эффективными. Так, можно согласиться с позицией Л. А. Скабелиной, которая утверждает, что «применение цифровых инструментов в коммуникации адвоката с доверителем снижает эффективность установления доверительных отношений. Доверие — важнейшая составляющая профессионального общения адвоката с доверителем. Доверие — это уверенность в порядочности, профессионализме и доброжелательности участников коммуникации. Механизмы возникновения доверия в значительной степени не осознаются людьми и находятся в зоне невербальной составляющей общения. В коммуникации с использованием цифровых инструментов передача и считывание невербальных сигналов затруднены. В цифровой коммуникации доверителю проще исказить информацию, недоговаривать, а адвокату сложнее верифицировать сообщение доверителя. Цифровизация ускоряет и упрощает многие процессы. При этом изменения, возникающие под ее влиянием, в профессиональной коммуникации адвоката не однозначны и требуют внимательного анализа и выработки конкретных способов оптимизации взаимодействия» [3].

Действительно, для повышения эффективности адвокатуры, существует необходимость внедрения и иных мер. В доктрине права вопросы эффективности адвокатуры широко исследованы и могут послужить основой законодательного обеспечения адвокатуры.

Так, З. М. Береза З. М. и А. Р. Сиукаева рассматривают частные проблемы адвокатуры и делают вывод о том, что «анализ ст. 450.1 УПК РФ и практики ее применения позволяет предположить, что данная норма требует доработки, в том числе с учетом правовых позиций Европейского суда. Необходимо более четко сформулировать условия применения данной нормы, указав, что предусмотренные ею гарантии распространяются не только на случаи, когда уголовное преследование осуществляется в отношении адвокатов, но на все случаи, когда в их жилище или служебном помещении осуществляются след-

ственные действия (по уголовным делам в отношении их доверителей, родственников, совместно проживающих с ними лиц). Кроме того, важно конкретизировать права уполномоченных адвокатской палатой лиц при их участии в следственных действиях в отношении адвоката и предусмотреть специальные процедуры для разрешения возможных коллизий, которые могут возникнуть с должностными лицами, уполномоченными осуществлять предварительное расследование» [4].

З. И. Корякина приходит к выводу, что проблема недобросовестной работы назначенного несовершеннолетнему адвоката должна решаться с неременным условием, что к реализации права на защиту несовершеннолетнего должен приступать не любой, а защитник, имеющий продолжительный и положительный опыт в ювенальной защите. В этих целях для защиты несовершеннолетнего предлагаем организовать в каждой региональной палате отдельный список (реестр) наиболее опытных (ювенальных) адвокатов, из которого подлежит назначению защитник (в том числе в порядке замены). При этом для обеспечения стабильного участия можно было бы установить, что для такого адвоката ювенальная защита должна иметь приоритетное значение в сравнении с другими делами. Отдельный реестр адвокатов, специализирующихся на оказании квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства, особенно нужен в тех субъектах Российской Федерации, в которых отмечается тревожная динамика преступности несовершеннолетних. Для признания за адвокатом ювенальной специализации не обязательно закреплять за ним отдельный статус, достаточно наличия опыта участия в процессе защиты несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве Российской Федерации» [5].

М. И. Лавицкая утверждает, что «в правовом регулировании адвокатской деятельности есть проблемы теоретико-правового и правореализационного характера, к числу которых, например, можно отнести необходимость корректировки дефиниции «адвокат», поскольку в нашей стране адвокатура понимается в двух значениях: как социальный институт и профессиональное сообщество адвокатов, каждый из которых получает право заниматься адвокатской деятельностью только после получения статуса адвоката, в связи с этим формулировка дефиниции «адвокат» в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» представляется некорректной, нами предлагается изменить формулировку и зафиксировать эту часть в следующей редакции: «Статья 2, часть 1. Адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката, что дает ему право осуществлять адвокатскую деятельность». Вызывает справедливую критику остающееся в Законе положение о возможности приобретения статуса адвоката субъектом, имеющим снятую или погашенную судимость за совершение умышленных преступных деяний, что не только противоречит международной практике, но и нарушает этические каноны данной профессии, а также негативно сказывается на развитии гражданского общества, неотъемлемым элементом которого является адвокатура. Не менее обоснованную критику вызывает отсутствие в Законе положения об ответственности адвоката за невыполнение обязанности по повышению и совершенствованию уровня про-

фессиональных знаний. Представляется, что в данном случае адвокатское объединение первоначально могло бы принять решение о приостановлении полномочий такого адвоката, а затем в случае злостного нарушения этой обязанности — принять решение о лишении такого адвоката статуса» [6].

Таким образом, адвокатура в современной России нуждается в научно-обоснованных изменениях законодательства, так как современные реалии общественных отношений, значительным образом влияют на эффективность адвокатуры в целом.

Литература:

1. Шаповал А. Б. Проблема допуска адвоката-защитника к подзащитному на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. — 2021. — № 4. — С. 51–56.
2. Короткова П. Е. К вопросу о важности скорейшей разработки и ввода в эксплуатацию комплексной информационной системы адвокатуры России // Адвокатская практика. — 2020. — № 3. — С. 55–59.
3. Скабелина Л. А. Влияние цифровизации на профессиональную коммуникацию адвоката // Адвокатская практика. — 2020. — № 4. — С. 30–33.
4. Береза З. М., Сиукаева А. Р. Гарантии защиты прав адвокатов при проведении обыска в жилых и служебных помещениях: проблемы законодательного регулирования и практического применения // Адвокатская практика. — 2021. — № 3. — С. 54–60.
5. Корякина З. И. О некоторых проблемах участия адвоката-защитника в реализации права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу // Адвокатская практика. — 2020. — № 5. — С. 38–42.
6. Лавицкая М. И. Адвокат как главный субъект оказания квалифицированной юридической помощи // Адвокатская практика. — 2021. — № 2. — С. 17–22.

Понятие процесса доказывания

Вахрушева Кристина Витальевна, студент
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрено понятие доказывания в уголовном процессе и его элементы, к которым относятся собирание, проверка и оценка доказательств. Определено, что доказывание является познавательной деятельностью, познанием обстоятельств дела, которое проявляется в особой процессуальной форме. Собирание и проверка доказательств являются определенными этапами формирования фактической основы процесса доказывания.

Ключевые слова: доказывание, собирание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств.

Одной из важнейших задач современного российского государства и общества в целом является обеспечение строгого соблюдения законности, искоренение любых нарушений правопорядка, противодействие преступности, устранение причин и условий, порождающих ее и способствующих ее развитию. В настоящее время особое внимание уделяется совершенствованию деятельности органов полиции, юстиции и судов, призванных стоять на страже законности, защиты прав граждан и интересов общества. При расследовании уголовного дела следователь, дознаватель и судья, с целью принятия законных и обоснованных решений, стремятся восстановить достоверную картину прошедшего события, выяснить все его обстоятельства и установить факты. Достижение данной цели осуществляется посредством доказывания.

Исходя из этого, в теории и практике уголовного процесса тема доказывания является одной из важнейших. Это объясняется тем, что в ходе уголовного судопроизводства рассматриваются дела, которые решают судьбу человека. И от того, насколько точно, полно будут исследованы все материалы дела, от того, будет ли соблюдены требования закона, будет зави-

сеть правильность решения суда. Данный факт имеет очень важное значение, поскольку основным назначением уголовного судопроизводства является, в том числе, соблюдение всех требований закона для того, чтобы каждый, кто совершил преступление, был привлечен к ответственности и ни один невиновный не был наказан.

Понятие доказывания в значительной мере предопределено в ст. 85 УПК РФ [1]. В соответствии со сказанным в ней доказывание — это регулируемая уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, образующих предмет доказывания по уголовному делу.

В литературе по уголовному процессу понятие доказывания толкуется неоднозначно, несмотря на решающую роль в установлении обстоятельств преступления. Большое количество научных исследований этой проблемы в разное время только еще больше подчеркивает ее постоянную актуальность.

В теории доказательств в течение длительного времени было закреплено представление о доказывании, как разновидности

познания обстоятельств преступления, имеющих значение для расследования преступления и производства по уголовному делу, характеризующемуся единством двух взаимосвязанных степеней познания чувственного (непосредственного) и рационального (опосредованного) [5, с. 280]. Данные положения не утратили актуальности и сегодня. Согласимся с мнением, что «доказывание, в первую очередь, имеет познавательный аспект, поскольку основной его направленностью является установление истины по делу, однако имеет и свои специфические особенности, отличающие его от иных форм познания» [4, с. 205].

По мнению В. И. Иванова «принимая во внимание то, что усилия субъектов доказывания направлены на достижение единой цели — установление обстоятельств, имевших место в прошлом, доказывание рассматривается в качестве ретроспективного вида познавательной деятельности специально уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства (то есть уголовно-процессуального познания)» [2, с. 43]. Таким образом, доказывание в уголовном процессе является именно познавательной деятельностью специально уполномоченных субъектов.

В современный период, исходя из законодательного определения, уголовно-процессуальное доказывание рассматривают, как практическую деятельность уполномоченных законом субъектов, которая происходит в особой процессуальной форме путем собирания, проверки и оценки доказательств. Некоторыми процессуалистами рассматривается процессуальное закрепление доказательств, как самостоятельный элемент процесса доказывания. Можем отметить, что процессуальное закрепление фактических данных не считается самостоятельным элементом доказывания, поэтому что оно является составляющим любого следственного действия, которое проводится с целью сбора или проверки доказательств.

Собирание доказательств в процессуальных источниках принято рассматривать как урегулированную Уголовно-процессуальным кодексом РФ деятельность уполномоченных субъектов по выявлению и фиксации в процессуальных документах и приложениях к ним материальных и идеальных следов преступления или другой доказательной информации.

В мире нет готовых доказательств, поэтому следователь при производстве следственных действий, выявляя появившуюся к делу информацию (следы преступления) и фиксируя ее в процессуальных актах, занят формированием доказательств и их процессуальных источников.

Считаем необходимым подчеркнуть, что предпосылки дальнейшей полной, всесторонней, объективной проверки доказательств создаются уже как в процессе их собирания, так и во время проверки. Создаются необходимые условия для развития дальнейшего процесса познания обстоятельств преступления и обеспечение возможности оценки совокупности доказательств по уголовному делу. Процесс проверки доказательств условно можно разделить на практические (следственные) действия по поиску новых доказательств, а также логические операции (анализ и синтез) по исследованию собранных доказательств.

Вышеуказанное позволяет охарактеризовать собирание и проверку доказательств, как определенные этапы формиро-

вания фактической основы процесса доказывания. Они проявляются во время формирования процессуальных актов, где устанавливаются обстоятельства с помощью логического использования доказательств, имеющих значение для уголовного производства, а также обоснования и мотивирования процессуальных решений, являющихся следствием установленных и исследованных обстоятельств.

В то же время понятие доказывания принципиально определяется не его поисковой направленностью, а его назначением — быть орудием обоснования установленного. Под доказыванием понимают, в том числе, и логические операции по использованию доказательств в обосновании процессуальных решений перед судом, хотя при этом подчеркивают важную роль процессуального собирания и проверки доказательств, как одной из гарантий судебной достоверности.

Так, В. М. Савицкий определяет сущность доказывания исключительно, как обоснование определенного утверждения, тезисы, в то же время считая, что необходимо считаться также с традиционным отождествлением в юриспруденции доказывания с практической деятельностью по формированию и проверке доказательств, а также с тем, что в уголовном процессе термин «доказывание» употребляется в обоих значениях [3, с. 149].

Следовательно, если в процессе формирования и проверки доказательств целью является создание свойственных средств (доказательств), то в процессе доказывания обстоятельств преступления эти средства должны применяться путём аргументации, обоснования ими определенных тезисов (выводов, процессуальных решений). Происходит это во время доказывания, в отличных процессуальных формах (в постановлениях, обвинительных актах, определениях, приговорах суда) и только с помощью рационального (опосредованного) познания, через анализ достаточности совокупности доказательств для принятия процессуальных решений и обоснования определенных тезисов.

Оценка доказательств понимается, как умственная деятельность субъектов доказывания, по определению допустимости и полноты процессуальных источников, а также принадлежности к делу имеющихся сведений о фактах, их допустимости, достоверности и достаточности для принятия соответствующих решений.

Отметим, что оценка доказательств должна осуществляться судом в любом случае, несмотря на существование в уголовном процессе упрощенных производств. Так, Верховный суд РФ рассмотрел жалобу на обвинительный приговор по делу о совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 УК РФ, вынесенный в особом порядке. В кассационной жалобе осуждённый попросил приговор отменить, а уголовное дело прекратить. Р. полагал, что обвинительный приговор основан исключительно на признании им своей вины, а иных доказательств, подтверждающих его виновность в инкриминируемом деянии, в материалах дела нет. Ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства он заявил, так как не верил в возможность оправдания, пояснил осуждённый. Верховный суд РФ указал, что в силу специфики рассмотрения данного дела в приговоре не раскрыто, в чём конкретно выра-

зились характеризующие объективную сторону преступления обман должностных лиц и заведомо незаконное сокрытие сведений о ранее приобретённой за счёт средств военной субсидии квартире. Следовательно, не получили правовой оценки и соответствующие доказательства, которые бы подтверждали или опровергали эти обстоятельства [6]. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда определила приговор отменить, а дело направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Итак, именно от результатов оценки доказательств на основе их свойств зависит успешность доказывания в уголовном процессе.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, сизм. От 23.09.2021) — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Иванов В. И. Уголовно-процессуальное доказывание — ретроспективный путь познания от чувственного восприятия сущего к достоверному знанию прошлого / В. И. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2021. — № 1(55). — С. 42–51.
3. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). — Москва, 1987. — 286 с.
4. Смирнова К. И. Понятие и сущность доказывания в уголовном процессе / К. И. Смирнова // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 февраля 2019 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. — С. 205–207.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина. 2-е изд., доп. — Москва: Юрид. лит., 1973. — 735 с.
6. ВС объяснил, когда признание вины и особый порядок не повод выносить обвинительный приговор [электронный ресурс] — режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20211025/307480998.html

К вопросу о назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы по делам о ятрогенных преступлениях

Голобородько Алёна Валерьевна, студент

Научный руководитель: Кузнецов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Иркутский государственный университет

Ключевые слова: ятрогенные преступления, судебно-медицинская экспертиза, ненадлежащее оказание медицинской помощи, заключение экспертов.

При расследовании ятрогенных преступлений большое значение уделяется проведению судебно-медицинской экспертизы, поскольку именно в рамках этой экспертизы устанавливается причинно-следственная связь между деяниями медицинского работника и наступившими неблагоприятными последствиями. Кроме того, определение диагноза и выбор тактики лечения зависит от ряда факторов, которые не могут быть заранее регламентированы правилами, стандартами, инструкциями и т. д. В данных случаях действия врача основываются на общепринятых в медицине положениях и в каждом конкретном случае определяются состоянием здоровья пациента, особенностями протекания болезни и условиями, в которых оказывается медицинская помощь [1, с. 19].

В 2021 г. автором статьи был проведён опрос 20 следователей Следственного управления Следственного комитета Рос-

Итак, доказывание — это и есть познавательная деятельность, познание обстоятельств дела, которое проявляется в особой процессуальной форме. Доказывание является специфическим юридическим, процессуальным термином, обозначающим познавательную деятельность уполномоченных субъектов. Именно благодаря такому определению уголовно-процессуального доказывания происходит предотвращение исключения из доказывания практических операций по формированию доказательств (а следовательно, и их недооценка), и игнорирование правил логики доказывания и predetermined этим попытки определить достаточность доказательств на уровне интуиции.

сийской Федерации по Иркутской области (далее — СУ СК России по Иркутской области), специализирующихся на расследовании ятрогенных преступлений. Его результаты показали, что в 100% случаях, во исполнении требований ст. 196 УПК РФ, при расследовании ятрогенных преступлений следователи назначают судебно-медицинскую экспертизу, осуществляемую, как правило, комиссионно. При этом при производстве по уголовным делам проводятся и иные виды экспертиз. Так, например, как показал опрос, судебная почерковедческая экспертиза назначалась каждым вторым следователем, а судебно-техническая экспертиза документов проводилась в 25% случаев. Компьютерно-техническую экспертизу назначали лишь 15% опрошенных следователей.

Назначение судебно-медицинской экспертизы требует от лица, осуществляющего расследование, тщательной предвари-

тельной подготовки. Одним из важных этапов на стадии подготовки к назначению и производству судебно-медицинской экспертизы является составление вопросов к экспертной комиссии. Принимая во внимание специфику расследуемых преступлений, стоит учитывать, что при формулировании вопросов следователь не должен ограничиваться только знанием материалов дела. Для корректной постановки вопросов необходимо также владеть и медицинской терминологией, поскольку если поставленные перед экспертами вопросы будут некорректны либо будут выходить за пределы специальных знаний это может привести к увеличению сроков проведения экспертизы, либо сделает ее проведение невозможным.

В этой связи хочется обратить внимание, что в своём диссертационном исследовании С.В.Ерофеев установил связь между качеством поставленных перед экспертной комиссией вопросов и частотой отказов экспертной комиссии от ответов на них. Так, «если перед комиссией ставился полный перечень грамотных вопросов, то число мотивированных отказов от ответов по сравнению со средним уровнем уменьшалось в 1,7 раза, а необоснованное оставление вопроса без ответа — в 2,5 раза. И напротив, превышение пределов компетенции в вопросах закономерно вызывало рост обоснованных отказов в 6,9 раза, но и обнаруживало тенденцию к росту (в 1,5 раза) немотивированных отказов» [2, с. 24].

Так, по уголовному делу возбуждённому 22.03.2019 следственным отделом по Кировскому району г. Иркутск СУ СК России по Иркутской области, по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, по факту оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей в ходе родоразрешения 22.02.2019 Потерпевшей А. врачами ОГАУЗ «Иркутский городской перинатальный центр» на разрешение экспертной комиссии были поставлены следующие вопросы:

1. Возможен ли был самопроизвольный поворот второго плода Потерпевшей А. из поперечного положения в головное после рождения первого ребенка? Если да, то в течение какого периода времени?

2. Являлось ли единственно правильным на момент поступления пациентки Потерпевшей А. принятие решения о родоразрешения путем операции «кесарева сечения» при условии головного предлежания первого плода, эффективной и результативной родовой деятельности и рождения первого плода из двойни в хорошем состоянии? Если да, то какими нормативными документами, регламентирующими родоразрешение, это предписано?

3. В какой момент родовой деятельности Потерпевшей А. и при каких условиях принятие решения о родоразрешении путем операции кесарева сечения являлось единственно правильным и необходимым?

4. Являлось причинение вреда здоровью новорожденному Я. интранатальным?

5. С какого момента плод, родившимся с признаками жизнедеятельности считается новорожденным человеком?

6. Является ли причинение вреда здоровью плоду интранатально причинением вреда здоровью человеку? [3].

При назначении судебно-медицинской экспертизы по делам о ятрогенных преступлениях особняком стоит вопрос о выборе

экспертов и экспертной организации. Стоит отметить, что при выборе врачей в качестве экспертов особое значение имеет выполнение требований уголовно-процессуального закона, касающихся незаинтересованности, независимости экспертов, так как сложностью при проведении судебно-медицинской экспертизы является «корпоративность в медицинской среде». Профессиональная корпоративность медицинских работников является серьёзным препятствием для следователя в процессе расследования и установления реальных событий преступления. Проведённый опрос показал, что 90% из опрошенных следователей в своей практике сталкивались с данной проблемой.

Не менее важной задачей для следователя, чем назначение экспертизы, является оценка данного экспертами заключения. Изучая судебно-медицинское заключение, следователь должен установить причинно-следственную связь между ошибками врачей и наступившими неблагоприятными последствиями, поскольку для осуществления правильной квалификации действий каждого медицинского работника, необходимо выяснить какие именно действия (бездействие) привели к наступлению неблагоприятных последствий. Однако, в силу специфики медицинской деятельности не всегда удаётся доказать наличие прямой причинно-следственной связи между деяниями и наступившими последствиями. В этой связи, представляется интересным тот факт, что согласно проведённому опросу, в 65% случаев уголовные дела направлялись в суд в порядке ст. 222 УПК РФ при наличии косвенной причинно-следственной связи.

Так, уголовное дело было возбуждено 18.04.2019 следственным отделом по Октябрьскому району г. Иркутск СУ СК России по Иркутской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, по факту причинения смерти по неосторожности Потерпевшей М. вследствие ненадлежащего исполнения врачами ОГАУЗ «Иркутская городская клиническая больница № 1» и ОГАУЗ «Иркутский областной консультативно — диагностический центр» своих должностных обязанностей. В связи с необходимостью установления обстоятельств, имеющих значение для принятия правового решения по уголовному делу, а также причин наступления смерти Потерпевшей М., принимая во внимание, что ее смерть могла наступить от действия (бездействия) медицинских работников следователем было принято решение о назначении и проведении судебно-медицинской экспертизы.

Как было сказано выше, судебно-медицинские экспертизы по делам о ятрогенных преступлениях носят комиссионный характер. В рассматриваемом случае на разрешение экспертов был поставлен вопрос о причинах наступления последствий в виде смерти Потерпевшей М. и находятся ли они в прямой причинной связи с недостатками и ошибками, допущенными в диагностике и лечении медицинскими работниками ОГАУЗ «Иркутская городская клиническая больница № 1» и ОГАУЗ «Иркутский областной консультативно — диагностический центр».

Исходя из заключения комиссионной экспертизы, смерть Потерпевшей М. последовала от заболевания — желчно-каменной болезни и её осложнений (острый геморрагический панкреатит). В ходе производства предварительного следствия было установлено, что администрация ОГАУЗ «Иркутская городская клиническая больница № 1» допустила дефект

в виде необеспечения наличия необходимого, предусмотренного стандартом, лекарственного препарата (октреотид) в аптеке ОГАУЗ «Иркутская городская клиническая больница № 1». Однако, прямая причинно-следственная связь между указанным дефектом организации и наступлением смерти Потерпевшей М. отсутствует. Иными словами, нельзя утверждать, что в случае наличия в ОГАУЗ «Иркутская городская клиническая больница № 1» необходимого препарата (октреотид) вероятность благоприятного исхода у Потерпевшей М. составила бы 100%, поскольку средний показатель смертности от острого геморрагического панкреатита в профильных хирургических центрах даже на фоне полного комплексного лечения достигает 36%, а общий уровень летальности составляет 20–33%. Однако, как указывается в заключении комиссионной экспертизы, допущенный дефект организации оказания медицинской помощи усугубил течение острого панкреатита у Потерпевшей М., так как фактически (по причине отсутствия в распоряжении медицинского персонала необходимого препарата — октреотид) полноценного лечения острого панкреатита у Потерпевшей М. не проводилось. Иными словами, у медицинского персонала хирургического отделения ОГАУЗ «Иркутская городская клиническая больница № 1» (по причине отсутствия в их распоряжении предусмотренных стандартом лекарственных препаратов) отсутствовала возможность проведения исчерпывающих мер по спасению жизни Потерпевшей М., поэтому экспертная комиссия посчитала необходимым вы-

сказаться о наличии косвенной причинно-следственной связи между допущенными дефектами организации медицинской помощи и наступлением смерти Потерпевшей М., так как вероятность благоприятного исхода (в случае исполнения назначений лечащего врача согласно процедурному листу — введение Потерпевшей М. необходимого препарата — октреотид), хоть и в небольшом проценте, но все-таки сохранилась [4].

Таким образом, при расследовании ятрогенных преступлений одним из обязательных следственных действий является производство судебно-медицинской экспертизы. Подготовка к назначению и производству данной экспертизы требует от лица, осуществляющего расследование, высокого уровня профессионализма, поскольку именно заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы является основным источником доказательств по делам, связанным с ненадлежащим выполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. При этом следует учитывать, что итоговые выводы экспертов часто носят не однозначный характер, что выражается в указании на присутствие косвенной причинно-следственной связи между действиями (бездействиями) врача и наступившими неблагоприятными последствиями для пациента. Последнее обстоятельство создает для следователей существенные проблемы в интерпретации и оценке заключения судебно-медицинской экспертизы, побуждая добывать альтернативные средства доказывания вины или невиновности обвиняемого.

Литература:

1. Особенности расследования причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей: методические рекомендации / Л.И. Черкасова; под ред. А. М. Багмета, В. В. Бычкова. — М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. — с. 60.
2. Ерофеев, С. В. Судебно-медицинская экспертиза неблагоприятных исходов при оказании медицинской помощи: специальность 14.00.24: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ерофеев Сергей Владимирович. — Москва, 2000. — 43 с. — Текст: непосредственный.
3. Экспертное заключение № 98 по материалам уголовного дела № 11902250007000011. Первый отдел Следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.
4. Экспертное заключение № 55 по материалам уголовного дела № 11902250004000038. Первый отдел Следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.

Проблемы правового статуса нетипичных субъектов трудового права

Гурская Анна Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Действующее законодательство о труде исторически сложилось таким образом, что в качестве субъектов трудовых правоотношений оно признает следующих лиц:

1. работодатель;
2. работник;
3. объединения работников (профсоюзы и прочие объединения) и работодателей (ассоциации и прочие объединения);

Как правило, правовой статус таких субъектов не содержит в себе каких-либо отклонений от базовых наборов прав и обязанностей в рамках трудовых правоотношений.

Однако, современное законодательство о труде включает в себя правовые нормы, которые регулируют правовой статус так называемых «нетипичных субъектов трудового права», под которыми следует понимать участников трудовых правоот-

ношений, которые не могут быть отнесены к так называемым «традиционным субъектам трудового права».

Анализ положений Трудового кодекса РФ позволяет выделить две группы оснований, при наличии которых субъектов трудовых правоотношений можно признать нетипичными:

1. основания, связанные с условиями труда (работа на условиях неполного рабочего дня, гибкого графика, вахтового метода, срочного трудового договора, сезонные и сменные работы и т.д.);
2. основания, связанные с личностью работника или работодателя (лица, не достигшие возраста 16 лет, агенты, надомники и другие лица, чей правовой статус не позволяет регулировать их труд базовыми нормами Трудового кодекса РФ) [3];

Рассмотрим особенности и некоторые проблемы, которые возникают при регулировании рассматриваемых правоотношений отдельных нетипичных субъектов.

Лица, признанные недееспособными. Правовой статус недееспособных граждан четко оформлен гражданским законодательством. В силу своего состояния, такие лица неспособны самостоятельно осуществлять свои права, соблюдать обязанности и нести ответственность за свои действия. Всё это делает назначаемый судом опекун [5].

Однако, гражданская дееспособность не тождественна трудовой дееспособности. На этой позиции твёрдо стоит современная доктрина трудового права, утверждая, что правосубъектность работника в трудовом праве не разделяет правоспособность и дееспособность, объединяя эти категории в одно целое. Поэтому, и недопустима в таком случае аналогия закона в виде «слепого» переноса на почву трудовых правоотношений нормы гражданского законодательства о статусе недееспособных.

В связи с этим, в отечественном трудовом праве возник гигантский пробел в части регулирования правового положения недееспособных лиц. Возникает в целом удивительная со всех аспектов жизнедеятельности ситуация: отказать лицу, признанному судом недееспособным, в трудоустройстве, по общему правилу, нельзя из-за отсутствия в Трудовом кодексе РФ правовых оснований. Прекратить трудовой договор с лицом, которое было признано недееспособным, также нельзя из-за отсутствия правового основания [4].

Указанная правовая проблема может быть решена лишь путем урегулирования правового статуса недееспособных граждан в трудовых правоотношениях.

Работники в возрасте до 16 лет. Несмотря на то, что регулированию трудовых правоотношений с участием несовершеннолетних работников, в Трудовом кодексе РФ посвящена целая глава, отдельные аспекты их правового статуса по-прежнему остаются неясными. В частности, законодательство о труде до сих пор не определило нижнюю границу, при которой несовершеннолетний вправе заниматься трудовой деятельностью. При установлении в качестве отправной точки 16-летнего возраста как начала осуществления трудовой деятельности, Тру-

довой кодекс РФ указывает на случаи, при которых возможен труд несовершеннолетних в 15 и 14 лет, а также возможность трудоустройства лиц в возрасте младше 14 лет, не закрепляя при этом, нижний порог трудоустройства. Из-за этого вновь складывается ситуация, когда, теоретически, при соблюдении требований к условиям труда и видам осуществляемых работ, привлечь к труду возможно несовершеннолетнего любого возраста [6]. При этом, аналогия с гражданским правом о статусе малолетних и несовершеннолетних невозможна, так как противоречит доктрине трудового права, о чем уже было сказано выше.

Еще одной проблемой правового статуса рассматриваемых нетипичных субъектов трудового права является возможность участия несовершеннолетних работников в возрасте до 14 лет в профсоюзах. Законодательство о профессиональных союзах устанавливает, что правом на вступление в профсоюз обладают работники, достигшие 14-летнего возраста [1]. Это положение ущемляет права работников, не достигших такого возраста, так как теряет возможность получить дополнительную гарантию защиты своих трудовых прав.

Киберспортсмены. Развитие науки и техники привело к тому, что многие отрасли и сферы человеческой жизнедеятельности ушли в виртуальную реальность, и спорт не стал исключением. Проводимые профессиональные соревнования игроков компьютерных игр в масштабах, сравнимых с традиционными спортивными турнирами, привели к объективной необходимости урегулировать эту сферу деятельности с позиции норм трудового законодательства.

Конечно, Трудовой кодекс РФ содержит в себе нормы, регулирующие труд спортсменов, однако, применительно к киберспорту, они имеют регулируют далеко не все аспекты. Возникают сложности уже при заключении трудового контракта между киберспортсменом и киберспортивной организацией. Особенности такого соглашения положения главы 54.1 и остальных норм Трудового кодекса РФ не могут урегулировать из-за неприспособленности норм кодекса к такому виду деятельности. Имеются сложности и с самой деятельностью, так как киберспорт представляет собой дистанционный вид соревнований, что не предусматривается нормами главы 54.1 Трудового кодекса РФ. При этом, дополнительную сложность вносит положение статьи 5 Трудового кодекса РФ, которая, согласно позициям судебной практики, не допускает применение трудового законодательства по аналогии [2].

В заключении следует отметить, что основной проблемой, порождающей прорехи в правовом статусе так называемых «нетипичных субъектов трудового права», является отсутствие правового регулирования статуса отдельных категорий лиц, являющихся субъектами трудовых правоотношений. Своевременное отслеживание и устранение правовых пробелов способно значительно снизить количество подобных правовых коллизий и не допустить в дальнейшем спорных практических ситуаций.

Литература:

1. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон от 12.01.1996 N10-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 15.01.1996. — № 3. — Ст. 148.

2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Орловского областного суда от 23 июня 2015 г. по делу N33-1529/2015 // [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/137127608/> (Дата обращения).
3. Воскресенская Е. В. Проблемы правового статуса отдельных нетипичных субъектов трудового права / Е. В. Воскресенская // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 139–147.
4. Зайцева Л. В. Теория и практика правового регулирования труда недееспособных работников / Л. В. Зайцева, О. А. Курсова // Правоведение. — 2018. — Т62. — № 3. — С. 465–483.
5. Пшеничникова И. В. Проблемы недееспособности в гражданском праве / И. В. Пшеничникова // Science Time. — 2020. — № 2. — С. 10–13.
6. Солопов О. В. Правовой статус несовершеннолетних в системе регулирования трудовых отношений в современной России / О. В. Солопов // Право и политика. — 2020. — № 4. — С. 70–88.

Развитие института медиации в мире

Гюльметова Алина Робертовна, студент;
Джумагишиева Зейнаб Айнедийиновна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Медиация существует так же давно, как существуют споры и конфликты. Раньше для их разрешения прибегали к различным способам — это и переговоры конфликтующих сторон между собой, и привлечение беспристрастного лица, действия которого были направлены на урегулирование споров. С течением времени, безусловно, изменялись принципы и способы процедуры медиации, но неизменными оставались ее цели — найти путь к примирению и достичь соглашения и договоренности при уважении ко всем сторонам.

Медиация в ее современном понимании стала развиваться в странах англо-саксонского права лишь во второй половине 20 века. Впоследствии она постепенно стала распространяться и в Европе. Первые попытки применения медиации касались, как правило, разрешения конфликтов в сфере семейных правоотношений. Однако, признавая со временем эффективность данной процедуры, ее стали использовать при разрешении широкого спектра конфликтов, начиная от споров в местных сообществах и заканчивая сложными конфликтами в коммерческой и публичной сферах. [1]

Процедура медиации представляет собой признанную и востребованную форму внесудебного разрешения споров с помощью третьей, беспристрастной стороны — медиатора, или же, говоря другими словами — посредника. [2] Медиация является наиболее мягкой формой альтернативного разрешения споров, и на сегодняшний день институт медиации создан и активно функционирует в различных странах мира. В их число входят США, Великобритания, Германия, Корея, Австралия, Япония, Китай, Индия и др.

В настоящее время институт медиации приобрел такую востребованность во всем мире, что возникла необходимость обеспечения надлежащего его законодательного регулирования. Комиссией ООН по праву международной торговли в 2002 году был принят «Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре» [3] и охватывал вопросы согласительной процедуры. В 2018 году в него был включен новый

раздел, посвященный международным мировым соглашениям и их приведению в исполнение. Тогда же было и изменено его название на «Типовой закон о международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации». В данном акте рассматриваются важные аспекты процесса медиации: назначение медиаторов, начало и окончание процедуры медиации, ее проведение, связь между медиатором и другими сторонами и др.

Во многих странах Европы урегулирование конфликтов посредством использования посреднических услуг медиаторов, как уже было отмечено выше, является достаточно востребованной формой альтернативного разрешения споров. Создается нормативно-правовая база, регулирующая процедуру медиации, правила подготовки квалифицированных кадров в этой области.

В 2004 году в Австрии был принят первый в Европе закон, закрепляющий медиацию как особый способ урегулирования споров — Федеральный закон о медиации в гражданской сфере и принятый в соответствии с ним Регламент об образовании медиаторов в гражданской сфере. Согласно статье 1 Закона о медиации, медиация — это добровольная деятельность сторон, в которой профессионально обученный медиатор, используя признанные методы на систематической основе, улучшает коммуникацию между сторонами с целью помочь сторонам в самостоятельном принятии ими решения по спору. Медиация, согласно австрийскому законодательству, является полностью добровольной процедурой и не может применяться против воли конфликтующих сторон.

Достаточно популярной является процедура медиации в Великобритании. В Великобритании нет единого законодательного акта, регулирующего процедуру медиации. Институт медиации закрепляется отдельными частями нормативно-правовых актов и совершенствуется посредством судебной практики. Вследствие этого сложно сформировать целостное представление о регулировании медиации в Соединенном Королевстве на законодательном уровне.

В 2004 году Королевская судебная служба открыла Национальную «горячую телефонную линию» по вопросам медиации. В октябре 2011 года она была переименована в «Гражданский каталог медиаторов». В эту телефонную службу можно позвонить с любого уголка страны, охарактеризовать конфликтную ситуацию, высказать свои предпочтения касательно личности предполагаемого медиатора и, соответственно, получить имеющиеся предложения по кандидатурам, подходящим по запрашиваемым требованиям.

Институт медиации как инструмент разрешения споров имеет широкое распространение и в Японии. В настоящее время в Японии действуют три вида медиации:

1. Медиация, проводимая судом (судебное посредничество), которая в свою очередь подразделяется на две группы:
2. посредничество по гражданским делам (включая коммерческие);
3. посредничество по семейным делам.
4. Медиация, проводимая и поддерживаемая государственными организациями, помимо суда (административное посредничество). Широко используется при разрешении и урегулировании потребительских споров трудовых споров.
5. Негосударственная медиация (урегулирование споров, осуществляемое частными сектором).

В Германии, в рамках регулирования процедуры медиации, 21 июля 2012 года на федеральном уровне был принят Закон о необходимости применения медиации и иных внесудебных способов конфликтов. В указанном законе закрепляется понятие медиации — это «конфиденциальная и структурированная процедура, в которой стороны добровольно и на основе собственной ответственности пытаются достичь дружественного урегулирования своего спора при содействии одного или более медиаторов».

В Германии медиация является добровольной процедурой, никакие правовые акты (закон, решение судьи) не могут высту-

пать основанием для ее принудительного проведения. Тем не менее, стоит отметить, что при разрешении семейных споров (развод, вопросы о детях, о разделе имущества и т.д.), суд имеет право направить конфликтующие стороны к медиатору, в целях получения ими информации о возможности применения медиации. Кроме того, Гражданско-процессуальный кодекс Германии предусматривает, что стороны в обязательном порядке должны сообщать, пытались ли они разрешить возникший конфликт посредством применения медиации или иных форм альтернативного разрешения споров.

Можно выделить еще одну особенность проведения процедуры медиации в Германии — если стороны отказываются от возможности урегулирования спора альтернативным способом, они не имеют права обращаться в суд с иском. Однако, несмотря на присутствие данной оговорки, стороны все же имеют право обращаться в суд для принятия срочных обеспечительных мер или по сбору доказательств по делу.

Процедура медиации стремительно набирает обороты и используется во многих странах мира, причинами этому выступает ряд преимуществ медиации. Во-первых, любой судебный спор стоит немалых денег, и урегулирование споров посредством медиативных процедур позволяет сэкономить не только деньги, но и время. Во-вторых, сфера частных интересов лиц, прибегающих к медиации, полностью защищена, так как процесс медиации является полностью конфиденциальным. В-третьих, медиация позволяет легко подстроиться под интересы и потребности конфликтующих сторон, учитываются все эмоциональные и личные аспекты спора. Наконец, в-четвертых, процедура медиации преимущественно имеет своей целью конструктивное разрешение споров, поиск наиболее подходящего и удовлетворяющего интересы спорящих сторон решения, а не на конкуренцию сторон и выяснение того, кто в возникшем споре виноват, а кто прав.

Литература:

1. Нигматулина, Т. А. Политическая медиация: учебное пособие / Т. А. Нигматулина, Л. О. Терновая. — Уфа: Издательство Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. — 370 с. — Текст: непосредственный.
2. Шамликашвили, Ц. А. Явные и незаметные преимущества медиации / Ц. А. Шамликашвили. — Текст: непосредственный // Медиация и право. — 2009. — № 2. — С. 28–32.
3. Типовой закон Комиссии ООН по праву международной торговли о международной коммерческой согласительной процедуре.

Особенности проведения экспертизы денежных знаков и ценных бумаг

Гюльметова Алина Робертовна, студент;
Джумагишиева Зейнаб Айнедийиновна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Бумажные денежные знаки, служащие эквивалентом стоимости различных товаров и услуг, часто подвергаются подделке. В настоящее время проблема фальшивомонетничества

занимает особое место, поскольку затрагивает интересы не только отдельных физических и юридических лиц, но и всего общества. Кроме того, фальсификация бумажных денежных

знаков и ценных бумаг ухудшает стабильность экономической и политической сфер, что обуславливается их взаимосвязью и взаимозависимостью.

Под фальшивомонетничеством следует понимать изготовление, хранение, перевозку с целью сбыта или сбыт поддельных денежных знаков, металлических монет, а также ценных бумаг [1]. По законодательству всех государств подобная деятельность признается преступной; в Российской Федерации ответственность за данное преступление предусматривается статьей 186 УК РФ. [2].

Согласно данным Центрального Банка РФ о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России, в 2020 году было обнаружено 48 293 поддельных денежных знака Банка России, из них купюр номиналом 5000 рублей — 33 707, номиналом 1000 рублей — 7 480 и номиналом 2000 рублей — 1 450 поддельных банкнот. Меньше всего выявлено поддельных банкнот номиналом 10 рублей. При этом было обнаружено 5014 поддельных монет номиналом 10 рублей и 52 поддельные монеты номиналом 5 рублей.

Для расследования уголовных дел, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг, важное значение имеют результаты проведенных экспертиз.

Экспертиза денежных знаков и ценных бумаг может быть, как правило, досудебной (внесудебной) и судебной. Досудебная экспертиза проводится по запросу физических и юридических лиц с последующим составлением заключения специалиста. Судебная экспертиза назначается и проводится на основании определения суда, постановления следователя, дознавателя, с последующим составлением заключения эксперта.

По делам, связанным с изготовлением фальшивых денежных знаков и ценных бумаг, может назначаться трасологическая экспертиза. Ее объектами в данном случае могут выступать следы материалов, устройств, приспособлений, посредством которых были изготовлены поддельные денежные знаки и ценные бумаги.

При расследовании дел, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денежных знаков и ценных бумаг, в целях установления лица, выполнившего рукописный текст или подпись, может назначаться почерковедческая экспертиза. Она проводится в том случае, если у подозреваемого были обнаружены рукописные документы, записки, письма, телеграммы.

Технико-криминалистическое исследование документов — вид криминалистической экспертизы, проводимой в целях установления способа изготовления документа, наличия в нем изменений и способов их внесения, для выявления невидимых записей, идентификации предметов и материалов, использовавшихся для изготовления документа или внесения в него изменений [3]. Технико-криминалистическая экспертиза документов назначается, как правило, при проведении экспертизы денежных знаков и ценных бумаг. Она изучает техническую сторону вопроса и отвечает на вопрос, была ли данная ценная бумага отпечатана ФГУП «Гознак». В основе данной экспертизы лежат такие средства и методы, которые были специально разработаны криминалистикой, а также заимствованные химии, физики, полиграфии, других естественных и технических наук.

Основными целями и задачами экспертизы подлинности денег и ценных бумаг являются:

1. определение подлинности денежных знаков;
2. определение способа изготовления денежных знаков;
3. определение механизма повреждения денежных купюр;
4. определение подлинности ценных бумаг;
5. определение давности изготовления ценных бумаг;
6. определение способа изготовления ценных бумаг;
7. определение механизма повреждения денежных купюр;
8. рецензирование экспертиз денег.

Несмотря на то, что вопросы организации и производства технико-криминалистической экспертизы документов при расследовании фальшивомонетничества имеют достаточно высокую степень теоретической разработанности, в практике имеется ряд неразрешенных проблем. У сотрудников следственных подразделений достаточно часто возникают сложности, связанные с формулировкой вопросов при назначении технико-криминалистических экспертиз по делам об изготовлении, хранении, перевозке с целью сбыта или сбыте поддельных денежных знаков, металлических монет, а также ценных бумаг.

При назначении технико-криминалистической экспертизы поддельных денежных знаков, перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. изготовлен ли денежный знак, представленный на исследование, предприятием «Гознак», занимающимся разработкой и исследованием в области государственных знаков?
2. если нет, то каким способом он изготовлен?
3. какое оборудование, материалы применялись для изготовления денежных знаков?
4. изготовлен ли данный денежный знак с помощью оборудования и принадлежностей, предоставленных на экспертизу?

При назначении технико-криминалистической экспертизы поддельных ценных бумаг, перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. каким способом изготовлены ценные бумаги, представленные на экспертизу?
2. какие материалы были использованы при их изготовлении?
3. какова давность нанесения оттисков?
4. каким способом была изготовлена печать, оттиск которой имеется на ценной бумаге?
5. одной и той же или разными печатями нанесены оттиски на ценных бумагах, представленных на исследование?

Как отмечалось выше, в настоящее время проблема фальшивомонетничества достаточно широко распространена. Фальшивомонетчики активно изготавливают поддельные денежные знаки и ценные бумаги с использованием компьютерной техники. В связи с этим возникла необходимость в проведении компьютерно-технической экспертизы, относящейся к роду инженерно-технической экспертизы. Подобная экспертиза проводится посредством использования самих компьютеров, устройств ввода и хранения информации, знаковосинтезирующих устройств, обеспечивающих вывод и отображение полученной информации на бумажном носителе в виде символов — букв, цифр и т.д.

На данный момент представлен большой выбор технического оборудования, предназначенного для проверки подлинности денежных знаков и ценных бумаг. Классификация данного оборудования может иметь различные основания, например, исходя из физических принципов работы устройства можно выделить приборы оптического диапазона (к приборам оптического диапазона относят различные лупы, микроскопы, ультрафиолетовые и инфракрасные детекторы и т.д.), детекторы наличия магнитного пигмента в краске, детекторы для измерения электропроводности и магнитной проницаемости материалов, а также аудиодетекторы (звукового и ультразвукового диапазонов, применяемые в некоторых сортировщиках денежных знаков).

Исходя из принципа универсальности применения и качества проверки технические устройства можно разделить на 3 категории: автоматизированные (например, счетчики и сортировщики денежных знаков, детекторы в банкнотоприемниках банковских устройств самообслуживания), неавтоматизированные (ручные, просмотровые простые и комбинированные), экспертные и лабораторные комплексы. Кроме того, все выше-названные устройства могут быть портативными, ручными, настольными и напольными.

Наиболее распространенными, универсальными и простыми в использовании считаются оптические лупы. В сравнении с прочими оборудованьями для проверки подлинности они отличаются такими свойствами, как компактность и портативность. Оптические лупы позволяют исследовать объекты малых размеров. Таким образом, посредством луп проверяют такие защитные признаки как микротекст, микроузоры, изображения, образованные мелкими графическими элементами, защитные волокна и бескрасочное теснение. В зависимости от своих характеристик лупы обычно обеспечивают 1,5–25-кратное увеличение.

Для определения подлинности денежных знаков и ценных бумаг судебными экспертами используются специальные приборы, например, такие, как «Ультрамаг-А36» и его модификации. Модификации данного устройства дополнительно имеют: ультрафиолетовую подсветку с длиной волны 254 нм для выявления двухдиапазонной УФ-защиты («Ультрамаг-А36-2»), блок визуализации антистоксовых люминофоров для контроля спецэлемента «И» на российских рублях, специальных и акцизных марках, документах («Ультрамаг-А36И»), ультрафиолетовую подсветку с длинами волн и 254 нм, и 365 нм; контроль спецэлемента «И» («Ультрамаг-А36М»).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова. — Москва: «ИНФРА-М», 2001 г. — 790 с. — Текст: непосредственный.
3. Ищенко, Е. П. Криминалистика: Учебник. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. — 2-е изд. — Москва: Юридическая фирма «КОН-ТРАКТ», ИНФРА-М, 2010. — 781 с. — Текст: непосредственный.
4. Способы выявления денежных купюр с признаками подделки / Ф. Г. Аминев, Р. Р. Гилязов, Л. С. Давлетшина, С. Л. Куприянов. — Уфа: УЮИ МВД РОССИИ, 2009. — 33 с. — Текст: непосредственный.

Широко используется в целях выявления поддельных денежных знаков и ценных бумаг программно-аппаратный телевизионный комплекс «Эксперт-Мега». Данный комплекс позволяет исследовать документы, денежные знаки и ценные бумаги, акцизные и специальные марки. Комплексом решаются задачи обнаружения и визуализации специальных защитных признаков: микропечати; УФ-, ИК- и АС-люминесценции; технологических способов печати; слабоконтрастных следов воздействия и др. Посредством данного комплекса могут быть выявлены и зафиксированы в базе данных различные изменения в документах — подчистки, исправления, дописки и т.д.

Кроме вышеперечисленных средств и методов, в целях выявления поддельных денежных знаков и ценных бумаг используются люминесцентный анализ, спектральный анализ; телевизионные спектральные системы ТСС-3М-1, ТСС-3Ц-1; визуализатор магнитных меток «Маг-2» и другие [4].

Вопрос цены такого оборудования зависит от ряда факторов, например, от универсальности устройства, производительности проверки подлинности денежных знаков и ценных бумаг. Технические устройства могут стоить от нескольких тысяч рублей (лупы, ультрафиолетовые мини-детекторы, приборы с белой подсветкой) до нескольких десятков тысяч долларов или евро. Таким образом, эксперты имеют возможность подобрать подходящий комплект оборудования исходя из поставленных целей и задач, а также предоставленных финансовых средств.

Проблема фальшивомонетничества имеет множество негативных последствий. Растет социальная напряженность, подрывается авторитет государственной власти, неконтролируемо увеличивается наличная денежная масса, и, как следствие, происходит обесценивание денег и инфляция, обогащение криминальных элементов и рост преступности в других сферах (торговля оружием, наркоторговля и т.д.). В настоящее время имеется ряд проблем, связанных, например, с подготовкой высококвалифицированных кадров для проведения вышеуказанных экспертиз, со сложностями постановки вопросов при назначении экспертиз по делам о фальшивомонетничестве и выявления поддельных денежных знаков и ценных бумаг. Усовершенствование и создание новых образцов технических устройств для обнаружения фальшивых купюр позволило бы обеспечить качественную работу экспертов-криминалистов в области технико-криминалистической экспертизы денежных знаков и ценных бумаг.

Проблемы криминалистической одорологии

Гюльметова Алина Робертовна, студент;
Джумагишиева Зейнаб Айнедийиновна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В целях достижения успешного и правильного расследования уголовного дела правоохранительным органам необходимо использовать «нетрадиционные» методы получения доказательственной информации по делу, к которым относится и одорологический метод, поскольку нынешним преступникам в достаточной степени известны приемы и методы работы правоохранительных органов.

Криминалистическая одорология представляет собой один из разделов криминалистики, в рамках которого разрабатываются способы обнаружения, изъятия и исследования запаховых следов, научными основами которого выступают современные достижения науки о запахах. Ее основное значение состоит в возможности идентификации преступника, оставившего данные следы на месте совершения преступления. Они служат важным источником информации о личности, их можно определить как «пахнущие летучие выделения, содержащиеся в поте и крови человека, стабильно продуцируемые организмом и отражающие его уникальные особенности» [6]. Практическое применение одорологического метода указывает на то, что человеку свойственен индивидуальный запах, определенный на генетическом уровне. В свою очередь, в результате производства криминалистической одорологической экспертизы реализуется возможность установления субъекта совершения преступления по оставленным им на месте преступления следам биологического происхождения.

В данный момент существует комплекс проблем, связанных с криминалистической одорологией.

Во-первых, дискуссионным является вопрос об одорологическом исследовании как части криминалистической экспертизы. Позиция некоторых ученых такова, что они рассматривают одорологическое исследование в качестве самостоятельного следственного действия или мероприятия под названием «оперативно-следственная выборка».

Во-вторых, сложность состоит в отсутствии определенного перечня необходимых действий в процессе исследования, что свидетельствует о недостаточно полной разработанности методики одорологического исследования. Регламентированы лишь необходимость вынесения постановления о назначении одорологической экспертизы и заключение эксперта.

В-третьих, обсуждается проблема сбора одорологических следов в ходе следственного осмотра. Она связана с совершением следователем дополнительных действий при изъятии следов, что усложняет следственный осмотр, поэтому возможность изъятия следов запахов часто исключается практичными работниками, аргументирующими это затратой большого количества времени и сил, в связи с чем собирание «традиционных» следов преступления значительно упрощает данный процесс. В данном случае помимо специалиста-криминалиста в оперативно-следственной группе не обойтись

без специалиста со знаниями в области собирания запаховых следов. Такое решение в разы облегчило бы работу следователя и ликвидировало вероятные ошибки в их обнаружении, фиксации и изъятии.

В-четвертых, мнения ученых насчет использования результатов одорологической экспертизы в качестве доказательств подразделяются на две позиции. Одни считают результаты одорологической экспертизы и одорологической выборки достоверными, другие же отрицают их достоверность, ссылаясь на сомнительность результатов одорологического исследования при помощи собак, так как не исключена возможность подделки кинолога.

Таким образом, только при разрешении ряда данных проблем становится возможным полноценное использование запаховых следов в уголовном судопроизводстве. Пути их разрешения могут стать: официальное закрепление криминалистической одорологии в практике; детальная регламентация методики одорологического исследования; наличие специалиста, обладающего знаниями в области собирания запаховых следов, в оперативно-следственной группе; использование результатов одорологических экспертиз как полноценных доказательств по уголовному делу [6].

На сегодняшний день проблема одорологического метода имеет четыре аспекта: естественно-научный и технический, процессуальный, этический и тактический.

Первый аспект основан на утверждениях противников одорологического метода, основанных на отсутствии общепринятой теории запаха о его индивидуальности и относительной неизменяемости. Однако криминалистическая практика подтверждает то, что запах человека не обделен данными свойствами. Мы согласны с мнением А. И. Винберга, включавшего в сложный комплекс запахов:

1) местные запахи — запахи единичных участков тела, обладающие определенными обонятельными признаками, в частности: область кожи, на которой отсутствуют волосы (подошвы ног, ладони рук), участки кожи со слабым волосным покровом (подмышечная и лобковая области), кожа с хорошо развитым волосным покровом (голова);

2) индивидуальный запах — запах, объединяющий в себе все местные запахи;

3) общий запах — тот, который содержит профессиональный запах и второстепенные запахи (мыла, зубной пасты, духов, табака и т.д.) [1].

Следовательно, общую картину запахового следа человека составляют его персональный запах, бытовые, производственные и прочие запахи. Сложный состав данного следа обеспечивает его индивидуальность [2].

В техническом аспекте в настоящий период задача является уже разрешенной. Успешно используемые средства и приемы

отбора и хранения запаховых проб обеспечивают их неизменчивость, а также возможность их сопоставления с объектами, появляющимися в поле зрения следователя или оперативного работника.

С точки зрения процессуального аспекта В.И. Шиканов и Н.Н. Тарнаев считают, что не служат доказательством результаты использования служебно-розыскной собаки, «поскольку в исчерпывающем перечне источников судебных доказательств закон собаку-ищейку не упоминает». А.И. Винберг, и В.Д. Арсеньев совместно с другими сторонниками одорологического метода в доказывании не раз отмечали, что не стоит отделять данный метод, подлежащий оценке наряду с другими доказательствами. Следовательно, только суду принадлежит право решения вопроса о доказательствах, которые дает криминалистическая одорология, и их оценка по сравнению с другими имеющимися по делу доказательствами [4].

Предметом возражений противников применения одорологического метода в доказывании наряду с возражениями процессуального характера является этический порядок. Главным из них предстает унижение достоинства людей, подвергаемых выборке, как подозреваемого, так и не причастных к делу людей. Определение этичности метода имеет двойственное значение: ничуть не «ущемляется» нравственный характер метода при его применении в процессе оперативно-розыскной деятельности. Если та же выборка производится при доказывании, то «здесь все недопустимо, нетерпимо и оскорбительно». Касательно этого В.И. Шиканов пишет: «выборка живых лиц по запаху с помощью собаки недопустима, ибо низводит человека до положения бесправного объекта исследования и связана с унижением его достоинства» [5]. Однако сомнения в нравственности выборки сейчас потеряли всякий смысл в связи с тем, что она осуществляется по стандартным запахоносителям без участия подозреваемого или обвиняемого, так что они могут наблюдать за действиями собак, не подвергаясь никаким унижениям.

Литература:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. — 3-е изд, дополненное. — М., ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. — 837с.
2. Винберг А.И. Научные и правовые основания криминалистической одорологии / А.И. Винберг // Труды ВНИИСЭ. — 1973. — №5. — С. 194–217.
3. Винберг А.И. К вопросу об органолептико-odoroлогической судебной экспертизе/Актуальные вопросы теории судебной экспертизы. — М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1976. Тр. ВНИИСЭ №21. — С. 54–81
4. Винберг А.И. Криминалистическая одорология / А.И. Винберг // Криминалистика на службе следствия. — Вильнюс. — 1967.
5. Шиканов В. И. К вопросу о сущности одорологического эксперимента и его месте в системе криминалистических методов // Вопросы борьбы с преступностью: Труды Иркутского госуниверситета. 1970. Вып. 95. — 147 с.
6. Алмаганбетов, П. А. Проблемы криминалистической одорологии / П. А. Алмаганбетов, К. Б. Брушковский. — Текст: непосредственный // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. — 2020. — № 1 (59). — С. 196–202.

Р.С. Белкиным представлены следующие тактические приемы проведения одорологической выборки:

1. Для использования собак при выборке необходимо их специально дрессировать;
2. Использовать на практике единообразные предметы-запахоносители;
3. Уменьшить посредничество кинолога при выборке, а именно: дача собаке проверяемого объекта-запахоносителя, подача команд на выборку и возврат в исходное положение;
4. Устранить влияние посторонних раздражителей на собаку во время выборки, в том числе организовать наблюдение за ходом выборки без воздействия на поведение собаки [3].

Ведомственные правовые акты работы одорологической лаборатории регламентируют проведение выборки. В том случае, если имеет место ее проведение в процессе доказывания, то представляется необходимым присутствие незаинтересованных наблюдателей, которые по своей сути осуществляют функции понятых, а также если есть такая возможность — и лица, реализующего досудебное расследование. В итоге в справке, оформляемой по результатам выборки, должно содержаться детальное описание результатов, условий и процесса выборки.

Проблема применения одорологического метода в доказывании до сих пор подлежит обсуждению. Конечно же, в случае разрешения этого вопроса посредством инструментальных методов споры о допустимости одорологической экспертизы утихли бы. Однако представляется, что в ожидании такого решения можно использовать уже существующие наработки в области эффективного применения апробированных форм использования одорологии.

Таким образом, одорологический метод в процессе расследования и раскрытия преступлений нуждается в четко определенном статусе, а также нормативно-правовом регулировании доказательственного значения результатов применения данного метода и создании более детальной регламентации методики одорологического исследования.

Ответственность международных организаций в современном международном публичном праве

Дзиконская Александра Максимовна, студент
Научный руководитель: Абдрашитов Вагип Мнирович, доктор юридических наук, профессор
Волгоградский государственный университет

Международные организации также, как и государства в полном объёме обладают правосубъектностью, а по численности международных организаций становится намного больше, чем государств. Именно поэтому нормальное функционирование такого количества субъектов должно закрепляться в соответствующем виде. В данной статье рассматривается одна из самых сложных и спорных отраслей современного международного права — международно-правовая ответственность, её специфические черты, основания, виды, а также вопрос о самостоятельности международных организаций самостоятельно отвечать за свои действия.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность, правонарушение, убытки, нормы, кодификация.

Responsibility of international organizations in modern international public law

Dzikonskaya Aleksandra Maksimovna, student
Scientific adviser: Abdrashitov Vagip Mnirovich, doctor of legal sciences, professor
Volgograd State University

International organizations, as well as States, have full legal personality, and the number of international organizations has become more than States. That is why the normal functioning of such a number of subjects should be fixed in the appropriate form. This article examines one of the most complex and controversial branches of modern international law — international legal responsibility, its foundations, as well as forms of implementation.

Keywords: international legal liability, offense, damages, norms, codification.

Международные организации представляют собой объединения межгосударственного или негосударственного характера, которые создаются на основе соглашений для достижения определённых целей в различных сферах жизнедеятельности государств. Образования такого рода превышают численность существующих государств (больше семидесяти тысяч международных организаций, учитывая консорциумы, альянсы, ассоциации, комитеты, советы и т.д.) [7], и в связи с этим, необходимо регулирование отношений между организациями, которое выражается в форме несения ответственности за свои противоправные действия.

Ответственность представляет собой необходимое юридическое средство, с помощью которого обеспечивается соблюдение норм международного права, а также восстановление нарушенных прав и отношений. Она является особым инструментом регулирования межгосударственных отношений и гарантией функционирования норм международного права. [5] Долгое время в международном праве ответственность за совершение противоправных действий признавалась исключительно за государствами и только после Второй мировой войны международное сообщество стало признавать международную правосубъектность международных организаций. Это привело к тому, что ученые международного права стали обсуждать вопрос об ответственности международных организаций как субъекта международного права.

Ответственность международных организаций основана на их правосубъектности и именно способность организаций нести ответственность за свои действия является одним из основных признаков субъекта международного права. Данная

проблема рассматривалась многими отечественными, а также зарубежными авторами такими как Б. Ш. Белаловой, В. Ю. Замятиним, И. С. Марусиним и другими. Дискуссия о проблеме ответственности международных организаций возникает из-за недостаточности доктринальной разработки. [1]

Об ответственности международных организаций сказано во многих международных договорах и конвенциях (Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., Конвенции по морскому праву 1982 г. и т. д.). Она является результатом возникновения у международных организаций прав и обязанностей, регулируемых нормами международного права, а также выступает в качестве гарантии наличия у них правосубъектности. Международные организации, являясь самостоятельным субъектом международного права, обязаны нести международно-правовую ответственность за свои неправомерные действия или бездействие, а также за причинённый вред иным субъектам международного права.

В современном международном праве решение проблемы международно-правовой ответственности организаций является одной из задач Комиссии международного права ООН. Итоговые положения решения данной проблемы были сформулированы в Проекте статей об ответственности международных организаций. В нём были выделены следующие специфические черты международно-правовой ответственности:

1) Международная организация полностью отвечает за действия своих органов и агентов (ст. 4). Так, в целях поддержания мира при проведении какой-либо операции на территории определённого государства ООН заключал соглашение

с данным государством о возмещении ущерба, причинённого государству в процессе проведения операции. Например, в 1957–1965 гг. ООН заключила соглашения с Бельгией, Грецией, Италией, Люксембургом и Швейцарией о возмещении ущерба, причиненного гражданам этих стран и имуществу этих граждан вследствие операций Вооруженных Сил ООН в Конго;

2) Международная организация, в случае принятия ею решения, которое обязывает её участников совершить противоправное действие согласно нормам международного права, несёт полную ответственность (ст. 15);

3) Международная организация в целях избежания ответственности не имеет право ссылаться на свои внутренние правила, используя их в качестве оправдания (ст. 35);

4) Ответственность государства в связи с действиями организации может возникать в следующих случаях: организации оказания помощи или содействия (ст. 25 Проекта), осуществления руководства или контроля в отношении организации (ст. 27 Проекта), обхода международно-правового обязательства при наделении организации компетенцией (ст. 28 Проекта), согласия нести ответственность или дачи повода потерпевшей стороне полагаться на его ответственность (ст. 29 Проекта).

5) Участники международной организации на основании правил данной организации обязаны предпринимать определённые меры для нормального функционирования международной организации (ст. 43). [3]

Вопрос о том, могут ли международные организации самостоятельно нести международно-правовую ответственность за свои противоправные действия или бездействие, до сих пор остаётся спорным в науке международного права. Данная проблема рассматривалась многими авторами такими как Д. Б. Левин, Г. И. Тункин, Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов и другие. Одной из версий по данному вопросу является то, что международные организации не способны самостоятельно отвечать за свои действия, так как их деятельность обеспечивается за счёт средств её участников. Данной версии в большей степени придерживаются советские и российские учёные, например, Н. А. Ушаков. Западные учёные, анализируя данный вопрос, сходятся во мнении, что международные организации, несмотря на то что их функционирование обеспечивается за счёт государств-членов той или иной организации, всё-таки могут самостоятельно нести ответственность, так как они самостоятельно принимают решения в рамках своей компетенции. [4]

В современном международном праве существует два вида международно-правовой ответственности организаций: материальная и нематериальная (политическая) [2] При материальной ответственности необходимо учитывать, что бюджет организаций складывается из средств тех государств, которые входят в её состав, а также тот факт, что ответственность госу-

дарств и организаций в последнее время совмещается в единое целое. Данный факт объясняется следующим: 1) Организации и государства устанавливают между собой такие отношения, при которых они несут ответственность за друг друга; 2) Сама организация устанавливает несение ответственности определённым государством. Так, например, военная операция НАТО, которая была направлена против Югославии в 1999 году, была совершена с помощью применения вооружённой силы, что признаётся в качестве международного преступления. За нарушения такого характера НАТО, а также все государства, входившие в её состав, понесли материальную и политическую ответственность. Проанализировав данную ситуацию, можно сказать, что пострадавшая сторона в конфликте имеет право потребовать возмещения причинённого ей ущерба от того, кто нарушил её права.

При нематериальной (политической) ответственности по отношению к международной организации могут применяться меры различного рода. В качестве одной из мер политической ответственности выступает приостановление прав и привилегий (лишение права голоса, исключение из организации и т.д.). В качестве примера данного вида ответственности можно привести ситуацию, произошедшую между СССР и Финляндией. СССР, несмотря на существование договора с Финляндией о ненападении с обеих сторон, нарушило данное соглашение и, в связи с этим СССР исключили из Лиги Наций в 1940 году. [6]

Международно-правовая ответственность организаций также бывает договорная (совершается вследствие заключения международного договора), внедоговорная (совершается в соответствии с нормами права тех государств, на территории которых осуществляется их деятельность) и ответственность сотрудников организации за нарушение внутренних правил организации, возникающая по различным причинам, например, вследствие несчастного случая.

В качестве субъектов международно-правовой ответственности можно выделить государства, государственно-подобные образования, а также нации и народы, борющиеся за независимость, и международные организации — все они являются субъектам международного публичного права. Но всё-таки главным субъектом считается то или иное государство. [9]

Таким образом, ответственность международной организации возникает при наличии факта нарушения ее органами и должностными лицами как уставных положений организации, так и общих норм международного права. В некоторых случаях государства — члены международной организации несут (должны нести) солидарную ответственность вместе с организацией. Так, международная организация, осуществляющая запуск объектов в космос, несет ответственность вместе с участвующими в организации государствами за любой ущерб, причиненный такими объектами. [8]

Литература:

1. Сазонова, К. Л. Основные аспекты международно-правовой ответственности международных организаций / К. Л. Сазонова // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. — 2012. — № 3. — С. 124

2. Ключня, А. Ю., А. М. Солнцев Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2013. — № 2. — С. 130.
3. Проект статей об ответственности международных организаций // URL: <https://www.un.org> — Дата обращения: 06.12.2021
4. Сафаргалина Р. Р. Некоторые вопросы о видах и формах международно-правовой ответственности государств // Молодой ученый. — 2017. — № 1 (135). — С. 352.
5. Международное право. Учебник для вузов. Ответственные редакторы — проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. — М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА • М, 1999. — 85 с.
6. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Международное право: учебник / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. — М.: Высшее образование, Юрайт-Издат. — 518 с.. 2009
7. The Union of International Associations // URL: <http://www.uia.org>.
8. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 ноября 1971 года
9. Абдрашитов В. М., Рыжкова М. С. Актуальные вопросы международно-правовой ответственности // Сборник статей Международной научно-практической конференции. — Самара: РИО МЦИИ «ОМЕГА САЙНС», 2015. — С. 173.

Гражданско-правовые отношения образовательных организаций

Дубровина Наталья Сергеевна, студент магистратуры
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

В статье рассмотрены гражданско-правовые отношения, возникающие у образовательной организации.

Ключевые слова: образовательная организация, гражданско-правовые отношения, ответственность.

Гражданское право регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения (авторские права, защита чести, достоинства). Гражданско-правовые отношения характеризуются равенством прав их субъектов и независимостью друг от друга.

Согласно статье 2 ФЗ «Об образовании в РФ» образовательной организацией признается некоммерческая организация, которая осуществляет на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана [2].

Образовательная организация, как юридическое лицо имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности (ст. 48 Гражданского кодекса РФ) [1].

В статьях 21–23, 25–28, 54, 102 ФЗ «Об образовании в РФ» содержатся нормы, которые регулируют специфику гражданско-правовых отношений в сфере образования. Среди них, нормы, регулирующие: учредителей образовательных организаций; правовой статус образовательных организаций как юридических лиц; устав образовательных организаций; создание, реорганизацию и ликвидацию образовательных организаций; отношения собственности; платной образовательной и иной предпринимательской деятельности образовательных организаций; гражданско-правовой ответственности образовательных организаций.

Образовательные организации создаются в разных организационно-правовых формах. В зависимости от того, кто выступает учредителем, образовательные организации являются государственными, муниципальными или частными. Государ-

ственной образовательной организацией является образовательная организация, созданная Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации. Муниципальной образовательной организацией является образовательная организация, созданная муниципальным образованием (муниципальным районом, муниципальным округом или городским округом). Частной образовательной организацией является образовательная организация, созданная в соответствии с законодательством Российской Федерации физическим лицом или физическими лицами и (или) юридическим лицом, юридическими лицами или их объединениями, за исключением иностранных религиозных организаций.

Образовательные организации по своему правовому статусу в качестве юридических лиц гражданским законодательством признаются некоммерческими организациями.

Образовательная организация создается в форме учреждений, к которым относятся государственные учреждения (в том числе государственные академии наук), муниципальные учреждения и частные (в том числе общественные) учреждения в соответствии с гражданским законодательством.

Решение о создании некоммерческой организации в результате ее учреждения принимается ее учредителями (учредителем). В отношении бюджетного или казенного учреждения такое решение принимается в порядке, установленном: Правительством Российской Федерации — для федеральных бюджетных или казенных учреждений; органом публичной власти федеральной территории — для бюджетных или казенных учреждений, подведомственных органам публичной власти федеральной территории; высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации — для бюджетных или казенных учреждений субъектов Российской Федерации.

Федерации; местной администрацией муниципального образования — для муниципальных бюджетных или казенных учреждений.

Юридическое лицо ликвидируется по решению его учредителей, а также в связи с истечением срока, на который создано это юридическое лицо.

Некоммерческие организации могут быть ликвидированы решением суда в случае иска государственного органа или органа местного самоуправления, в случае осуществления юридическим лицом деятельности без надлежащего разрешения (лицензии); иска учредителя (участника) юридического лица в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создано.

В собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать гражданам или юридическим лицам (статья 213 Гражданского кодекса РФ). Количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются, за исключением случаев, когда такие ограничения установлены законом.

Согласно статье 102 ФЗ «Об образовании в РФ», образовательные организации должны иметь в собственности или на ином законном основании имущество, необходимое для осуществления образовательной деятельности, а также иной предусмотренной уставами образовательных организаций деятельности. Государственные и муниципальные образовательные организации, закрепленные за ними на праве оперативного управления или находящиеся в их самостоятельном распоряжении объекты (здания, строения, сооружения) учебной, производственной, социальной инфраструктуры/

Организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе осуществлять указанную деятельность за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам

об оказании платных образовательных услуг. Платные образовательные услуги представляют собой осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг. Доход от оказания платных образовательных услуг используется указанными организациями в соответствии с уставными целями. При этом, платные образовательные услуги не могут быть оказаны вместо образовательной деятельности, финансовое обеспечение которой осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов.

Организации, осуществляющие образовательную деятельность за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, вправе осуществлять за счет средств физических и (или) юридических лиц образовательную деятельность, не предусмотренную установленным государственным или муниципальным заданием либо соглашением о предоставлении субсидии на возмещение затрат, на одинаковых при оказании одних и тех же услуг условиях.

В ч. 7 ст. 28 Федерального закона «Об образовании в РФ» установлена ответственность образовательной организации. Согласно положениям данной статьи, образовательная организация несет ответственность за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом, качество образования своих выпускников, за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, за жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной организации.

Таким образом, в процессе деятельности образовательные организации выступают в качестве участников общественных отношений, регулируемых гражданским правом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

Переговоры как форма судебной защиты

Дюжев Ярослав Юрьевич, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Ключевые слова: примирительные процедуры, альтернативные способы разрешения конфликтов, переговоры, новеллы арбитража.

Конституция Российской Федерации, закрепившая права и свободы граждан, определила и свободу экономической деятельности, а также способы их защиты. Защита нарушенных прав и законных интересов может быть осуществлена как в судебном порядке, так и с применением альтернативных, внесу-

дебных процедур. Альтернативные, их еще именуют «примирительные», процедуры являются неплохой альтернативой процессуальному судебному урегулированию экономических споров. При этом «примирительные» процедуры имеют ряд преимуществ, таких как, быстрота проведения и дешевизна,

которая позволяет избежать судебных расходов, обычных при государственном судебном разбирательстве экономического спора.

Проведение переговоров является новеллой примирительных процедур, установленной поправками АПК России в 2019 году, когда в нем появилась статья 138.3, предусматривающая проведение переговоров, в качестве примирительной процедуры в арбитражном процессе [2].

Регламент проведения переговоров законодательно не определен. Не разъяснен этот вопрос и Верховным Судом Российской Федерации. Представляется обоснованным предположение о том, что о проведении переговоров должно быть заключено дополнительное соглашение между сторонами правового конфликта. В этом соглашении должны быть прописаны подробности проведения таких переговоров, то есть, указано, как они иницируются, где проходят, состав их участников, правила ведения их протокола и т.д. Без такой регламентации проведение переговоров будет контрпродуктивным.

Переговоры — это вид примирительной процедуры, с помощью которой стороны конфликта урегулируют возникшие разногласия непосредственно или при содействии своих доверенных лиц, то есть самостоятельно. Третья сторона, как скажем, медиатор, при проведении процедуры медиации, при этом к проведению переговоров не привлекается. Таким образом, переговоры становятся одним из наиболее простых и распространенных, эффективных и, самое главное, доступным средством урегулирования экономических конфликтов. На их проведение сторонам не требуется какого-либо официального разрешения, и они не представляют никакого риска финансовых потерь сторон. Переговоры направлены на конструктивное обсуждения предмета переговоров — экономического спора.

Несмотря на то, что выше мы отмечали отсутствие нормативного регулирования процедуры проведения переговоров, все-таки некая регламентация их проведения присутствует.

Поскольку переговоры в экономической сфере, в предпринимательстве практикуются довольно часто, а также нередко упоминаются в пунктах договоров в экономической сфере в разделе «Урегулирование разногласий», то, в настоящее время, их уже можно рассматривать как некий акт реализации общегражданских принципов добросовестности, свободы договора. Переговоры даже можно считать сложившимся обычаем.

В связи с этим можно выделить несколько этапов проведения переговоров.

На первом этапе, одна из сторон направляет другой стороне предложение о проведении переговоров. Предложение может быть сделано как письменно (эпистолярно или с использованием электронных средств связи), так и в устной форме (лично или по телефону (видеосвязи)). Если другая сторона выражает свое согласие оперативно разрешить конкретную проблему, сложившегося экономического конфликта, то назначается время и место проведения переговоров, а также их формат проведения (лично или дистанционно, количество участников, наличие представителей у сторон, участие представителей по доверенности и т.д.).

Следующим этапом являются сами переговоры, согласно предварительной договоренности о формате их проведения. В ходе проведения переговоров, стороны осуществляют обмен мнениями о вариантах разрешения экономического конфликта. В результате обмена мнениями, обмена предложениями и вариантами разрешения экономического спора, стороны осуществляют выбор наиболее взаимоприемлемого варианта разрешения экономического конфликта.

Даже если переговоры прошли без достижения взаимоприемлемого решения экономического конфликта, такое окончание переговоров не исключают внесудебного урегулирования конфликта в дальнейшем, поскольку проведение переговоров, уже само по себе является свидетельством о желании сторон мирно разрешить сложившийся конфликт, и они готовы к дальнейшим внесудебным процедурам, например, третейскому разбирательству, медиации или судебному посредничеству.

К переговорам стороны прибегают по собственной воле, добровольно, в ситуации, когда отсутствуют обязывающие к переговорам условия заключенных договоров или требования закона.

Переговоры являются доступным механизмом улаживания правовых экономических конфликтов, безусловно, снижают уровень конфликта и напряженности в деловых отношениях, что способствует повышению планки правосознания в обществе. Лица, применяющие на практике этот вид примирительных процедур, отмечают, как положительный фактор, их лаконичность и простоту применения. Это наименее временно и финансовозатратный примирительный механизм.

Это же и отмечается в правовой периодической литературе, посвященной данному вопросу [1].

Общим выводом нашей статьи является, то, что арбитражные процедуры в российском арбитражном процессе сводятся, во-первых, к судебному рассмотрению споров и, во-вторых, к применению примирительных процедур, которые установлены законодательно. При этом, конкретный перечень примирительных процедур постоянно обновляется, а сами процедуры совершенствуются с учетом достижений российской и зарубежной процессуальной науки.

Процедура судебного разбирательства правового конфликта наименее приспособлена для достижения равновесия в правовом конфликте, поскольку она построена на принципе состязательности спорящих сторон, с представлением доказательств, обосновывающих их позицию в споре и судебный акт, который является итогом судебного разбирательства, безусловно, обязателен для сторон правового конфликта, не в силу их внутреннего убеждения, а в силу судебной власти, основанной на механизме государственного принуждения.

Важной задачей будущих научных исследований и законодательных изменений в действующем арбитражном процессуальном и гражданском процессуальном законодательстве, является выявление возможности применения в арбитражных и гражданско-процессуальных процедурах, как способе достижения равновесия, переговорной задачи с использованием моделей переговоров и нахождения оптимальных стратегий переговорного поведения в арбитражных процедурах и гражданском процессе России.

Литература:

1. Морозова Р.И. Переговоры как процедура примирения в арбитражном процессе // International Journal of Humanities and national Science, Vol 12–4 (51), 2020. С. 11–14.
2. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.07.2019. № 30. ст. 4099.

Проблемы правового регулирования объектов незавершенного строительства

Евтеев Дмитрий Алексеевич, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

Автор статьи проводит обзорный анализ действующего законодательства по вопросу правового режима объектов незавершенного строительства в Российской Федерации, а также имеющихся проблем в данной области.

Ключевые слова: *недвижимость, объект незавершенного строительства.*

Актуальность исследования правового режима незавершенного строительства проявляется в том, что гражданское законодательство достаточно емко регулирует общественные отношения в сфере недвижимости. Вместе с тем, объектам незавершенного строительства в законодательстве уделено не так много места. Так, зачастую, для наиболее полного понимания правового регулирования объектов незавершенного строительства, требуется анализ судебной практики, а не правовых основ данного вопроса. Это свидетельствует о применении судебного нормотворчества как способа регулирования общественных отношений. Судебное нормотворчество представляет собой образование судебной нормы в результате судебной деятельности высших судов.

Э.Ц. Батуева и Т.Ф. Даржаева утверждают, что «на сегодня согласно п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №190-ФЗ наряду со зданиями, строениями, сооружениями к объектам капитального строительства отнесены объекты, строительство которых не завершено (объекты незавершенного строительства), за исключением временных построек. При этом речь идет о таком качестве объектов, как капитальность, что может выступать в качестве отдельного признака объекта незавершенного строительства, указывая на его свойства как физическую соединенность и связь с определенным земельным участком, составляющим привычную среду использования, изъятие из которой влечет за собой несоизмеримый ущерб назначению имущества, то есть постоянство и фиксация на местности. В таком случае можно было бы исключить признание в качестве объектов незавершенного строительства начального цикла строительства — возведенного фундамента, вбитых свай, котлована и т.д. Право использования объекта капитального строительства установлено ст. 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации — с момента ввода объекта в эксплуатацию. Тем самым с точки зрения градостроительного законодательства объект капитального строительства является объектом незавершенного строительства до момента выдачи разрешения на ввод объекта в эксплуатацию» [1].

Как утверждает В.А. Алексеев, что «какое-либо содержательное определение объекта незавершенного строительства (далее — ОНС) в законодательных и нормативных актах России отсутствует. К содержательным определениям вряд ли можно отнести норму п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГСК РФ), в которой говорится, что ОНС — это объект капитального строительства, строительство которого не завершено. Вместе с тем в ст. 130 ГК РФ ОНС, наряду со зданием и сооружением, отнесен к недвижимым вещам по признаку прочной связи с землей. Изучение литературы, посвященной проблемам определения правового понятия ОНС, показало, что большое количество исследований данного вопроса, к сожалению, не выразилось в качественном результате. Между тем при отсутствии законодательных определений ОНС на первый план выходит именно доктринальное их формулирование, которое характеризуется таким многообразием позиций, что вряд ли может сослужить добрую службу практикующему юристу» [2].

Как справедливо утверждает З.К. Кондратенко, что «законодательство о градостроительной деятельности относит к объектам капитального строительства наравне со зданиями и сооружениями объекты незавершенного строительства, не относящиеся к временным постройкам, киоскам, навесам и другим подобным постройкам. Кроме того, с точки зрения градостроительного законодательства объектами незавершенного строительства являются объекты, строительство которых не завершено. В свою очередь, согласно п. 13 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ, строительством является создание зданий, строений, сооружений (в том числе на месте сносимых объектов капитального строительства). Таким образом, с точки зрения законодательства о градостроительной деятельности объектами незавершенного строительства являются объекты капитального строительства, представляющие собой результат незавершенного процесса по созданию здания, строения, сооружения. Строящийся объект может быть признан недвижимостью, если по крайней мере полностью сооружен фундамент или завершены аналогичные работы. При этом замощение земельного участка,

не отвечающее признакам сооружения, является частью участка и не признается самостоятельной недвижимостью» [3].

Как утверждает Л. Б. Ситдиковым «инвестиционные договоры в строительстве требуют особого внимания к процедурам исполнения договорных обязательств в силу ряда причин, а именно, как правило, многосубъектного состава, комплексного характера (в предмет договора может входить и условие о возведении здания, и условие об инфраструктуре), непредсказуемого по ряду причин периода исполнения, а также в ряде случаев включения в перечень субъектов публично-правовых образований. Проблемы исполнения обязательств по инвестиционным договорам в строительной деятельности могут быть сгруппированы следующим образом. В первую группу предлагается включить те из них, которые связаны с общими экономическими или законодательными реалиями: экономической стратегией, избранной инвестором, подрядчиком или другими участниками строительства, изменениями действующего законодательства, роли публично-правовых образований в сфере строительства. Во вторую группу — обстоятельства, связанные

с юридическим содержанием инвестиционного проекта, добросовестностью исполнения обязательств, принятых на себя его сторонами, соблюдением установленных сроков строительства, незавершенным строительством. Следует отметить, что конкретный вид договора о возведении (реконструкции) здания, квалификация этого договора и количество участвующих в нем сторон не в большой степени определяют проблемы исполнения договорных обязательств. В связи с этим судебная практика, изученная в рамках настоящей статьи, касается как договоров об участии в долевом строительстве, так и инвестиционных договоров, в том числе с участием публично-правовых образований» [4].

Таким образом, правовое регулирование объектов незавершенного строительства призвано обеспечить сделкоспособность объекты недвижимого имущества, достроить которые не удалось. На наш взгляд, основные проблемы правового регулирования объектов незавершенного строительства находятся в тесной взаимосвязи с недостатками правового регулирования смежных правоотношений.

Литература:

1. Батуева Э. Ц., Даржаева Т. Ф. Исторический процесс становления объектов незавершенного строительства в качестве объектов недвижимого имущества // Государственная власть и местное самоуправление. — 2018. — № 11. — С. 57–61.
2. Алексеев В. А. Определение объекта незавершенного строительства как недвижимой вещи // Гражданское право. — 2018. — № 3. — С. 25–28.
3. Кондратенко З. К. Проблемы судебной практики, связанные с рассмотрением споров, возникающих по договорам аренды объектов незавершенного строительства // Юрист. — 2018. — № 3. — С. 30–34.
4. Ситдикова Л. Б. Проблемы исполнения обязательств на этапе незавершенного строительства // Правовые вопросы строительства. — 2015. — № 1. — С. 26–31.

Особенности правового статуса оценщика

Загидуллин Раиль Рамизович, студент;

Стрелец Алексей Романович, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается правовой статус оценщика. В работе выделены признаки оценщика как субъекта оценочной деятельности. В статье освещается актуальность введения процедуры квалификационного экзамена, достоинства и недостатки данной процедуры.

Ключевые слова: оценщик, оценочная деятельность, квалификационный экзамен, оценка, саморегулируемая организация оценщиков.

Согласно Федеральному закону от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» оценщиком (субъектом оценочной деятельности) признается физическое лицо, являющееся членом одной из саморегулируемых организаций оценщиков и застраховавшее свою ответственность в соответствии с требованиями названного закона.

Таким образом, Закон называет следующие признаки оценщика как субъекта оценочной деятельности:

1. Оценщик является физическим лицом. Не имеет значения гражданство оценщика, поскольку Закон не устанавли-

вает ограничений отношении территории, на которой они не вправе вести свою деятельность. Единственное исключение — территории закрытых административно — территориальных образований, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение. Таким образом, возможны ситуации, при которых исполнение оценщиком своих договорных обязательств будет невозможно. Во избежание подобных ситуаций информацию о наличии иностранного элемента должен предоставить либо оценщик, заключающий трудовой договор с организацией-работодателем, либо сама

организация (имеющая иностранных учредителей или иностранных инвестиции) — но уже при заключении договора на проведение оценки [1, с. 81].

Исходя из содержания закона, юридическое лицо не может быть оценщиком. При этом предшествующая редакция (до 2006 года) статьи 4 Закона включала юридические лица в число субъектов оценочной деятельности. По новой редакции Закона оценщик может осуществлять свою деятельность в рамках договора, заключенного с юридическим лицом. В этом случае оценщик выступает от имени организации, с которой он заключил трудовой договор. При этом круг таких организаций Законом ограничен — ими могут быть только те юридические лица, которые отвечают требованиям, установленным в ст. 15.1 Закона.

Трудовой договор оценщика с юридическим лицом должен соответствовать требованиям главы 10 ТК РФ. В трудовом договоре с оценщиком обязательно должно быть указано, что работник принят на работу по должности оценщика. Формулируя трудовую функцию работника, необходимо определить требования к его квалификации, что может быть отражено как в трудовом договоре, так и в должностной инструкции.

Таким образом, исключив юридические лица из числа субъектов оценочной деятельности, законодатель оставил их в качестве одной из сторон договора на проведение оценки. В этом случае имеет место противоречие положений Закона с положениями ст. 307 ГК РФ, определяющей права и обязанности сторон обязательства. То есть оценщик, не являясь стороной договора на проведение оценки, несет ответственность за его неисполнение. В то же время следует учитывать и положения ст. 402 ГК РФ, которая устанавливает презумпцию ответственности должника за действия своих работников.

Может ли оценщик быть индивидуальным предпринимателем? Закон об оценочной деятельности прямо не запрещает осуществлять оценку индивидуальному предпринимателю. При этом достаточно интересной представляется позиция Минэкономразвития как органа осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию оценочной деятельности. В своем письме Д06-751 от 25.03.2008 года орган сообщает, что федеральным законом не предусмотрено объединение в саморегулируемые организации оценщиков субъектов предпринимательской деятельности, поскольку в соответствии с российским законодательством об оценочной деятельности оценщик является субъектом профессиональной деятельности. Аналогичную позицию высказал и Росреестр в своем письме № 07-03143/20@ от 10.06.2020 года [2].

Статья 4 Закона относит к числу оценщиков лиц, занимающихся частной практикой. Однако при осуществлении своей деятельности частнопрактикующий оценщик сталкивался с серьезной проблемой. Предыдущая редакция статьи 85 НК РФ не предусматривала представление органами, учреждениями, организациями и должностными лицами сведений об оценщике, занимающемся частной практикой, и как следствие, не предусматривала постановку на учет данной категории физических лиц. А поскольку деятельность частнопрактикующего юриста так или иначе связана с систематическим получением прибыли, то его действия могли быть квалифицированы как незаконное

предпринимательство (ст. 171 УК РФ). Законодателем была предпринята попытка решить данную проблему. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей с 1 января 2017 года налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» были изменены ряд статей НК РФ, в том числе и статья 85 НК РФ [3]. Новая редакция статьи 85 НК РФ предусматривает обязанность Росреестра предоставлять ФНС РФ сведения о всех членах саморегулируемых организаций оценщиков. При этом, как следует из письма Федеральной налоговой службы от 16 ноября 2018 г. № БС-4-11/22263@, в случае отсутствия в сводном реестре членов саморегулируемых организаций оценщиков сведений о юридическом лице, с которым оценщик заключил трудовой договор, такой оценщик признается частнопрактикующим оценщиком и подлежит постановке на налоговый учет [4].

2. Оценщик является членом саморегулируемой организации оценщиков. Статья 24 Закона об оценочной деятельности устанавливает обязательные требования для лиц, вступающих в саморегулируемую организацию оценщиков:

- 1) наличие высшего образования и (или) профессиональной переподготовки в области оценочной деятельности;
- 2) отсутствие неснятой или непогашенной судимости за преступления в сфере экономики, а также за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления;
- 3) наличие квалификационного аттестата.

Для подтверждения соответствия этим условиям претендент на членство в саморегулируемой организации оценщиков должен предоставить ряд документов.

Во — первых, это документ об образовании и (или) о квалификации, подтверждающий получение высшего образования по результатам освоения образовательных программ, имеющих направленность (профиль) в области оценочной деятельности, и (или) диплом о профессиональной переподготовке в области оценочной деятельности.

Во — вторых, справку об отсутствии неснятой или непогашенной судимости за преступления в сфере экономики, а также за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления.

В — третьих, наличие квалификационного аттестата. Требование о наличии квалификационного аттестата было введено Федеральным законом № 172-ФЗ от 02.06.2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. В соответствии с нововведениями оценщик может осуществлять оценочную деятельность лишь по направлениям, указанным в аттестате.

По мнению Министра экономического развития М. С. Орешкина квалификационный аттестат и предшествующая ему процедура квалификационного экзамена позволяет очистить рынок оценочных услуг от некомпетентных оценщиков, и тем самым решить еще ряд проблем, таких как неэффективность механизмов, которые обеспечивают ответственность за результаты некачественной оценки, формальный контроль за деятельностью саморегулируемых организаций оценщиков со сто-

роны государства, демпинг при закупке оценочных услуг для государственных и муниципальных нужд [6].

Тем не менее, среди оценщиков и правоведов сложилась неоднозначная оценка этих нововведений. Сторонники реформы подчеркивают, что введение экзамена должно способствовать повышению качества оказываемых услуг [7, с.249]. Кроме того, введение данной меры абсолютно оправданно и является показателем повышения статуса профессии [8].

Доводы критиков реформы сводятся к следующим положениям [9, с.121–124]:

1) Ослабление конкуренции или сведение ее на нет неизбежно ведет к снижению качества оказываемых услуг, а также к увеличению их цены.

2) Теперь оценочная деятельность разделена на отдельные квалификации: «оценка движимого имущества»; «оценка недвижимости» и «оценка бизнеса» (в том числе оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности). При этом нет однозначного понимания того, к какому направлению оценочной деятельности относится тот или иной объект оценки. По каждой из квалификаций установлен отдельный экзамен. А это означает, что специалистам, практикующим оценку в разных сферах, придется сдавать экзамены по всем направлениям или сузить поле своей профессиональной деятельности.

3) Порядок проведения экзамена создает условия для коррупции, грубейших нарушений прав и законных интересов профессиональных оценщиков, в первую очередь региональных, вынужденных нести бремя дополнительных расходов, чтобы приехать на экзамен в другой регион.

4) Низкое качество экзаменационных вопросов, дискуссионность отдельных заданий, а также закрытость базы экзаменационных материалов негативно сказываются затрудняет процедуру апелляции, тем самым затрудняя реализацию оценщиками права на защиту.

3. Ответственность данного лица застрахована в соответствии с требованиями Закона об оценочной деятельности. Требования к договору страхования ответственности оценщика предусмотрены статьей 24.7 Закона об оценочной деятельности. При этом в силу положений статьи 24.6 Закона размер страховой суммы данного договора не быть менее чем триста тысяч рублей.

Литература:

1. Волкова М. А., Питько Е. В. Особенности правового статуса оценщика по законодательству Российской Федерации // Проблемы в российском законодательстве. — 2016. — № 2. — С. 80–83.
2. Письмо Росреестра от 10.06.2020 г. № 07–03143/20@ «Ответ на запрос ООО О возможности продолжения осуществления оценщиками деятельности в качестве ИП». — Текст: электронный // Оценщик.ру: [сайт]. — URL: <http://www.ocenchik.ru/docsp/3449-prodolzheniya-ocenshchikami-deyatelnosti-ip.html> (дата обращения: 13.11.2021).
3. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 27 (часть I). — Ст. 4176.
4. Письмо Федеральной налоговой службы от 16 ноября 2018 г. № БС-4-11/22263@ // Нормативные акты для бухгалтера. 11.12.2018 г. № 24.
5. Федеральный закон от 2 июня 2016 № 172-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 23. — Ст. 3296.

Обязательными элементами правового статуса оценщика являются его права и обязанности. Права оценщика предусмотрены статьей 14 Закона об оценочной деятельности, к их числу относятся: применения самостоятельно методов проведения оценки объекта оценки в соответствии со стандартами оценки; требовать от заказчика при проведении обязательной оценки объекта оценки обеспечения доступа в полном объеме к документации, необходимой для осуществления этой оценки; привлекать по мере необходимости на договорной основе к участию в проведении оценки объекта оценки иных оценщиков либо других специалистов и другие.

Обязанности оценщика предусмотрены статьей 15 Закона об оценочной деятельности. Так, оценщик обязан соблюдать требования нормативных правовых актов в области оценочной деятельности, стандартов оценки, правила деловой и профессиональной этики, не разглашать информацию, полученную от заказчика оценки, если в отношении этой информации установлено требование о конфиденциальности, представлять ежеквартально саморегулируемой организации информацию о подписанных в течение этого периода отчетах.

Кроме того, ряд обязанностей оценщика вытекают из положения других статей Закона об оценочной деятельности. Так, оценщик, становясь членом саморегулируемой организации оценщиков, обязан внести взнос в компенсационный фонд организации в размере не менее чем тридцати тысяч рублей.

Еще одна особенность правового статуса оценщика — различный объем прав и обязанностей оценщиков, работающих по гражданско — правовому и трудовому договорам. Например, обязанность по хранению отчетов об оценке делегируется оценочной компании, в которой трудоустроен оценщик. Оценщик, работающий по трудовому договору, не может влиять на условия договора об оценке, поскольку с точки зрения гражданского права не является ее стороной. Кроме того, оценщик, работающий по трудовому договору, имеет право на оплачиваемый отпуск.

Таким образом, правовой статус оценщика характеризуется рядом особенностей. Во — первых, наличие ряда требований к оценщику, без соблюдения которых он не сможет осуществлять свою профессиональную деятельность. Во — вторых, различный объем прав и обязанностей оценщиков, работающих по гражданско-правовому и трудовому договорам.

6. Орешкин: квалификационный экзамен поможет «очистить» рынок оценочной деятельности.— Текст: электронный // ТАСС: [сайт].— URL: <http://tass.ru/ekonomika/4668379> (дата обращения: 13.11.2021).
7. Салихова Д. Ч. Новеллы гражданского законодательства о правовом статусе оценщика // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. 2017.— Ч. 2 — С. 249–251.
8. Оценочная деятельность. Перегрузка. Изменения в 135-ФЗ.— Текст: электронный // SRG: [сайт].— URL: <http://www.srgroup.ru/mass-media/srg-smi/otsenochnayadeyatelnost-perezagruzka-izmeneniya-v-135-fz/> (дата обращения: 13.11.2021).
9. Побываев С. А., Лапенкова Н. В. Чужие здесь не ходят, или кто останется в оценке после 1 апреля 2018 г. // Экономические стратегии. 2018.— № 3.— С. 118–129.

Некоторые особенности конструкции состава грабежа

Зверева Анна Викторовна, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассмотрены конструктивные признаки открытого хищения чужого имущества и обоснована необходимость более четкого разграничения грабежа безотягчающих обстоятельств и грабежа, сопряженного с применением насилия.

Ключевые слова: грабеж, хищение, преступление, уголовная ответственность, насилие.

Актуальность избранной темы исследования обусловлена наличием сходных признаков, использованных законодателем при описании объективной стороны основного и квалифицированного состава грабежа. Между тем, открытый и насильственный характер изъятия чужого имущества не тождественны друг другу и нуждаются в дифференциации. В противном случае создаются условия для избыточного вменения п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ лицам, совершившим грабеж безотягчающих обстоятельств.

В соответствии с ч. 1 ст. 161 УК РФ грабежом признается открытое хищение чужого имущества. Открытый характер изъятия имущества подразумевает совершение преступления в присутствии потерпевшего или иного законного владельца имущества либо субъектов, воспринимавших происходящие действия как противоправные. В отличие от кражи, при грабеже виновный не скрывает намерения завладеть имуществом, может использовать «эффект внезапности», а также физическое преимущество или ситуационные особенности, определяемые обстановкой совершения преступления. Общественная опасность грабежа состоит в том, что в отношении потерпевшего совершается акт агрессии, завершающийся незаконным изъятием имущества.

Предметом грабежа могут быть движимые вещи, денежные средства, ценные бумаги или иное имущество, которое может быть фактически изъято и впоследствии использовано виновным по своему усмотрению. Логично предположить, что в условиях внезапного для потерпевшего криминального взаимодействия предметом грабежа становятся личные вещи, находящиеся при нем непосредственно (мобильный телефон, портмоне, украшения) или обнаруженные в месте его нахождения (денежные средства, хранящиеся в жилом помещении). С учетом относительного удобства изъятия и последующего сокрытия предметом грабежа может становиться автомобиль или иное малогабаритное имущество (экипировка, инвентарь), обладающее относительно высокой материальной цен-

ностью и потенциально легкой возможностью сбыта. Очевидно, что предметом грабежа не могут выступать вещи, изъятые из гражданского оборота (например, оружие, наркотические средства, новые психоактивные вещества). Если завладение ими осуществляется у законного владельца, имеет место конкуренция общей и специальной нормы, и содеянное квалифицируется по ст. ст. 226, 229 УК РФ. Если такое имущество находится в незаконном владении, содеянное может быть квалифицировано как незаконное приобретение таких предметов по ст. ст. 222, 222.1, 228, 234.1 УК РФ [2, с. 68–73]. Иными словами, предмет грабежа — это вещь, принадлежащая потерпевшему на праве собственности или находящаяся в ином законном владении.

По объективной стороне грабеж отличается от других хищений [1, с. 94–105]. В основе дифференциации лежит открытый характер изъятия чужого имущества [4, с. 11–16]. Так, кража подразумевает тайное завладение чужим имуществом; разбой — внезапное нападение, сопряженное с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с непосредственным применением такого насилия к потерпевшему или лицам, пытающимся помешать совершению преступления. При этом преступление, начатое как кража, может в итоге квалифицироваться как грабеж, если преступные действия обнаружены, но виновный продолжает их совершение, действуя уже не тайно, а открыто. Открытый способ изъятия имущества имеет место, когда виновный вступает во взаимодействие с потерпевшим, и для последнего становится очевидно выбытие имущества из законного владения. Типичным примером открытого хищения является так называемый «рывок», когда виновный неожиданно для потерпевшего выхватывает имущество у него из рук, либо действует аналогичным способом. Момент окончания преступления определяется с учетом материальной конструкции состава грабежа и подразумевает появление у виновного фактической возможности распорядиться похищенным имуществом.

Несмотря на открытый характер хищения, грабеж априорно не связан с применением насилия. Агрессия в отношении потерпевшего может быть спонтанной и обусловленной не желанием напугать его или нанести телесные повреждения, а намерением облегчить изъятие у него имущества. Поэтому в тех случаях, когда виновный неожиданно толкает потерпевшего, сбивая его с ног, либо совершает иные агрессивные действия (например, выхватывает сумку у потерпевшего, находящегося в центре скопления людей и вынужденно пребывающего в условиях ограниченной подвижности), содеянное образует основной состав грабежа и квалифицируется по ч. 1 ст. 161 УК РФ.

Вместе с тем, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ устанавливает такой квалифицирующий признак грабежа, как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия. Это является тяжким преступлением и в контексте основного состава грабежа порождает ряд проблем, связанных с завышенной квалификацией содеянного. На практике достаточно трудно разграничить открытое хищение, сопряженное или не сопряженное с насилием, не опасным для жизни и здоровья. Например, виновный приближается к потерпевшему в условиях ограниченной видимости, сбивает его с ног, завладевает личными вещами. Такой способ совершения преступления не может квалифицироваться по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, поскольку обстановка совершения преступления не свидетельствует о примененном насилии. Иная ситуация имеет место, когда потерпевший подвергается побоям или другим насильственным действиям, удерживался виновным в лежачем положении. При этом очевидно, что виновный использует не просто открытый характер изъятия имущества, но дополняет его насилием, которое облегчает возможность и изъятия, и последующего удержания похищенного, гарантируя достижение корыстной цели преступления.

Решение этой коллизии видится во внесении изменений в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря

2002 г. № 29, в тексте которого можно было бы четко определить те виды агрессивного поведения, которые имманентно присущи основному составу грабежа и потому не могут квалифицироваться как более тяжкое преступление. В данный момент в нем раскрыты признаки открытого хищения, но не сделано акцента на характере и степени агрессии, присущей ненасильственному грабежу. Дополнив п. 3 данного постановления указанием на них, было бы возможно восполнить этот пробел (например, указав, что при открытом хищении имущества потерпевший может находиться в условиях внезапного столкновения с виновным).

Грабеж является одним из хищений чужого имущества, обладающим относительно высокой латентностью. Ежегодно органами внутренних дел регистрируется около 40 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 161 УК РФ (например, в 2019 г. — 45,8 тыс., в 2020 г. — 38,7 тыс. [3, с. 3]), однако эти данные выглядят слишком оптимистичными. Например, около 50% зарегистрированных грабежей совершается в общественных местах, из чего можно заключить, что в официальных сведениях о состоянии преступности отражаются те факты, которые получают незамедлительное объективное подтверждение (благодаря наличию случайных очевидцев, записей с камер видеонаблюдения, иных источников информации). Те же ситуации, которые имели место в условиях неочевидности, могут оставаться за рамками последующей уголовно-процессуальной деятельности, поскольку потерпевшие зачастую не располагают информацией, позволяющей оперативно раскрыть преступление, и поэтому не всегда заинтересованы в том, чтобы обратиться в полицию с заявлением о совершении преступления. В тех случаях, когда такая информация поступает в правоохранительные органы, потерпевший закономерно акцентирует внимание на агрессии со стороны преступника. Подобные ситуации не должны влечь за собой необоснованного принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела о тяжком преступлении.

Литература:

1. Безверхов, А.Г. «Хищение чужого имущества» как правовая категория: современное состояние и тенденции развития / А.Г. Безверхов // Юридический вестник Самарского университета. — 2015. — Т. 1. — № 3. — С. 94–105.
2. Радченко, Т.В. Особенности квалификации хищения наркотических средств или психотропных веществ, совершенного с применением насилия / Т.В. Радченко // Эпоха науки. — 2017. — № 11. — С. 68–73.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. — М.: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2021. — 66 с.
4. Хилюта, В.В. Квалификация ненасильственного грабежа в теории и практике уголовного закона / В.В. Хилюта // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2012. — № 3. — С. 11–16.

Принципы гражданского права

Зинченко Евгений Витальевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье анализируются принципы гражданского права. Приводятся существующие классификации гражданского права. Характеризуется система принципов гражданского права. Определяется роль и место принципов гражданского права в механизме правового регулирования, в рамках правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности. Принципы гражданского права

являются основополагающими идеями данной отрасли права, задающей ее характер и направление регулирования общественных отношений. В определенном смысле можно сказать, что принципы права — это мерило правопонимания и основа правоприменения. С одной стороны, принципы позволяют толковать нормы отрасли гражданского права, с другой стороны, при отсутствии норм, регулирующих те или иные правоотношения, правовые принципы сами выступают в качестве непосредственных регуляторов общественных отношений, что и определяет их безусловную важность.

Ключевые слова: принципы права, гражданское право, система принципов.

Актуальность исследования избранной темы обнаруживает себя сразу в нескольких аспектах. Прежде всего, следует сказать, что многие принципы гражданского права находят свое продолжение (и конкретизацию) в различных отраслях, в том числе — в гражданском праве и законодательстве. В связи с принятием Гражданского кодекса РФ, ознаменовавшего собой эпоху рыночных отношений, зарождения и развития в России гражданского оборота, вызывает повышенный интерес сам процесс реализации этих принципов права в гражданском праве как одной из крупнейших (фундаментальных) отраслей права.

В связи с тем, что гражданские правоотношения уже заняли прочное место в обществе и государстве, а также учитывая их разнообразие и разнонаправленность, представляется весьма эффективным исследование принципов гражданского права.

Слово «принцип» в переводе с латинского означает «основа» или «начало», «первопричина». В теории права принципы понимаются как исходные нормативные и руководящие принципы, выраженные в законе, характеризующие его содержание, основы, законы общественной жизни, которым посвящен тот или иной рассматриваемый принцип [1, с. 346].

Правовые принципы являются своего рода базисом, основой всей юридической реальности, позволяют наиболее полно и точно раскрыть ее содержание и сущность. Принципы отражают наиболее важные, базовые характеристики отдельных правовых институтов, отраслей права и всей правовой действительности в целом. Образно говоря, правовые принципы «растворены» в нормативных правовых актах, выражая сущность практически всех юридических норм, нашедших отражение в данных актах [2, с. 125].

М. К. Треушников называет принципы «основанием системы норм, центральными понятиями, стержневыми началами всей системы» [3, с. 189].

Правовые принципы определяют общие положения гражданского права, выступая базовыми характеристиками данной отрасли. Одно из главных проявлений принципов видится в том, что они обозначают цель гражданского права, обозначают методы ее достижения, а также определяют содержание всей отрасли в целом и ее структурных элементов: институтов, подинститутов, юридических норм. Характер и содержание деятельности всех субъектов гражданского права также определяется принципами. Наиболее общие тенденции развития и направления совершенствования российского гражданского права также поддаются прогнозу благодаря тщательному изучению и анализу принципов гражданского права, так как большинство нововведений, изменений, дополнений в действующем законодательстве формулируется преимущественно на основе отраслевых принципов [4, с. 12].

Важность принципов в практическом применении судебного права имеет колоссальную важность. Подавляющее большинство правовых принципов выступают движущими, базовыми демократическими ориентирами и гарантиями, направляющими суд на руководство не только конкретными нормативными предписаниями и положениями, нашедшее прямое отражение в текстах законов и иных актов, но и рассматривает и разрешает дело в соответствии с имеющимися принципами гражданского права. Важно также отметить и такое значение принципов гражданского права, как опора на них в сфере правоинтерпретационной деятельности: так, толкование гражданско-правовых норм осуществляется с учетом принципов гражданского права. Все это позволяет суду надлежаще рассматривать и разрешать гражданские дела и выносить, в конечном итоге, законные обоснованные и справедливые решения по существу рассматриваемых споров [2, с. 178].

Гражданский кодекс Российской Федерации, как и всякий другой кодекс, относящийся к той или иной правовой системе, содержит определенное количество лагун и юридических лазеек. Одним из главных способов преодоления таких несовершенств юридической техники нормативных актов является возможность рассмотрения судом дела по аналогии процессуального закона или права, предусмотренная ч. 5 ст. 1 ГПК РФ. Применение данных методов целиком и полностью построено на применении принципов гражданского права, выступающих указующим ориентиром для суда.

В советский период исторического развития России в общем и процессуальной науки, в частности, существовало мнение, что юридические принципы являются идеологическим выражением сущности отрасли гражданского процессуального права, его социального типа и классового характера [5, с. 292].

Несмотря на то, что в настоящее время данный подход несколько потерял свою актуальность, для нас важно в данном случае ориентироваться на следующее объективное обстоятельство: формально-юридический анализ законодательства того времени позволяет сделать вывод об общечеловеческой ценности принципов гражданского права, их в целом демократической сущности, и отсутствии в большинстве своем истинно классового характера. Именно поэтому исследования советских авторов, посвященные рассматриваемой тематике, сохраняют актуальность и по сей день [6, с. 20].

На понимание сущности правовых принципов оказывает влияние анализ не только их содержания, но и структуры. В структуре правовых принципов принято выделять следующие три элемента:

1) представления, находящиеся в сфере правосознания. При чем в данном случае речь идет обо всех существующих уровнях правосознания: обыденном, профессиональном и на-

учном, при том, что, очевидно, наиболее пристальное внимание вызывают два последних уровня правосознания;

2) нормативные положения действующего законодательства. Это своего рода базис, нормативная составляющая рассматриваемых правовых принципов.

3) претворение данных принципов в конкретной сфере общественных отношений. В случае с принципами гражданского права речь идет о реализации принципов в деятельности участников гражданского оборота, а также судов по отправлению правосудия по гражданским делам [7].

Принципы гражданского права в своей совокупности образуют систему, которая характеризуется такими признаками как взаимозависимость и взаимосвязанность. Это подчеркивается самым словом «система», которое имеет греческое происхождение и переводится как «целое», «соединение», «составленное из частей».

Данная система принципов оценивается учеными юристами по-разному, выдвигаются как различные классификационные критерии подразделения данных принципов на группы, так и высказываются различные мнения об их количественном составе, разные наименования принципов [8].

Важно отметить, что система принципов — это не простая сумма, которая получается путем сложения отдельных принципов гражданского права воедино. Речь идет именно об особом характере связей данных принципов, их взаимном влиянии и взаимообусловленности. Более того, некоторые принципы могут встречаться в рамках различных отраслей, но наполняться особым содержанием они будут каждый раз в зависимости от системы принципов той отрасли, в которой они в данный момент рассматриваются.

Что же касается соотношения принципа справедливости с началами добросовестности и разумности, то здесь у ученых нет единого мнения. А именно, некоторые придерживаются позиции, согласно которой справедливость является самостоятельным принципом гражданского права, другие же рассматривают его как составляющую добросовестности.

Так, например, Федин И. Г. считает, что разумность и справедливость необходимо рассматривать как элементы добросовестности. Он объяснял это следующим образом. Возможность раскрытия содержания понятий добра и совести, а соответственно, и добросовестности, как проявления того, что находится за рамками чувственного опыта (трансцендентальное начало). На основе этого Федин делает вывод о том, что добросовестность — это всеобъемлющий принцип, основанный на императивных правилах. Именно данное руководящее начало по мнению Федина генерирует все другие. Справедливость же Федин рассматривает как нечто весьма поверхностное, основанное на национальном правопонимании [9, с. 28].

Его позицию разделяют многие другие ученые-цивилисты. Например, Лукьяненко считает, что понятие разумность не имеет самостоятельного значения. Как считает Р. Гуд, понятие добросовестность необходимо раскрывать через понятие справедливость. Сторонники такого способа раскрытия содержания понятия добросовестность в основном объясняют его верность следующим образом: Справедливость — есть порождение трансцендентальных начал совести и добра и складывается под влиянием

чувства права и утверждающихся на его основе правовых принципов» [10, с. 224].

По мнению Вопленко, справедливость является общим принципом, лежащим в основе права, добросовестность же следует рассматривать как ее частное проявление. Свою позицию он основывает на том, что именно справедливость является системообразующим понятием морали. Все же остальные категории, в том числе и добросовестность подстраиваются под нее. При этом основой для принципа справедливости, по мнению ученого, служит легитимность и нравственность [11, с. 13].

Согласно мнению Богдановой, принцип добросовестности является общим принципом гражданского права, но при этом принцип справедливости, как и принцип разумности являются самостоятельными [12, с. 178].

Иной точки зрения придерживается Дождев, который утверждает, что добросовестность является общим началом, а справедливость его частным проявлением. Он объясняет это тем, что стремление индивидуума действовать в соответствии с общепринятыми стандартами морали и нравственности основывается именно на добросовестности [13, с. 46].

Как считает Алексеев, «справедливость — есть порождение глубоких трансцендентальных начал совести и добра и складывается под влиянием чувства права и утверждающихся на его основе правовых принципов» [14, с. 333].

Куда более сложным, на наш взгляд, является вопрос о соотношении принципа справедливости и принципа равноправия и равенства перед законом и судом (принцип равной защиты законом).

Дело в том, что понятие справедливость является нравственно-этическим, в то время как равенство в праве рассматривается в качестве логического понятия. Это обуславливает и еще одно основное отличие рассматриваемых понятий, а именно, понятие справедливость является достаточно динамичным, поскольку основывается на представлениях общества, разделяемых его большинством. Эти самые представления периодически меняются, соответственно, и сама идея справедливости время от времени также начинает претерпевать определенные изменения. Что же касается понятия равенства, то оно, как известно, является прежде всего понятием, которым оперируют естественные и точные науки. Дефиниция тех или иных терминов в рамках данных наук почти никогда не изменяется и, более того, всегда бывает основана на тех или иных явлениях реальной действительности. Из этого следует, что понятие равенства в праве всегда будет истолковываться с учетом представлений о равенстве, которые существуют в рамках точных и естественных наук. Дефиниция данного понятия всегда будет статична, любые же ее изменения никак не будут связаны с теми или иными представлениями общества, поскольку данное понятие, как уже указывалось, является прежде всего термином для точных и естественных наук, где определение всегда зависит от окружающей действительности и объективно существующих закономерностей, а не от взглядов, разделяемых большинством.

Также хотелось бы обратить внимание и на то, что в рамках других отраслей права рассматриваемые принципы четко разграничиваются и рассматриваются как абсолютно самостоя-

тельные. Например, в рамках уголовного права руководящее начало равенства и руководящее начало справедливости никак не пересекаются.

В целом, представляется, что ориентация на принципы позволит гражданскому законодательству стать более гибким, эффективно подстраивающимся под реалии социальной жизни.

Литература:

1. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х томах. Т. 2/ под ред. М. Н. Марченко — М.: Юрист, 2000.
2. Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник/ Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М.: Юрист, 2006.
3. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский Дом »Гордец»», 2007.
4. Чесовской Е. Принцип процессуальной активности суда в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 8.
5. Биюшкина Н. И. Принципы советского права в контексте кодификации 1950-х — 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6.
6. Лукашева Е. А. Принципы социалистического права / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 19–26.
7. Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Основные принципы права: понятие и классификация // Legal Concept. 2013. № 1.
8. Лавдаренко Л. И., Рудых С. Н. Принципы права и их система // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95).
9. Федин И. Г. Соотношение добросовестности с категориями «Разумность» и «Справедливость» // Философия права. 2017. № 4.
10. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. — М.: Статут, 2010.
11. Вопленко Н. Н. Механизм формирования представлений о юридической справедливости // Legal Concept. 2012. № 2.
12. Богданова Е. Е., Василевская Л. Ю., Гринь Е. С. и другие. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М., 2016.
13. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000.
14. Алексеев, С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху: Монография / С. С. Алексеев. — 2-е изд., доп. — Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013.

Реабилитация в российском уголовном процессе: актуальные вопросы теории и практики

Иваненко Анна Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В условиях правового государства, которым согласно Конституции РФ [1] провозглашается Российская Федерация, одним из ключевых, основополагающих принципов является принцип законности. Помимо ст. 15 Конституции РФ, указанный принцип гарантирован ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] (далее — УПК РФ). Следование ему необходимо на всех этапах уголовного судопроизводства. Как верно отмечается Е. В. Колесниковым, любое посягательство на предусмотренный УПК РФ порядок судопроизводства по уголовным делам не только недопустимо по каким-либо причинам (к примеру, моральным или политическим), но и прямо противозаконно [8]. Однако, от совершения ошибок в правоприменении никто не застрахован. Факты незаконного или необоснованного уголовного преследования, к сожалению, встречаются нередко.

В таких случаях жизнь лиц, попавших в «орбиту» уголовного процесса, может существенно измениться в негативную сторону, возможны: снижение репутации, потеря работы, утрата родственных и дружеских связей и пр. Причем,

такие последствия могут возникать не только вследствие неправомерного осуждения, но и даже на этапе предварительного расследования преступлений, которое порой длится не один год. В государствах, являющихся правовыми, демократическими, в обязательном порядке должен функционировать специальный механизм, позволяющий минимизировать причиненный в уголовном судопроизводстве ущерб. Дореволюционные правоведы называли этот механизм «вознаграждение невинно привлеченных к суду», а сегодня он именуется как реабилитация [6].

Реабилитации в уголовном процессе посвящена гл. 18 УПК РФ (ст. 133–139), в которой определяются основания возникновения права на реабилитацию, виды возмещаемого вреда, порядок реализации компенсационно-восстановительных мер по отношению к реабилитируемым лицам, а также комплекс гарантий их прав. Помимо этого, учитывая межотраслевой характер реабилитационных правоотношений, на них распространяются положения части второй Гражданского кодекса РФ [2] (далее — ГК РФ), Указ Президиума Верховного Совета

СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-Х [5]. В целях упорядочивания практики применения соответствующих норм о реабилитации в 2011 г. было утверждено специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ [4].

Если обратиться к статистическим данным о деятельности судов общей юрисдикции, аккумулируемым Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, то можно увидеть, что в течение 2020 г. было оправдано 1 932 чел. (притом, что осуждено 562 963 чел.). Для сравнения к концу 2015 г. эти показатели равнялись 4 297 чел. и 762 958 чел. соответственно [7]. По мнению руководителей профильных ведомств, в частности МВД России и СК России, снижение числа оправдательных приговоров, равно как и фактов реабилитации лиц на стадии досудебного производства, обусловлено повышением состояния законности, качества предварительного следствия, уровня компетентности сотрудников правоохранительных органов и т.д. [9]. Однако, сторонние специалисты видят в регистрируемых сведениях несколько иные причины. Уголовный процесс, несмотря на проводимые реформы, продолжает оставаться карательным, репрессивным, имеющим обвинительный уклон. Восстановление в правах граждан, которые были незаконным и/или необоснованным образом заподозрены, обвинены, осуждены в совершении преступления, для стороны обвинения (следствия, дознания, прокуратуры и суда) является крайне нежелательным итогом, поскольку оно будет свидетельствовать о некомпетентности, халатности и несоблюдении законодательства должностными лицами, ранее осуществлявшими уголовное преследование. Учитывая это, со стороны последних могут специально создаваться препятствия для признания права первых на реабилитацию [13].

Но даже, если гражданин добивается справедливости и доказывает, что он незаконно или необоснованно подвергся уголовному преследованию, то получить возмещение от государства ему удастся не всегда. Из официальной информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ следует, что в 2020 г. из 2 080 ходатайств, поступивших в производство судов по поводу возмещения вреда реабилитированным лицам, были удовлетворены только 1 178, в процентном соотношении это 56,6% (в 2015 г. из 2 511 ходатайств суды признали 1 309, т.е. 52,1%) [7].

По словам В. А. Потетинова, имеющиеся к настоящему времени статистические данные свидетельствуют о том, что действующий институт восстановления реабилитируемых лиц в правах, в том числе, в виде возмещения причиненного им вреда, является неостребованным и неэффективным. Такая ситуация вызвана несовершенством правовой регламентации рассматриваемого института. В уточнении или изменении нуждаются: понятийный аппарат института реабилитации; основания и условия возникновения права на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства; круг субъектов, имеющих право на реабилитацию; и иные вопросы, препятствующие единообразному применению соответствующих правовых норм [11]. К аналогичным выводам приходят в своих работах и другие авторы, например, А. А. Орлова [10], Д. З. Хамадишин [14], С. А. Рогачев [12].

Соглашаясь с позицией вышеназванных ученых, можно сказать, что институт реабилитации в уголовном процессе Российской Федерации продолжает оставаться актуальной темой, нуждающейся в комплексном правовом анализе.

Правоведы справедливо указывают на то, что сущность института реабилитации в правовом обществе необходимо неразрывно связывать с истоками формирования понятия реабилитации. Термин «реабилитация» впервые употребил средневековый французский легист Блейнианус (Bleymanus) для обозначения древнейшего института помилования осужденного с восстановлением всех его прежних прав (от позднелат. *rehabilitatio* — восстановление). Вплоть до 1981 года незаконно осужденные получали лишь компенсацию в размере до двух месячных окладов независимо от отбытого ими срока лишения свободы (без надбавок и премии), которая не могла выполнять функцию реабилитации.

Следует отметить, что вопросы реабилитации лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию, пользуются повышенным интересом со стороны отечественных теоретиков и практиков. Большой вклад в разработку указанной темы внесли: Г. Г. Амирбекова, В. И. Антонов, Б. Т. Безлепкин, А. П. Гуляев, О. А. Корнеев, А. Д. Кузнецова, В. В. Николюк, А. А. Орлова, М. В. Орлова, И. Л. Петрухин, А. А. Подопригора, Б. А. Поляков, Д. Л. Проказин, В. С. Раменской, С. А. Рогачев, В. И. Рохлин, С. В. Супрун, Д. А. Тазиев, Д. В. Тотьянина, Г. П. Химичева, Ю. Б. Чупилкин, А. А. Яшина и др.

В последние годы отдельные аспекты института реабилитации в уголовном процессе России были предметом диссертационных исследований: Г. Г. Амирбековой «Институт реабилитации в уголовном процессе: теория и практика реализации: по материалам Республики Дагестан» (2008 г.), Д. Ф. Хамадишина «Механизм реабилитации лица в уголовном процессе» (2011 г.), А. А. Орловой «Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе» (2013 г.), А. А. Яшина «Конституционно-правовые основы реабилитации в Российской Федерации» (2015 г.), В. А. Потетинова «Уголовно-процессуальный институт реабилитации в законодательстве России: современное состояние и перспективы развития» (2018 г.) и др.

Теоретические выводы и предложения, сформулированные вышеназванными и иными авторами, внесли большой вклад в формирование методологической основы реабилитации лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию. Однако, считать проблему научных разработок в данной сфере исчерпанной и удовлетворительно решенной на сегодняшний день пока нельзя, что подтверждают и целый ряд недостатков в правовом регулировании института реабилитации, и статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ, демонстрирующие недостаточный уровень обращения реабилитированных лиц с ходатайствами о возмещении вреда в порядке реабилитации и их последующего удовлетворения.

Сказанное в совокупности подтверждает не только актуальность темы настоящей статьи, но и ее практическую значимость.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410; 2021. — № 27 (ч. 1). — Ст. 5123.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921; 2021. — № 27 (ч. 1). — Ст. 5122.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (ред. от 02.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 1; 2013. — № 6.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1981. — № 21. — Ст. 741.
6. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. — М.: Статут, 2016. — С. 1180.
7. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата посещения: 15.11.2021).
8. Колесников Е.В. Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти // Российская юстиция. — 2020. — № 5. — С. 4.
9. Колокольцев рассказал о сокращении числа реабилитированных в ходе следствия // РИА Новости. — 06.04.2018. — [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20180406/1518063571.html> (дата посещения: 15.11.2021); Председатель Следственного комитета Российской Федерации провел оперативное совещание в формате видео-конференц-связи // Официальный сайт Следственного комитета РФ. — 22.12.2020. — [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <https://sledcom.ru/press/events/item/1524843/?tab=images> (дата посещения: 15.11.2021).
10. Орлова А.А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — С. 4–6.
11. Потетин В.А. Уголовно-процессуальный институт реабилитации в законодательстве России: современное состояние и перспективы развития: Дис. ... канд. юрид. наук. — Белгород, 2018. — С. 3–4.
12. Рогачев С.А. Реабилитация в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 5.
13. Саркисов В. Уголовная реабилитация: что это и для чего она нужна? // Издательская группа «Закон». — 01.12.2018. — [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <https://zakon.ru/blog/2018/12/01/> (дата посещения: 15.11.2021).
14. Хамадишин Д.З. Механизм реабилитации лица в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2011. — С. 3–4.

К вопросу об ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии

Илюшкова Виктория Сергеевна, студент бакалавриата
Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

Научный руководитель: Паулов Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет

В статье автор пытается определить, являются ли ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии нарушениями.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, период пандемии, ограничение.

В данной статье речь пойдет о теме, которая, можно с уверенностью сказать, затронула каждое государство, а именно его граждан, чьи конституционные права и свободы были ограничены в связи с непростой сложившейся ситуацией, вызванной COVID-19, постигшим весь наш человеческий мир. Здесь мы

подискутируем, являются ли ограничения прав и свобод необходимыми мерами во благо граждан или же это произвол и незаконие со стороны властей? Как всё это отражается на гражданах и на государстве? Со всеми этими и многими другими вопросами в данный момент мы сталкиваемся почти каждый

день! Но многие ли об этом задумываются? Предлагаю внести некое представление и понимание.

Нам всё время твердят, что живем мы в правовом государстве, которое базируется на соблюдении законности и полной свободе личности. Так давайте же вместе рассмотрим, нарушаются ли конституционные права и свободы человека и гражданина в период пандемии, на основании положений основных законов, высказываний юристов и учёных, а также рассмотрим на основании собственных представлений и взглядов на этот счёт не только как людей, приближенных к правоведению, но и как обычных граждан России, кем, собственно, мы и являемся.

Понятие прав и свобод человека и гражданина

Понятие «права человека и гражданина» подразумевает совместную волю общества, которую призвано обеспечить государство. Нельзя ликвидировать человеческие права, однако они могут быть ограничены по решению суда в исключительных случаях. Понятие «свободы человека и гражданина» подразумевает возможность человека осуществлять свой выбор и действовать исходя из собственных побуждений. Предоставляя свободы, государство чётко определяет возможность свободного самоопределения человека в различных сферах общественной жизни.

Так, Азаров А. Я. называет «права» именно правомочиями граждан в определенной сфере, внутри действия которых нет вариантов, кроме как воспользоваться или не воспользоваться, а «свободами» он называет те сферы, в которые государство не должно вмешиваться, но должно обеспечивать их защиту [5]. Иными словами, автор подразумевает, что право даёт человеку диспозитивный выбор, который предоставляет им возможность самим выбирать использовать то или иное право, или нет. А говоря о свободах, автор пытается донести, что человек осознанно выбирает, как ему поступать в соответствии со своими желаниями, целями, идеалами, оценками и интересами.

Разобравшись с понятиями «прав и свобод человека и гражданина», мы просто не можем не упомянуть основной закон, где данные понятия закреплены. В самой первой главе Конституции РФ, посвящённой основам конституционного строя, а именно в ст. 2, сказано, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [3].

Так Галимова, Л. Р., опираясь на ст. 17 и 18 Конституции, утверждает о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому человеку от рождения; также они являются непосредственно действующими и устанавливают смысл, суть и применение законов, работу законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления и гарантируются правосудием [1].

Таким образом, при проведении юридического анализа понятия «прав и свобод человека и гражданина», мы можем смело утверждать, что права и свободы человека выражают волю общества, предоставляют гражданам возможность выбора, а также, что самое важное, гарантируются Конституцией РФ и обеспечиваются принудительной силой государства.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в период пандемии

В сегодняшнем инновационном мире коронавирус влечёт актуальную и просто наболевшую проблему фактически для каждого государства. Проблемы коронавирусной инфекции, распространение и её последствия предстают более чем насущными и животрепещущими в особенности для Российской Федерации и её граждан.

С. А. Пяткина утверждает, что ст. 55 Конституции РФ содержит ряд принципов, направленных на защиту прав человека и гражданина, и перечень оснований, согласно которым возможны ограничения прав и свобод [2]. То есть основные права и свободы не должны толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, потому в РФ не должны издаваться законы, которые бы их отменяли, однако они могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Так значит ли всё это, что и в период пандемии права и свободы человека и гражданина можно и даже нужно ограничить? Или всё же нельзя? Давайте разбираться.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в период пандемии как нарушение

Наверное, ни для кого не секрет, что в связи с эпидемиологической ситуацией появилось множество ограничений, в той или иной мере нарушающих конституционные права и свободы человека и гражданина, которые, по закону, нарушаться просто не должны.

Как нами уже упоминалось ранее, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства, а это значит, что государство ответственно за нарушение прав и свобод человека, поскольку это является важным фактором осуществления конституционной обязанности защищать права и свободы личности. В главе 2 Конституции РФ содержатся нормы, которые обязательно гарантируют права и свободы, их равенство и собственно гарантию их защиты в случае нарушения [3].

В РФ было проведено множество ограничений, возникших из-за коронавируса, потому мы рассмотрим такое актуальное ограничение как сужение объема прав на образование, а именно дистанционное обучение, которое в определенной мере компенсирует возникшие неудобства, но не является сто процентной заменой обычного, уже сложившегося порядка обучения. То есть миллионы студентов, посещающие занятия из дома, в большинстве случаев либо недополучают знаний, которые могли бы получить в очном формате обучения, либо же просто не слушают или занимаются своими делами, поскольку дисциплина, контроль и эффективность дистанционных занятий, увы, находятся на существенно слабом уровне.

А значит, можно согласиться, что ограничения прав и свобод, безусловно, во многих моментах ущемляют граждан

и лишают их тех возможностей, на которые по Конституции РФ они имеют полное право, следовательно, такие ограничения являются нарушением конституционных основ прав и свобод человека и гражданина.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина в период пандемии как не нарушение

Рассмотрим иную точку зрения. В апреле 2020 года Президентом РФ был подписан указ, согласно которому на высших должностных лиц субъектов РФ были возложены обязанности по определению территорий, где предусматривается реализация комплекса ограничительных мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В нём было указано, что ограничения прав и свобод граждан вводятся высшими должностными лицами (руководителями высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ в рамках режимов повышенной готовности и ограничительных мероприятий (карантина) [4]. Нельзя не согласиться, что данные ограничения прав и свобод, безусловно, реализуются с целью защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов и безопасности государства, о чём мы, в принципе, упоминали выше. Например, для граждан РФ ввелось ограничение, связанное

с обязательным ношением масок в общественных местах, способствующим уменьшению количества вирусов и бактерий, которые могут попасть в организм, а чем меньше болезнетворных частиц попадает в организм, тем выше вероятность того, что не заболеем ни мы, ни наши близкие и, в целом, граждане РФ.

А значит, то, что мы подразумевали под «нарушением» прав и свобод человека и гражданина, связанных с их ограничением, является необходимой мерой государства, а никак не нарушением.

Делая общий вывод, при ответе на вопрос, являются ли ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии нарушением; наше мнение разделилось. С одной стороны, мы утверждаем, что ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии являются нарушением, поскольку во многих моментах они ущемляют граждан и лишают их законных возможностей; а с другой стороны, мы говорим, что ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в период пандемии не являются нарушением, так как являются необходимой мерой для защиты здоровья граждан и безопасности государства. Потому мы можем сказать, что нельзя однозначно ответить на данный вопрос, так как он не содержит чёткого ответа, который был бы верным.

Литература:

1. Галимова, Л. Р. Права и свободы граждан как критерий формирования гражданского общества и правового государства // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.).— Краснодар: Новация, 2016.— С. 4–7.
2. Каримова, А. Ю. Конституционное право человека и гражданина на жизнь, свободу и личную неприкосновенность / Мадридский юридический вестник. 2018. Т. 1. № 3 (18). С. 113–116. (НАЗНАЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
4. Паулов П. А. Факторный анализ современного Российского законодательства (методологический и практический аспекты) // Кандидатская диссертация URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30344413>
5. Указ Президента РФ от 02.04.2020 N239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Собрание законодательства РФ», 06.04.2020, N14 (часть I), ст. 2082
6. Фарыма В. И., Ладыгина А. И. Понятие и классификация основных прав и свобод личности // КиберЛенинка // Текст научной статьи по специальности «Право» — 4 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 50 (392) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 22.12.2021. Дата выхода в свет: 29.12.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.